

ПРАВОСУДИЕ В ТАТАРСТАНЕ

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Учредители:

Управление Судебного департамента в Республике Татарстан
Верховный суд Республики Татарстан

ЧИТАЙТЕ В НОМЕРЕ

Ильгиза Гилязова представили коллективу Верховного суда РТ в должности председателя суда	2
Новый председатель Верховного суда республики: о себе и о судьях	4
В. Лебедев: «У нас одна задача – чтобы решения были законными»	6
Граждане стали чаще подавать в суд на чиновников	8
Жилищные страсти в судах	10
Обзор судебной практики Верховного суда РТ	13
В.А. Егоров. Институт медиации в России: проблемы и перспективы	20
Р.В. Шакирьянов. Рассмотрение гражданских дел в суде апелляционной инстанции в письменном порядке: изменения в ГПК	24
З.И. Читая. Судебная практика и совершенствование уголовного закона ...	28
Р.Г. Бикмиев. Правовое регулирование реабилитации в уголовном судопроизводстве Российской Федерации	34
А.Р. Ходжиев. Понятие института международно-правовой ответственности в международном праве	38
А.Г. Нуриев. Исследование основ мусульманского права в работе Шайх-Аттара Иманаева «Мусульманский гражданский юридический строй как продукт общественности» (1926 г.)	42
А.Р. Мухаммадеев. Мусульманские суды и судьи Волжской Булгарии (X-XIII в.в.)	45
Т. Гильфанова. Пьяный за рулем – угроза жизни людей и причинения имущественного ущерба	51
И. Сабитов. Приватизация садовых и дачных земельных участков	52
Новости	55
Поздравляем!	56

РЕДКОЛЛЕГИЯ

- **Д.З. САЛЯХОВ** –
начальник Управления Судебного департамента в РТ
- **И.И. ГИЛАЗОВ** –
председателя Верховного суда РТ
- **Р.И. САЛАХОВ** –
председатель Арбитражного суда РТ
- **В.Н. ДЕМИДОВ** –
председатель Конституционного суда РТ
- **М.Г. АБДРАШИТОВА** –
председатель Азнакаевского городского суда РТ
- **Ш.Ш. ЯГУДИН** –
председатель комитета Государственного Совета Республики Татарстан по законности и правопорядку
- **И.А. ТАРХАНОВ** –
декан юридического факультета КФУ
- **И.И. БИКЕЕВ** –
проректор по научной работе Института экономики, управления и права
- **Л.М. ДМИТРИЕВСКАЯ** –
президент Адвокатской палаты РТ

Выпускающий редактор
Нейля Авзалова
Дизайн и верстка
Ренат Хафизов

Зарегистрирован Министерством информации и печати РТ. Регистрационный номер №0725. Адрес редакции: 420015, Казань, ул. Пушкина, 70. Адрес редакции и издателя совпадают. Контактный телефон: (843) 221-65-04. Индекс 16030. Журнал издается один раз в квартал. Распространяется бесплатно. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Заказ № Формат – А4. Тираж – 500 экз.
Отпечатано в ООО ПКМ «Реноме»: 420111, Казань, ул. Миславского, 9. Подписано к печати: 05.08.2011

ИЛЬГИЗА ГИЛАЗОВА ПРЕДСТАВИЛИ КОЛЛЕКТИВУ ВЕРХОВНОГО СУДА РТ В ДОЛЖНОСТИ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ СУДА

На церемонии вступления в должность присутствовали председатель Верховного Суда Российской Федерации Вячеслав Лебедев, президент Республики Татарстан Рустам Минниханов, председатель Государственного Совета Республики Татарстан Фарид Муха-

метшин, предшественник Ильгиза Гилязова – Геннадий Баранов, а также председатели судов республики, руководители смежных организаций.

Вячеслав Лебедев, представляя Ильгиза Гилязова, сказал, что хорошо знает его. «Это профессионал, он прошел все

ступени судейской системы. Не снижайте интереса к своей профессии в новой должности, — пожелал он новому председателю Верховного суда РТ. — Я убежден, что у вас все получится. Можете рассчитывать на нашу поддержку».

Особые слова благодарности председатель

Верховного Суда России сказал Геннадию Баранову, который в судейской системе проработал 44 года, 26 из них – в должности председателя Верховного суда Татарстана. В конце апреля этого года он ушел в почетную отставку.

«Вы один из немногих судей в РФ, проработав-

ших 26 лет в качестве руководителя Верховного суда республики. Спасибо вам за работу и за хороший, высокопрофессиональный коллектив», — поблагодарил Вячеслав Лебедев Геннадия Баранова.

Президент Татарстана свое выступление также начал со слов благодарности в адрес Геннадия Баранова: «Долгие годы вы работали честно и справедливо, спасибо вам большое. Очень хорошо, что при отборе кандидата на должность председателя Верховного суда Татарстана выбор

пал на человека, который жил и работал в нашей республике. Для стабильности региона очень важен справедливый суд. Руководство республики будет поддерживать Ильгиза Гилязова».

Геннадий Баранов сказал, что Ильгиз Гилязов 15 лет был его заместителем и никогда ни в чем не подводил его. «Я всегда говорил, не бойся умных

заместителей, а наоборот, гордись ими. Я думаю, что Ильгиз Идрисович продолжит все мои начинания и поведет коллектив к выполнению всех задач, которые будут ставить перед нами наш народ и государство», — подчеркнул он.

В ответном слове Ильгиз Гилязов поблагодарил всех за доверие, которое было оказано ему при ре-

шении вопроса о назначении председателем Верховного суда РТ. «Я понимаю, что руководить судебным сообществом судов общей юрисдикции такого субъекта, как Татарстан — это очень почетно и ответственно», — сказал он.

По Закону «О статусе судей в РФ» судьи, вступающие в должность, должны принять присягу. Ильгиз Гилязов был избран судьей 24 года назад, в связи со вступлением в должность председателя Верховного суда РТ он вновь произнес присягу: торжественно поклялся честно и добросовестно исполнять свои обязанности, осуществлять правосудие, подчиняясь только законам, быть беспристрастным и справедливым, как велит долг судьи и совесть.

(ИА «Татар-Информ»)

НОВЫЙ ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ВЕРХОВНОГО СУДА РТ: О СЕБЕ И О СУДЬЯХ

«Есть жалобы, которые поступают к нам в Верховный суд, и мы с ними разбираемся. Жалоба на судью уже о чем-то говорит... Нормально — это когда жалуются не на судью, а на решение судьи. Суду нужно быть беспристрастным и не заниматься политикой, и действовать в интересах закона, который может нравиться и не нравиться, но не мы его сочиняем. Люди, по старинке, путают понятия законности и справедливости. Они идут в суд за справедливостью, а получают законность. А законность и справедливость — это два круга, которые могут пересекаться, а часто — это противоположные вещи.»

«Судья более беззащитен, чем простой гражданин. Ему даже с со-

седом нельзя поругаться, потому что сосед может написать на судью жалобу. И комиссия будет разбираться с таким судьей. Судья остается судьей, даже когда он копает землю в палисаднике. И он должен не оказываться в таких ситуациях, которые могут повредить авторитету судебной власти.»

И. И. Гилязов в интервью деловой электронной газете «Бизнес-online».

«Социологи сравнивают суд с больницей», 11 февраля 2011 г.

«Если человек совершает много преступлений, жестоких и маниакальных, о каком исправлении может идти речь? Есть преступники, которые не только неисправимы, но и представляют опасность для общества. Если бы люди задумывались

о том, что их могут расстрелять за убийства, преступлений таких стало бы меньше. Поэтому, я все-таки сторонник смертной казни.»

«Счастье не зависит от денег и власти, оно зависит от простых вещей. Должна быть любимая работа, семья, друзья, общение, от которого получаешь удовольствие. А полтора года назад у меня появился внук и я понял, что в них наше продолжение. Это счастье! Понимаешь, что смерть достаточно условна: так как мы будем жить в своих детях и внуках.»

Из интервью газете «ProKazan.ru», 15 марта 2010 г.

«В Университет Дружбы народов я попал совершенно случайно,

хотя каждая случайность – закономерность. Мои родители переехали в Казань из сельской местности, обосновались в поселке Северный, работали на 16-м заводе. В школе я был председателем совета дружины, членом комитета комсомола. Хотел поступить на юрфак КГУ, но недобрал полбалла. В армии опять был секретарем комсомола взвода, комсоргом. Месяца за три до приказа вызвал начальник штаба и предложил поступить в Университет Дружбы народов: в часть пришла разрядка — рекомендовать активных, толковых абитуриентов. Надо сказать, что поступать в это учебное заведение закрытого типа пробовали единицы: требовалась рекомендация на уровне обкома комсомола или политотдела армии. К тому же я думал, что там учатся только дети министров. А начальник штаба меня переубедил, сказав, что в Университете Дружбы народов экзамены на месяц раньше, чем в других вузах, и если не поступишь — подашь документы в КГУ. Согласился, поехал на подготовительные курсы, устроился в общежитии. Несмотря на закрытость вуза, конкурс был пять человек на место! Сдав экзамены на пятерки и четверки, я был сразу зачислен в университет».

Из интервью «С дружбой народов по жизни» журналу «Наши дом - Татарстан», выпуск №3 (006) 2009 г.

«Позвонковое правосудие – это миф. Никаких указаний, касающихся принятия конкретных дел, никто судам не дает. Вместе с тем надо иметь в виду, что вышестоящие суды определяют судебную практику при рассмотрении тех или иных категорий дел, которая учитывается нижестоящими судами. Что касается независимости судей, то представляется, что президент Медведев правильно поднимает данный вопрос, так как судьбы не в полной мере чувствуют себя защищенными не только от того, что о них подумают при вынесении оправдательного пригово-

ра, но и от общественного мнения. Будем надеяться, что предстоящая реформа укрепит неприкосновенность судей».

«Если под этим вопросом (на счет судебных ошибок – допускались ли они И. И. Гилязовым – прим. редактора) предполагается процессуальное совершение ошибок, то это регламентируется процессуальным законодательством. А если это касается непосредственно меня, то когда я еще работал в Бауманском райсуде, в случае обнаружения мной допущенных ошибок, связанных с квалификацией и определением меры наказаний, у нас было принято самим судьям писать представление на вынесенное судебное решение, для того, чтобы высшая судебная инстанция исправляла ее. Если это касается судебных ошибок, связанных с необоснованным осуждением, то в моей судебной практике такого не было. Принятие судьей решения – это очень большая ответственность, поскольку решается судьба человека. Вынесенное решение проверяется и перепроверяется вышестоящими инстанциями, которые и исправляют допущенные ошибки».

Из ответов И. И. Гилязова на он-лайн конференции «116.ру», 11 сентября 2008 г.

После церемонии представления нового руководителя судейского сообщества Республики Татарстан Ильгиза Гилазова председатель Верховного Суда Российской Федерации Вячеслав Лебедев ответил на вопросы журналистов. Первый вопрос, который задали журналисты гостю республики, касался его присутствия на этом торжественном мероприятии: как известно, руководитель высшего судебного органа России сам лично редко представляет председателей верховных судов субъектов Российской Федерации. На что Вячеслав Лебедев ответил: причиной для приезда в Татарстан является то внимание и уважение, которое он испытывает к жителям республики и ее руководству.

Вячеслав Лебедев: «У НАС ОДНА ЗАДАЧА — ЧТОБЫ РЕШЕНИЯ БЫЛИ ЗАКОННЫМИ»

— Почему к республике такое внимание? Наверное, потому что действительно испытываю уважение вашему народу и руководству. С прежним президентом республики Минтимером Шаймиевым мы в 1990-х годах активно обсуждали вопросы становления судебной власти в России. Возникали очень глубокие споры, я бы сказал — принципиальные. И еще больше удовлетворения получали от того, что в этих спорах мы находили общие позиции, общие взгляды на развитие судебной власти, на укрепление, становление судебной власти в России в целом, и в Республике Татарстан, в частности. Мне очень приятно, что в вашей республике произошло та-

кое замечательное преемство руководства.

Наверное, было бы неправильно утверждать, что в судейском корпусе республики все обстоит прекрасно. Тем не менее, в Татарстане работают высокопрофессиональные судьи. И прекрасное здание Верховного суда, в котором мы сейчас находимся, было построено благодаря нашим совместным усилиям. Самое главное, чтобы это здание было открыто для граждан, чтобы в стенах Верховного суда выносились решения справедливые, беспристрастные, честные.

— Вячеслав Михайлович, о чем будете разговаривать с судьями?

— Столько есть предметов для разговора, столько различных на-

правлений деятельности! Прежде всего я, безусловно, буду говорить о результатах нашей работы.

С 1 января 2012 года вступит в силу Федеральный закон «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации», которым учреждается процедура апелляционного рассмотрения не вступивших в силу судебных решений. Уже сегодня есть возможность в процессе рассмотрения гражданских дел отменять прежние и выносить новые решения. В последнее время я много говорю об этом, призываю, чтобы суды обратили внимание на то, что действующий закон и сегодня позволяет применять апелляцию в полном объеме.

Можно говорить об определенных результатах. По итогам работы за прошлый год, в среднем по России суды первой инстанции новые решения по гражданским делам выносили в 30% случаях, то есть, по каждому третьему делу.

Перед нами стоит задача-максимум – достичь того, чтобы с первого дня после зимних каникул суды апелляционной инстанции не задавались вопросами: как обеспечить необходимость рассмотрения дел, где взять залы, судей и т.п. К этому новшеству надо подготовиться основательно уже сегодня.

Рассмотрение некоторых категорий уголовных дел – тоже актуальная тема для разговора с судьями. Также поговорим и об усыновлении. В России ежегодно рассматривается около 20 тысяч решений по усыновлению. Причем, каждое пятое решение связано с международной программой усыновления, когда российских детей усыновляют иностранные граждане. И, как показывает практика, часто имеет место формальный подход при решении судьбы ребенка. В результате мы видим те негативные явления, которые происходят с нашими детьми, когда их усыновляют иностранные граждане. Во избежание драматических, тяжелых последствий, такие дела необходимо рассматривать в строгом соответствии с законом, подходить к этому вопросу нешаблонно, неформально.

Разговор пойдет и о преступности среди несовершеннолетних. Это обширная тема для разговора, касающаяся защиты прав несовершеннолетних. Мы обобщили судебную практику по делам, когда несовершеннолетние становятся объектом насильственных действий. Это очень острая, важная тема. Если говорить в целом о дисциплинарном воздействии на несовершеннолетних, то теперь оно стало применяться гораздо реже. По сравнению с 2005 годом судимость среди несовершеннолетних снизилась ровно в два раза. Если в 2005 году было осуждено 99 тыс. несовершеннолетних, то в 2010 году – 48 тысяч. Тут наблюдается положительная динамика.

В то же время при рассмотрении уголовного дела мы должны подходить к несовершеннолетнему не как к объекту репрессии, а как к субъекту социализации, то есть, прежде всего надо изучить условия, в которых пребывал несовершеннолетний, с тем, чтобы в дальнейшем помочь ему вырваться из неблагоприятной среды. Судя по статистике за последний год, у 13% несовершеннолетних преступников не было родителей, 46% несовершеннолетних имели одного родителя, 27% несовершеннолетних нигде не учились, а рецидив составляет 24%, то есть, по каждому четвертому делу.

Одной из актуальных тем является административное судопроизводство. Глава 25 Гражданского процессуального кодекса касается производства по делам об оспаривании действий (бездействия) органов государственной власти, органов местного самоуправления, должностных лиц, государственных и муниципальных служащих. Аналогичная глава есть и в Арбитражном процессуальном кодексе. Но Конституция требует наличия Кодекса административного судопроизводства и отдельно предусмотренных им процедур. Что это значит? Дело в том, что дела этой категории не могут рассматриваться в исковом порядке, потому что в споре с должностным лицом, с органом власти, или с органом местного самоуправления, муниципальными служащими, гражданин находится в неравном положении с властью. Рассматривать эту процедуру как спор равных сторон никак нельзя. Здесь гражданин должен иметь преференции: он не должен доказывать неправоту действий органов власти. А вот должностное лицо, орган власти и местного самоуправления доказать правильность своих действий должны. Это процедура кардинально отличается концептуально по делам частного права. Это очевидные вопросы, но сегодня наше государство их почему-то не решает. Есть позиция Верховного Суда Российской Федерации по данному вопросу, мы внесли проект Закона об административном судопроизводстве в Госдуму РФ, но его не спешат рассматривать. От этого возникают ошибки при рассмотрении дел данной категории, и,

конечно, нет полной гарантии защиты прав человека в споре с властью. А статистика такова: за прошлый год было рассмотрено 150 тысяч подобных дел. Если брать в полном объеме, когда гражданин оспаривал действия должностного лица, органа власти, то гражданин выигрывал в 56% случаях. А когда он спорил с муниципальными службами и муниципальными органами, он выигрывал в 70% случаях.

Несмотря на то, что сегодня отсутствует данная процедура — законодательно закреплённая, всесторонне, полностью самостоятельная, — мы ориентируемся на то, чтобы правила административного судопроизводства в делах, возникающих из публично-правовых правоотношений, соблюдались уже сегодня. Поэтому закон о судах общей юрисдикции уже обязывает все суды создать коллегии по административным делам. Это очень актуально — проводить специализации судов.

— Верховный Суд Российской Федерации поддержал решение Верховного суда Республики Татарстан о том, что в тексте присяги президента Татарстана обнаружены несоответствия действующим федеральным законам и признал недействительными многие положения инаугурационной клятвы президента Татарстана. Что скажете по этому поводу?

— Вынесено совершенно нормальное решение судом первой инстанции, рассмотренное судом во второй инстанции. А весь ажиотаж вокруг этой ситуации создали СМИ. Вы уж, пожалуйста, без меня разберитесь, ладно!? И успокойте людей. Вообще, задача суда – не вносить смятение в общество, его задача — стабилизация отношений в обществе. Необходимо, чтобы и СМИ делали все для того, чтобы не расшатывать общество. Вы (*журналисты – прим. редактора*) – люди творческой профессии, и эта профессия требует независимости не в меньшей степени, а, может быть, даже в большей степени, чем для судьи. Да, судья должен быть раскованным, у него должен быть характер. Но именно тогда, когда вы будете полностью неза-

висимыми, вот тогда будет правильно освещаться все, что происходит в обществе.

Сейчас уходит то время, когда боялись что-то говорить, высказать какие-то мнения. Пленум ВС РФ принял несколько Постановлений, касающихся взаимодействия судов и СМИ. Этому взаимодействию посвящен целый раздел в Федеральном законе «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в РФ». Мы сейчас делаем все, чтобы обеспечить СМИ полный, свободный доступ к информации о деятельности судов. Более того, скажу – мы должны подготовить проект закона о том, чтобы все вопросы, связанные с информатизацией и деятельностью мировых судей, были переданы в Судебный департамент при ВС РФ. В дальнейшем необходимо будет создать информационный центр, который обеспечит информационную деятельность всех судов общей юрисдикции.

Сегодня так сложилось, что деятельность федеральных судов общей юрисдикции осуществляет Судебный департамент при Верховном Суде РФ, а мировых судей – уполномоченные органы местные власти. И, конечно, этот существующий дисбаланс нам необходимо преодолеть. Судебный департамент помогает в этом, однако данная работа должна вестись на более высоком уровне. Когда информация идет через посредников, она не всегда бывает достоверной.

Надо отметить, что, начиная с 1 июля 2010 года, сайт Верховного Суда посетили 1,5 млн. пользователей, они ознакомились с 10 млн. Интернет-страницами. Представляете, какой интерес к работе суда?! А в целом по России граждане посетили 20 млн. Интернет-страниц, получено 4 млн. обращений пользователей! Это правильно, когда деятельность суда находится под таким контролем и вниманием общества. У нас одна задача: чтобы решения были законными. И чтобы правосудие было, как на Руси когда-то говорили – «скорым»: в пределах тех разумных сроков, которые установлены международным правом.

Граждане стали чаще подавать в суд на чиновников

Споры граждан с государственными органами и госслужащими в судебной практике довольно частое явление. Между тем гражданские дела, связанные с исками к государственному и муниципальным органам, говорят о том, что государство в лице его различных органов и должностных лиц нередко ущемляет права граждан.

ЕСЛИ В ПРАВЕ ОТКАЗАНО

Спорные дела в судах республики, в которых с одной стороны присутствует гражданин или организация, а с другой – государство в лице его различных органов и должностных лиц, на протяжении ряда лет отличаются стабильностью. По данным Управления Судебного департамента в Республике Татарстан, в 2009 году судами республики было рассмотрено 2159 исков к Пенсионному фонду РФ (удовлетворено 1946 исков) и 61 иск к налоговым органам (удовлетворено 44 иска). В 2010 году сохранялась примерно такая же картина: рассмотрено 2087 исков граждан к Пенсионному фонду РФ (удовлетворено 1817 исков) и 73 иска к налоговым органам (удовлетворено 46). Споры, связанные с социальными гарантиями, также являются поводом для обращения гражданина в суд: в прошлом году республиканскими судами было рассмотрено 1066 подобных дел, из которых 726 – с удовлетворением требования гражданина (в 2009 году эта цифра составила 2065 и 1567 соответственно).

Только на примере одного районного суда г. Казани – Советского, –

можно говорить о том, что граждане чаще всего подают иски к районной администрации, территориальному Пенсионному фонду, Военному комиссариату, ОЗАГС. В прошлом году на рассмотрении этого суда находились 1489 дел данных категорий, что составляет 21% от общего количества дел искового производства. Решение в подавляющем большинстве дел судом было вынесено в пользу граждан. По словам председателя Советского районного суда г. Казани Магнави Гараева, тенденция к увеличению обращений граждан по таким спорным вопросам наблюдается в течении последних пяти-шести лет.

«Представители органов государственной власти чаще склонны прикрывать свою нерешительность решением суда. Сейчас решение суда стало своего рода «охранной грамотой для представителей исполнительной власти», — констатирует руководитель суда. Бывает, что граждане вынуждены обращаться в суд и по незначительным поводам, каким может быть исправление записи в книге актов гражданского состояния. Не прекращается поток однотипных исковых

заявлений о сохранении перепланировки жилого помещения. Из рассмотренных Советским районным судом г. Казани в прошлом году 103 дел об узаконении перепланировки практически все иски были удовлетворены. В основе своей дела касались несущественных изменений в конструкциях квартиры.

Заявления граждан в отношении Военного комиссариата РТ возникают в связи с реализацией права бывших военнослужащих на перерасчет назначенной пенсии, который должен производиться автоматически, вместе с увеличением денежного довольствия военнослужащего, объясняет Магнави Гараев. Перерасчет пенсии является обязанностью государственного органа, не требует обязательного обращения пенсионера в военкомат, поскольку эта обязанность вытекает непосредственно из нормативного акта.

Получается, что государственные и муниципальные органы в большинстве случаев по заявлениям граждан могли бы положительно решить вопрос, минуя судебные инстанции.

СЧЕТ ЗА СУД

Нежелание органов государственной власти и муниципалитетов принимать на себя ответственность при решении подобных вопросов, наверное, можно объяснить объявленной на всю страну борьбой с коррупцией. Во избежание принятия должностным лицом решения коррупционной направленности, гражданина проще направить в суд за решением, вынесенным на основании закона. Однако в этом случае органами государственной власти неизбежно ущемляются права граждан — Конституция РФ обязывает представителей исполнительной власти и муниципальных образований удовлетворять законные требования граждан без обращения в суд.

Между прочим, правосудие — удовольствием недешевое. По данным Верховного Суда РФ на 2009 год, один день при рассмотрении гражданских дел государству об-

ходится в 7 тысяч рублей (уголовных дел — в 27 тысяч рублей, а когда дело рассматривается судом присяжных — то и в 170 тысяч рублей). При этом граждане вынуждены обивать пороги учреждений государственной власти, получать отказ, затем идти в суд, где тратят столько времени, моральных и физических сил, чтобы, опираясь на судебное решение, потребовать соблюдения своих законных интересов. «Можно ли в таком случае говорить о государственном подходе органов государственной власти в осуществлении своих задач и функций?», — ставит вопрос ребром руководитель Советского районного суда г. Казани Магнави Гараев.

С ЧИНОВНИКАМИ НА РАВНЫХ

Отдельная категория гражданских дел, часто поступающих в суды общей юрисдикции, относится к делам, вытекающим из публично-правовых отношений, в которых, с одной стороны, присутствует гражданин или организация, а с другой — государство. В основном среди подобных дел по-прежнему наибольшую долю (78%) составляют дела, связанные с жалобами на неправомерные действия (бездействие) должностных лиц, государственных и муниципальных служащих. В прошлом году судами республики было рассмотрено 2851 такое дело, что на 14,4% превышает показатель 2009 года.

Словом, граждане, подавая жалобу в суд на чиновников, надеются на справедливое разрешение спора. При этом справедливое разрешение спора не всегда означает законное. Как показывает статистика, несмотря на увеличение числа жалоб граждан, они не всегда бывают законно обоснованны. По данным Управления Судебного департамента в РТ, суды в прошлом году на сторону граждан стали в 34% случаях, что на 8% меньше, чем в 2009 году. Схожая ситуация сохраняется по делам, касающимся оспаривания нормативно-правовых актов: в 2010 году судами республики было рас-

смотрено 49 дел, что практически в 2 раза больше показателя предыдущего года. Решение же в пользу заявителя было принято в 27% случаях, что на 17% меньше, чем в прошлом отчетном периоде.

Статистика по России такова — за прошлый год в суды общей юрисдикции РФ в общей сложности поступило 120 жалоб на чиновников, что на 60% больше, чем в 2009 году. В споре с органами государственной власти граждане выигрывали в 56% случаях, а в споре с муниципальными органами и того более — в 70% случаях.

Возможно, что увеличение числа жалоб граждан говорит о недостаточном доверии граждан к органам власти и чиновникам, и в то же время — об объективности судебных решений. В этом случае гражданину требуется доказать, что данное решение органа государственной власти и его представителя затрагивает его права и интересы. При этом все проблемы по доказыванию возлагаются на тот орган, чье решение оспаривается.

Во время своего недавнего визита в Казань председатель Верховного Суда РФ Вячеслав Лебедев говорил об особом подходе судов при рассмотрении данной категории гражданских дел, так как гражданин в споре с должностным лицом, с органом власти, или с органом местного самоуправления, муниципальными служащими, находится в неравном положении. «Здесь гражданин должен иметь преференции: он не должен доказывать неправоту действий органов власти. А вот должностное лицо, орган власти и местного самоуправления доказать правильность своих действий должны. Это процедура кардинально отличается концептуально по делам частного права, — отметил в беседе с представителями прессы руководитель высшего судебного органа страны. — В споре с властью необходимо полностью обеспечить защиту прав человека».

**Подготовила
Анастасия БЕРЕЖНАЯ**

Жилищные споры в судебной практике – частое явление. Данная категория гражданских дел характерна сложными юридическими коллизиями, которые необходимо учитывать судьям Фемиды при разрешении подобного рода споров. О том, какая судебная практика складывается при рассмотрении тех или иных жилищных споров, «Правосудию в Татарстане» рассказал судья Верховного суда РТ Р. Р. Гилманов – председатель 4 судебного состава.

ЖИЛИЩНЫЕ СТРАСТИ В СУДАХ

Нейля АВЗАЛОВА

В БИТВЕ ЗА БЕСПЛАТНОЕ ЖИЛЬЕ

— Радик Равилович, ваш судебный состав занимается в основном рассмотрением гражданских дел по жилищным спорам. На сегодняшний день какие дела данной категории чаще всего рассматриваются судами?

— Прежде всего, это дела, связанные с обеспечением жилищных прав ветеранов войны и вдов участников ВОВ. Такого рода споры стали возникать у нас после того, как президент РФ Дмитрий Медведев указал на необходимость своевременного обеспечения всех нуждающихся участников Великой Отечественной войны, а также вдов ветеранов войны, благоустроенным жильем.

Многие ветераны, которые ранее не состояли в очереди за жильем, стали обращаться в органы местного самоуправления. Есть случаи, когда исполком отказывает в постановке ветеранов или членов их семей на учет нуждающихся в жилье. Обычно это происходит тогда, когда размер площади жилья, в котором проживает ветеран, превышает установленную социальную норму жилого помещения, либо когда имеются факты преднамеренного ухудшения ветеранами своих жилищных условий. Ветераны, в свою очередь, приводят свои доводы: указывают на то, что им необходимо улучшить жилищные условия, связывая это с различными жизненными и семейными обстоятельствами.

Между тем, в ст. 53 Жилищного кодекса РФ говорится, что граждане могут встать на учет нуждающихся в жилых помещениях не ранее чем

через пять лет со дня совершения намеренных действий.

— Но ведь можно понять ветерана и его близких родственников, которые в любом случае постараются воспользоваться таким случаем и улучшить жилищные условия?

— Поэтому мы призываем нижестоящие суды, чтобы они тщательно вникали в суть таких споров и всесторонне изучали обстоятельства дела и имеющиеся доказательства. В судебной практике, например, был случай, когда ветеран 6 лет назад получил от государства денежные средства на приобретение жилья, купил квартиру, а затем подарил ее своему внуку. После продажи он стал утверждать, что у него нет жилья, и он является нуждающимся. Что удивительно, суд первой инстанции удовлетворил его требование, но по кассационной жалобе исполкома, с

учетом того, что такие меры государственной поддержки могут быть предоставлены ветерану единожды, решение это было отменено и вынесено новое решение об отказе в заявленных требованиях.

Если ветеран действительно нуждается в улучшении жилищных условий и он никогда не участвовал в подобных программах и не получал льготного жилья, то, как правило, его требования удовлетворяются. Такая позиция судов, на наш взгляд, является правильной, потому что исполнительные комитеты на местах, устанавливая лишь факт проживания в частном доме, иногда действуют формально, не обращая внимания на другие неблагоприятные жилищные условия ветерана, которые учитываются судом наряду с другими обстоятельствами при разрешении конкретных дел.

— А как быть в случае со сделкой, заключенной с участием ветерана, который умер, так и не дождавшись получения федеральных денежных средств, то есть окончания исполнения сделки? Существует ли единая практика по данному вопросу?

— В данном случае речь идет о тех ветеранах, которые состояли на учете в исполкоме, заключили сделку купли-продажи благоустроенной квартиры, представили документы уполномоченному органу, но вследствие смерти не успели получить выделенные им денежные средства и перечислить их продавцу. В связи с этим Министерство труда, занятости и социальной защиты РТ, которое является исполнителем федеральной программы, зачастую отказывает в перечислении денежных средств на банковский счет ветерана. В результате продавца жилья, либо наследники ветерана стали обращаться с исками в суды. На сегодняшний день судебная практика такова: если ветеран при жизни являлся нуждающимся в улучшении жилья и заключил такую сделку, однако в силу жизненных обстоятельств не успел получить денежные средства, то суды в основном принимают решения об удовлетворении подобных исковых требований, возлагая на Министерство труда, занятости и социальной защиты

республики обязанность выплатить денежные средства. Такие решения судов со стороны госорганов власти в основном жалоб не вызывают.

В СУД – ЗА КВАДРАТНЫМИ МЕТРАМИ В ОБЩЕЖИТИИ

— Известно, что множество жилищных споров возникает между гражданами и органами местного самоуправления, в ведении которых находятся общежития, по поводу приватизации комнат в общежитиях. Что можете сказать по таким судебным делам?

— В Жилищном кодексе РФ говорится, что на лиц, проживающих в общежитиях, впоследствии переданных органам местного самоуправления, распространяются отношения, вытекающие из договора социального найма. Эти граждане имеют право на приватизацию — на безвозмездное получение в собственность занимаемой комнаты в общежитии. Однако не все общежития в свое время были переданы в ведение органов местного самоуправления, а фактически остались в собственности у государства, в лице Минземимущества либо Росимущества, и предоставляются на условиях договора безвозмездного пользования этим же предприятиям и организациям. В этой связи граждане в суде требуют признать их права на приватизацию занимаемых жилых помещений.

Верховный Суд РФ по этим вопросам неоднократно высказывал свою позицию в пользу граждан, и в основной своей массе такие иски судами удовлетворяются. По городу Казани было рассмотрено достаточно много таких дел, в том числе дела, связанные с приватизацией общежитий КМПО, КАПО, ОАО «Казанский медико-инструментальный завод», ОАО «Нэфис-Косметикс» и др. Причем, в случае с КАПО сложность состояла в том, что его общежития относились к объектам федерального имущества. Несмотря на распоряжение Росимущества о передаче этих объектов органам местного самоуправления, исполком г. Казани длительное время не принимал их в свое ведение. Такая ситуация характерна и для других ве-

домственных общежитий. Независимо от позиции органов местного самоуправления, граждане не могут быть лишены права на приватизацию занимаемых комнат. В основной своей массе такие иски граждан судами удовлетворяются.

Имеют место и отказы в удовлетворении таких требований — обычно в случаях, когда лицо заселилось в общежитие без решения уполномоченного органа уже после того, как предприятие было акционировано, а объекты подлежали передаче органам местного самоуправления. То есть, между гражданином и наймодателем жилья фактически сложились отношения, вытекающие из договора коммерческого найма. В подобных случаях говорить о том, что граждане приобрели право на приватизацию комнат в общежитии, нельзя.

НЕЛЕГКАЯ ДОЛЯ ДОЛЬЩИКА

— Невозможно обойти и вопрос, связанный с участием граждан в долевом строительстве жилья. Так ли все однозначно в таких вопросах — если виноват застройщик, то суд вынесет решение в пользу обманутого дольщика?

— На правоотношения между дольщиком и застройщиком распространяются нормы Федерального закона «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты РФ». Законодатель попытался предусмотреть все моменты, чтобы обезопасить дольщика от неправомерных действий со стороны застройщика.

Но реальность намного многограннее, чем закон, и застройщик идет на различные хитрости, чтобы уйти от ответственности и от выполнения всех требований закона. Он предлагает дольщикам заключить различные соглашения, в частности, договоры о совместной деятельности, договоры займа, предварительные договоры купли-продажи квартир и т.п.. Все эти сделки, на мой

взгляд, направлены застройщиком на то, чтобы избежать их регистрации в уполномоченном госоргане и уйти от имущественной ответственности перед дольщиками. Граждане, заключая подобные соглашения, по существу идут на неоправданный риск и в итоге могут оказаться в ситуации, когда на эту квартиру будут претендовать несколько лиц. И суды вынуждены принимать решение в пользу конкретного дольщика. Обычно таким дольщиком становится тот, кто первым оплатил и вложил в недвижимость денежные средства.

— Но ведь второе лицо также вложило свои деньги...

— В этой ситуации мы говорим о том, что этот дольщик может предъявить имущественные требования к застройщику, поскольку он действовал неправомерно, продав дважды один и тот же объект. Если бы гражданин потребовал от застройщика заключения надлежащего договора, то таких споров, я думаю, не возникало бы.

— А если застройщик обанкротился, как это часто случается в

жизни? Как суды действуют в таких случаях?

— В качестве примера можно привести дела, связанные с застройщиками города Казани, которые в результате финансового кризиса не смогли до конца выполнить свои обязательства перед дольщиками. В результате многие граждане стали обращаться в суды с заявлениями о признании за ними права собственности на долю в незавершенном строительстве объекте. Законодательство предполагает, что право собственности может быть признано только на законченный строительством объект. Однако, учитывая, что здесь затрагиваются имущественные интересы физического лица — наиболее незащищенного участника гражданских правоотношений, суды такие заявления граждан удовлетворяют.

Несколько слов и о другой категории дел. В силу объективных причин завершить строительство жилья в обозначенные сроки зачастую бывает невозможно. И дольщики, оформив права на объект недвижимости, обращаются в суды с исками о взыска-

нии с застройщиков неустойки и морального вреда в связи с задержкой окончания строительства. В данной ситуации суды поддерживают дольщиков, взыскивая в их пользу разумные суммы неустойки и морального вреда.

— Как определяется разумная сумма?

— Взысканные суммы должны соответствовать последствиям нарушенного обязательства и не затрагивать имущественные интересы других участников строительства. Порой дольщики требуют взыскать крупные суммы неустойки и морального вреда, иногда превышающие цену договора. В таких случаях суды руководствуются положениями ст.333 Гражданского кодекса РФ и обоснованно уменьшают суммы неустойки до разумных пределов. Мы призываем суды к тому, чтобы они учитывали все обстоятельства дела, ведь взыскание крупных сумм неустойки по существу приводит к банкротству застройщика, что неминуемо отразится на правах и других дольщиков.

В ВЕРХОВНОМ СУДЕ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН СОСТОЯЛОСЬ ПЕРВОЕ РАССМОТРЕНИЕ ДЕЛА В ПОРЯДКЕ АПЕЛЛЯЦИИ

В соответствии с Федеральным законом от 29 декабря 2010 г. №33-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» вводятся новые правила судопроизводства.

До недавнего времени апелляционное обжалование в судах общей юрисдикции предусматривалось только для решений мировых судей. Теперь же апелляционное рассмотрение дел будет проходить и в верховных, областных, краевых судах.

Изменения начнут действовать с 1 января 2013 года. Но уже сегодня, а точнее в период с 1 мая 2011 года по 31 декабря 2012 года, апелляционный порядок применяется в части пересмотра промежуточных судебных решений судов областного звена и равных им. Функции апелляционной инстанции при этом выполняют судебные коллегии.

Если раньше промежуточные судебные решения, которыми являются все определения и постановления суда, за исключением итогового судебного решения, например, постановления об избрании, продлении или отмены меры пресечения, могли быть обжалованы только в Верховный Суд Российской Федерации, то теперь подобные вопросы будут решаться в Верховном суде республики. Это, безусловно, уменьшит время прохождения дел по судебным инстанциям, и будет способствовать соблюдению разумных сроков их рассмотрения, а ведь именно в затягивании сроков рассмотрения дел зачастую упрекает Европейский Суд по правам человека российскую судебную систему.

Именно промежуточное судебное решение — жалоба адвоката на постановление судьи Верховного

суда республики от 12 мая 2011 года об изменении меры пресечения в отношении обвиняемого на подписку о невыезде либо на залог — стало предметом рассмотрения в порядке апелляции 3 июня. Судебная коллегия постановление судьи оставила без изменения, а жалобу — без удовлетворения.

Как отметил судья Лев Романов, председательствующий в судебном заседании: «... Таким образом, в жизни Верховного суда наступил новый этап, когда кассационное рассмотрение заменяется апелляционным, т. е. данное дело рассмотрено по правилам апелляционного производства».

Апелляционное же рассмотрение гражданских дел в Верховном суде республики начнется на год раньше — с 1 января 2012 года.

ОБЗОР СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ ВЕРХОВНОГО СУДА РТ

(I КВАРТАЛ 2011 ГОДА)

ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ

ДЕЛА, ВОЗНИКАЮЩИЕ ПО СПОРАМ О ЗАЩИТЕ ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ

Закон РФ «О защите прав потребителей» не содержит правовых норм, ограничивающих право потребителя установить в экспертном учреждении за свой счет наличие недостатка товара, а также причины его возникновения.

Общественная организация в интересах Д-ина обратилась в суд с иском к индивидуальному предпринимателю М-овой о возврате уплаченной за товар суммы, взыскании неустойки за нарушение срока удовлетворения требования потребителя и штрафа, компенсации морального вреда, указав, что в связи с недостатками, выявленными в процессе эксплуатации приобретенной у ответчика швейной машины, Д-ин обратился к продавцу с заявлением о расторжении договора и возврате уплаченных денег, однако его претензии ответчиком были проигнорированы.

Решением мирового судьи иск в части требований о возврате уплаченной за товар суммы, взыскании неустойки и штрафа, компенсации морального вреда удовлетворен, требования о возмещении расходов на оплату экспертизы и услуг представителя отклонены.

Апелляционным решением суда апелляционной инстанции решение мирового судьи изменено в части определения размера штрафа, в пользу истца с ответчика взыскана денежная сумма в возмещение расходов на оплату услуг представителя.

Президиум Верховного суда РТ с выводами судебных инстанций в части отказа в возмещении истцу расходов на проведение экспертизы не со-

гласился по следующим основаниям.

Как видно из материалов дела, для определения наличия недостатка товара и причин его образования было проведено по заявлению ответчика экспертное исследование, которым установлено наличие недостатка. В то же время причина его возникновения не определена в связи с тем, что истец не дал разрешения на вскрытие исследуемого товара.

В последующем, по итогам другой экспертизы, проведенной по инициативе истца и за его счет, подтверждено наличие выявленного недостатка и установлен его производственный характер.

Отказывая в возмещении расходов истца на оплату экспертизы, мировой судья, отметив, что данное исследование обусловлено несогласием истца на вскрытие швейной машины при проведении первой экспертизы, расценил эти действия как злоупотребление правом и, сославшись на положения ст.10 Гражданского кодекса РФ, отказал во взыскании судебных расходов.

Суд апелляционной инстанции с приведенными выводами мирового судьи согласился.

Между тем согласно п.1 ст.10 Гражданского кодекса РФ не допускаются действия граждан и юридических лиц, осуществляемые исключительно с намерением причинить вред другому лицу, а также злоупотребление правом в иных формах.

При этом в п.2 указанной статьи Гражданского кодекса РФ определено, что в случае несоблюдения требований, предусмотренных п.1 этой же статьи, суд, арбитражный суд или третейский суд может отказать лицу в защите принадлежащего ему права.

Как следует из смысла приведенной нормы закона, отказ в защите права

возможен лишь в отношении материально-правовых требований и не допускается в отношении права, основанного на нормах Гражданского процессуального кодекса РФ.

Положения ст.18 Закона РФ «О защите прав потребителей», обязывающие продавца принять товар ненадлежащего качества у потребителя и при необходимости провести проверку качества товара, а в случае спора о причинах возникновения недостатков товара – провести экспертизу за свой счет, не препятствуют потребителю установить в экспертном учреждении за свой счет наличие недостатка и причины его возникновения.

В силу ч.1 ст.98 Гражданского процессуального кодекса РФ стороне, в пользу которой состоялось решение суда, суд присуждает возместить с другой стороны все понесенные по делу судебные расходы, за исключением случаев, предусмотренных ч.2 ст.96 этого кодекса.

В соответствии с содержанием данного нормоположения все понесенные по делу судебные расходы подлежат возмещению стороне, в пользу которой состоялось решение суда. Какие-либо ограничения по взысканию расходов на оплату экспертизы, обусловленные требованиями их разумности либо вытекающие из повторности проведения экспертизы, независимо от причин назначения такой экспертизы, не предусмотрены.

Более того, экспертное заключение по итогам исследования, проведенного по обращению и за счет истца, положено в основу выводов мирового судьи в решении об удовлетворении иска.

Оставив без надлежащей оценки эти обстоятельства, судебные инстанции допустили неправильное применение норм материального и процессуального права, не позволяющее истцу реализовать свое право на возмещение судебных расходов.

С учетом изложенного президиум Верховного суда РТ судебные постановления по делу изменил и взыскал с М-овой в пользу Д-ина денежную сумму в возмещение расходов на оплату экспертизы.

СПОРЫ, ВОЗНИКАЮЩИЕ ИЗ СЕМЕЙНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

Согласно п.1 ст.85 Семейного кодекса РФ обучение совершеннолетнего лица в образовательном учреждении не свидетельствует о состоянии его нетрудоспособности и не может служить основанием к возложению на родителей (родителя) обязанности по его содержанию.

Б. А-ев обратился в суд с иском к А. А-еву (отцу) о взыскании алиментов до окончания учебы в образовательном учреждении.

Принимая решение об удовлетворении иска, мировой судья исходил из того, что истец является нетрудоспособным, поскольку обучается с использованием дневной формы обучения и нуждается до окончания учебы в материальной помощи ответчика, размер доходов которого позволяет выплачивать алименты.

Суд апелляционной инстанции признал указанные выводы мирового судьи соответствующими требованиям действующего законодательства.

Президиум Верховного суда РТ с выводами нижестоящих судебных инстанций не согласился по следующим основаниям.

В силу предписания п.1 ст.85 Семейного кодекса РФ на родителей возложена обязанность по содержанию своих нетрудоспособных совершеннолетних детей, нуждающихся в помощи.

Как следует из смысла данной нормы закона, обязанность родителей содержать совершеннолетних детей установлена только в случае нетрудоспособности таких детей. При этом нетрудоспособность обуславливается с тем или иным заболеванием, повлек-

шем нарушение здоровья человека стойким расстройством функций организма и приводящем к полной или значительной утрате трудоспособности, в результате чего может быть установлена инвалидность.

Между тем в отношении истца, являющегося на день обращения в суд совершеннолетним, допустимыми доказательствами не подтверждено наличие каких-либо заболеваний, препятствующих выполнению им трудовой функции.

Таким образом, суды нижестоящих инстанций, произведя ошибочное толкование норм материального права, обучение истца в образовательном учреждении с использованием очной формы обучения на бюджетной основе необоснованно расценили как доказательство его нетрудоспособности и в этой связи пришли к неправильному выводу о праве на получение алиментов.

По приведенным мотивам президиум Верховного суда РТ указанные судебные постановления отменил и принял по делу новое решение об отказе в иске.

Раздельное проживание родителей не влияет на жилищные права ребенка.

В. Т-ова, действуя от своего имени и в интересах несовершеннолетних детей, обратилась в суд с иском к супругу Ю. Т-ову, его братьям Г. Т-ову и А. Т-ову, Федеральной службе государственной регистрации, кадастра и картографии в лице территориального отдела Управления по РТ, о признании права пользования квартирой и устранении препятствий в ее пользовании, признании договоров дарения долей в праве собственности и свидетельств о государственной регистрации права на данное жилое помещение недействительными и вселении.

Иск обоснован тем, что истица вместе с двумя несовершеннолетними детьми от брака с Ю. Т-овым проживала в спорной квартире, находившейся ранее в общей собственности ответчиков Т-овых. Однако в настоящее время вся принадлежавшая Ю. Т-ову доля в праве общей долевой собственности на жилое помещение подарена им А. Т-ову. В связи с тем, что ответ-

чики Т-овы препятствуют проживанию в квартире, истица предъявила настоящий иск.

А. Т-ов обратился с встречным иском о выселении В. Т-овой с детьми из квартиры и снятии их с регистрационного учета, указав, что он как единственный собственник данного жилого помещения намерен в нем проживать.

Решением районного суда в удовлетворении иска В. Т-овой отказано, встречный иск А. Т-ова удовлетворен частично, постановлено снять несовершеннолетних детей В. Т-овой с регистрационного учета в жилом помещении. В остальной части встречный иск отклонен.

Кассационным определением суда кассационной инстанции решение районного суда оставлено без изменения.

Президиум Верховного суда РТ постановления обеих судебных инстанций отменил, обосновав свою позицию следующим.

В соответствии с п.1 ст.55 и п.1 ст.56 Семейного кодекса РФ расторжение брака родителей или раздельное проживание родителей не влияют на права ребенка, в том числе на его жилищные права. Ребенок имеет право на защиту своих прав и законных интересов, которая осуществляется родителями.

Согласно ст.166 Гражданского кодекса РФ сделка недействительна по основаниям, установленным данным Кодексом, в силу признания ее таковой судом (оспоримая сделка) либо независимо от такого признания (ничтожная сделка).

Как следует из разъяснения, содержащегося в п.13 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 02.07.2009 №14 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса Российской Федерации», в силу положений Семейного кодекса РФ об ответственности родителей за воспитание и развитие своих детей, их обязанности заботиться об их здоровье, физическом, психическом, духовном, нравственном развитии, расторжение брака родителей, признание его недействительным или раздельное проживание родителей не влияют на права ребенка (п.1 ст.55, п.1 ст.63 Семейного кодекса РФ), в том числе на жилищные права. Поэтому прекращение се-

мейных отношений между родителями несовершеннолетнего ребенка, проживающего в жилом помещении, находящемся в собственности одного из родителей, не влечет за собой утрату ребенком права пользования жилым помещением в контексте правил ч.4 ст.31 Жилищного кодекса РФ.

Принимая решение в приведенной выше формулировке, суд первой инстанции исходил из того, что договор дарения его сторонами исполнен, Ю. Т-ов освободил квартиру и снялся с регистрационного учета, а А. Т-ов как собственник имеет право распоряжаться своей собственностью. На основании изложенного, указав, что В. Т-ова и ее дети проживают в настоящее время в частном доме у матери истицы, суд первой инстанции пришел к выводу об утрате ими права пользования спорным жилым помещением.

Оставляя решение суда первой инстанции без изменения, суд кассационной инстанции согласился с этими выводами, дополнительно указав, что дети Т-овых обеспечены жильем, поскольку В. Т-овой органом местного самоуправления предоставлено другое жилое помещение.

Между тем такой вывод сделан на основании акта товарищества собственников жилья, представленного непосредственно в суд кассационной инстанции ответчиками, и не являвшегося предметом проверки суда первой инстанции.

Как следует из материалов дела, в спорной квартире, 1/2 доля в праве общей собственности на которую ранее принадлежала Ю. Т-ову, проживали с рождения и зарегистрированы в настоящее время его несовершеннолетние дети от брака с В. Т-овой. Произведя дарение указанной выше доли в праве собственности А. Т-ову, Ю. Т-ов нарушил права и законные интересы своих несовершеннолетних детей на проживание и пользование этим жилым помещением.

Постановлением Конституционного Суда РФ от 08.06.2010 №13-П «По делу о проверке конституционности пункта 4 статьи 292 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки В. В. Чадаевой» п.4 ст.292 Гражданского кодекса РФ в части, определяющей порядок отчуждения жилого помещения, в котором

проживают несовершеннолетние члены семьи собственника данного жилого помещения, если при этом затрагиваются их права или охраняемые законом интересы, признан не соответствующим Конституции РФ в той мере, в какой содержащееся в нем регулирование – по смыслу, придаваемому ему сложившейся правоприменительной практикой, – не позволяет при разрешении конкретных дел, связанных с отчуждением жилых помещений, в которых проживают несовершеннолетние, обеспечивать эффективную государственную, в том числе судебную, защиту прав тех из них, кто формально не отнесен к находящимся под опекой или попечительством или к оставшимся (по данным органа опеки и попечительства на момент совершения сделки) без родительского попечения, но либо фактически лишен его на момент совершения сделки по отчуждению жилого помещения, либо считается находящимся на попечении родителей, при том, что такая сделка – вопреки установленным законом обязанностям родителей – нарушает права и охраняемые законом интересы несовершеннолетнего.

Таким образом, суды нижестоящих инстанций при разрешении заявленных В. Т-овой требований в интересах несовершеннолетних детей не применили к отношениям сторон нормы закона, подлежащие применению.

С учетом изложенного, принимая во внимание, что установленные нарушения закона повлияли на результаты рассмотрения и без их устранения невозможна защита нарушенных прав, президиум Верховного суда РТ, отменив состоявшиеся судебные постановления, направил дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

ДЕЛА, ВОЗНИКАЮЩИЕ ИЗ ПРАВООТНОШЕНИЙ ПО СОЦИАЛЬНОМУ ОБЕСПЕЧЕНИЮ

Дополнительное материальное обеспечение, предусмотренное в отношении отдельных категорий граждан в связи с 60-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов, не является пенсионной выплатой и не регулируется нормами законодательства о пенсионном обеспечении.

М-ина обратилась в суд с иском к пенсионному органу о назначении дополнительного ежемесячного материального обеспечения как вдове инвалида Великой Отечественной войны, указав, что в назначении данного обеспечения ответчиком было отказано по мотиву отсутствия справки врачебно-трудовой (медико-социальной) экспертной комиссии о наличии у ее умершего супруга М-ина инвалидности.

Решением районного суда, оставленным без изменения кассационным определением суда кассационной инстанции, в удовлетворении иска отказано.

Президиум Верховного суда РТ судебные постановления отменил по следующим основаниям.

Принимая решение об отказе в иске, суд первой инстанции, с выводами которого согласился и суд кассационной инстанции, исходил из того, что в соответствии с утвержденным постановлением Министерства труда и социального развития труда РФ №16 и Пенсионного фонда РФ №19па от 27.02.2002 Перечнем документов, необходимых для установления трудовой пенсии и пенсии по государственному пенсионному обеспечению в соответствии с Федеральными законами «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» и «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации», документом, подтверждающим инвалидность вследствие военной травмы, может являться только акт освидетельствования в учреждении медико-социальной экспертизы, а такой акт истицей не представлен.

Между тем в соответствии с п. «в» ст.1 Указа Президента РФ от 30.03.2005 №363 «О мерах по улучшению материального положения некоторых категорий граждан Российской Федерации в связи с 60-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов» вдовы умерших инвалидов Великой Отечественной войны с 1 мая 2005 года имеют право на дополнительное ежемесячное материальное обеспечение в размере 500 руб.

В силу п.4 Правил выплаты дополнительного ежемесячного материального обеспечения некоторым катего-

риям граждан Российской Федерации в связи с 60-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов, утвержденных постановлением Правительства РФ от 30.04.2005 №273, дополнительное ежемесячное материальное обеспечение назначается на основании документов, имеющих в распоряжении органов, осуществляющих назначение и выплату соответствующей пенсии.

Этими нормативными правовыми актами в качестве условия реализации права на получение ежемесячного материального обеспечения не предусматривается обязательное представление документов, обозначенных в вышеуказанном Перечне документов, необходимых для установления трудовой пенсии и пенсии по государственному пенсионному обеспечению в соответствии с Федеральными законами «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» и «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации», утвержденном постановлением Министерства труда и социального развития труда РФ №16 и Пенсионного фонда РФ №19па от 27.02.2002.

Более того, данный Перечень, как определено в п.1, применяется для установления трудовой пенсии по государственному пенсионному обеспечению, тогда как предусмотренное Указом Президента РФ от 30.03.2005 №363 дополнительное материальное обеспечение пенсионной выплатой не является, соответственно, право на его выплату не регламентируется законодательством о пенсионном обеспечении.

В соответствии с положениями приведенных Правил дополнительное ежемесячное материальное обеспечение назначается на основании тех документов, которые имеются в распоряжении органов, осуществляющих назначение и выплату соответствующей пенсии.

Как усматривается из материалов дела, истицей для получения материального обеспечения представлено, в том числе, свидетельство о болезни, содержащий сведения о том, что в связи с участием в военных действиях в 1943 году ее супруг М-ин получил ранение, повлекшее для него нарушение здоровья со стойким расстройством функций организма, значительную утрату трудоспособности, приведшие в

итоге к признанию негодным к военной службе.

Таким образом, совокупностью исследованных доказательств, в том числе свидетельством о болезни, подтверждается тот факт, что М-ин являлся инвалидом Великой Отечественной войны, и, следовательно, у истицы возникло право на получение дополнительного ежемесячного материального обеспечения.

Ввиду изложенного, поскольку судебные инстанции допустили ошибки в применении норм материального и процессуального права, повлиявшие на исход рассмотрения дела, президиум Верховного суда РТ судебные постановления отменил и принял новое решение об удовлетворении иска.

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

На основании ст.98 Гражданского процессуального кодекса РФ стороне, в пользу которой состоялось решение суда, суд может присудить к возмещению с другой стороны фактически понесенные по делу судебные расходы.

Как следует из материалов дела, определением суда удовлетворено заявление З-ева об отсрочке уплаты государственной пошлины при подаче иска к Ш-ину о взыскании суммы неосновательного обогащения.

В дальнейшем, разрешив дело по существу и приняв по нему решение об удовлетворении иска, суд взыскал с ответчика в пользу истца не понесенные последним судебные расходы, а затем такую же сумму государственной пошлины взыскал с истца в доход государства.

Между тем ст.98 Гражданского процессуального кодекса РФ предусматривает возможность возмещения только понесенных стороной по делу судебных расходов.

Поскольку не имеется документального подтверждения тому, что истец З-ев в рамках рассмотренного дела в связи с обращением в суд понес расходы по уплате государственной пошлины, то суду первой инстанции следовало взыскать государственную пошлину непосредственно с ответчика в доход государства.

Судом кассационной инстанции данное обстоятельство оставлено без внимания.

В этой связи президиум Верховного суда РТ судебные постановления в указанной части отменил и принял новое решение о взыскании с ответчика Ш-ина суммы государственной пошлины в доход государства.

ДЕЛА ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ

Согласно ч.2 ст.1.7 Кодекса РФ об административных правонарушениях закон, смягчающий или отменяющий административную ответственность за административное правонарушение либо иным образом улучшающий положение совершившего административное правонарушение лица, распространяется на лицо, совершившее административное правонарушение до вступления такого закона в силу, в отношении которого постановление о назначении административного наказания не исполнено.

Постановлением мирового судьи, оставленным без изменения решением судьи районного суда, И-ов привлечен к административной ответственности по ч.4 ст.12.15 Кодекса РФ об административных правонарушениях и ему назначено административное наказание в виде лишения права управления транспортными средствами сроком на четыре месяца.

Заместитель председателя Верховного суда РТ с данными судебные постановлениями не согласился по следующим основаниям.

Как видно из материалов дела, И-ов, управляя автомобилем, в нарушение требований дорожного знака 3.1 «Въезд запрещен», двигался во встречном направлении по дороге с односторонним движением.

Квалифицируя действия И-ова в качестве административного правонарушения по ч.4 ст.12.15 Кодекса РФ об административных правонарушениях, суды обеих инстанций исходили из редакции статьи, действовавшей на момент совершения правонарушения, согласно которой выезд в нарушение Правил дорожного движения РФ на сторону дороги, предназначенную для встречного движения, за исключением случаев, предусмотренных ч.3 этой же статьи, влечет лишение права управления транспортными средствами на срок от четырех до шести месяцев.

Между тем судебными инстанциями не были приняты во внимание изменения, содержащиеся в Федеральном законе от 23.07.2010 №175-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс РФ об административных правонарушениях», а именно, в п.6 ст.1, вступившем в силу с 21.11.2010, смягчающие административную ответственность за совершенное правонарушение.

Так, в соответствии с ч.3 ст.12.16 Кодекса РФ об административных правонарушениях (в редакции названного выше Федерального закона) движение во встречном направлении по дороге с односторонним движением влечет наложение административного штрафа в размере пяти тысяч рублей или лишение права управления транспортными средствами на срок от четырех до шести месяцев.

В силу ч.2 ст.1.7 Кодекса РФ об административных правонарушениях закон, смягчающий или отменяющий административную ответственность за административное правонарушение либо иным образом улучшающий по-

ложение лица, совершившего административное правонарушение, имеет обратную силу, то есть распространяется и на лицо, которое совершило административное правонарушение до вступления такого закона в силу и в отношении которого постановление о назначении административного наказания не исполнено. Закон, устанавливающий или отягчающий административную ответственность за административное правонарушение либо иным образом ухудшающий положение лица, обратной силы не имеет.

Таким образом, поскольку на момент вынесения постановления мировым судьей действовал закон, улучшающий положение И-ова, а само постановление о назначении наказания не было исполнено, п.6 ст.1 Федерального закона от 23.07.2010 №175-ФЗ имеет обратную силу.

В соответствии с п.2 ч.2 ст.30.17 Кодекса РФ об административных правонарушениях по результатам рассмотрения в порядке надзора жалобы, протеста выносится решение об изме-

нении постановления по делу об административном правонарушении, решения по результатам рассмотрения жалобы, протеста, если допущенные нарушения указанного Кодекса и (или) закона субъекта Российской Федерации об административных правонарушениях могут быть устранены без возвращения дела на новое рассмотрение и при этом не усиливается административное наказание или иным образом не ухудшается положение лица, в отношении которого вынесены указанные постановление, решение.

С учетом изложенного, заместитель председателя Верховного суда РТ состоявшиеся по делу судебные постановления изменил путем пере квалификации действий И-ова с ч.4 ст.12.15 на ч.3 ст.12.16 Кодекса РФ об административных правонарушениях и, принимая во внимание отсутствие отягчающих административную ответственность обстоятельств, назначил ему наказание в виде административного штрафа в размере пяти тысяч рублей.

ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Несоответствие резолютивной части постановления его описательно-мотивировочной части повлекло отмену судебного решения.

Постановлением Набережночелнинского городского суда РТ от 10 ноября 2010 года Б. отказано в принятии к рассмотрению ходатайства о снятии судимости по приговору Набережночелнинского городского суда Республики Татарстан от 9 июня 2008 года.

Кассационным определением судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РТ от 14 января 2011 года постановление судьи Набережночелнинского городского суда РТ в отношении Б. отменено, материалы уголовного дела направлены на новое судебное рассмотрение иным судьей по следующим основаниям.

Описательно-мотивировочная часть постановления судьи содержит развернутую формулировку со ссылкой на закон принятого решения об отказе в удовлетворении ходатайства осужденного о снятии судимости.

Однако данная часть постановления противоречит резолютивной его части, в соответствии с которой Б. отказано в принятии к рассмотрению ходатайства осужденного.

Поскольку судьей фактически было вынесено постановление об отказе в удовлетворении ходатайства, его следовало рассматривать в судебном заседании с участием прокурора и секретаря, осужденного (если он находится в следственном изоляторе) и ведением протокола судебного заседания.

Решение по гражданскому иску не может быть принято при вынесении судом первой инстанции постановления о применении принудительных мер медицинского характера.

Постановлением Зеленодольского городского суда РТ от 29 декабря 2010 года Г. Р. освобожден от уголовной ответственности за совершение в состоянии невменяемости общественно опасного деяния, предусмотренного

частью 5 статьи 264 УК РФ. К нему применена принудительная мера медицинского характера в виде амбулаторного принудительного наблюдения и лечения у психиатра. Кроме того, в счет компенсации материального ущерба с Г. Р. и Г. М. в солидарном порядке в пользу А. взыскано 100 000 рублей, компенсации морального вреда – 1 000 000 рублей.

Кассационным определением судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РТ от 15 февраля 2011 года постановление Зеленодольского городского суда РТ в части разрешения гражданского иска отменено, и уголовное дело в этой части направлено на новое судебное рассмотрение в тот же суд в порядке гражданского судопроизводства по следующим основаниям.

Разрешение иска в уголовном процессе производится на основании норм гражданского законодательства и в

соответствии со статьей 194 ГПК РФ решение суда, которым дело разрешается по существу, принимается именем Российской Федерации. Решение об удовлетворении иска является решением по существу и, исходя из указанного положения закона, решение по гражданскому иску не может быть принято при вынесении судом первой инстанции постановления о применении принудительных мер медицинского характера. Поэтому вопрос о разрешении гражданского иска следовало передать на рассмотрение в порядке гражданского судопроизводства.

Кроме того, вопрос о привлечении к участию в деле гражданского ответчика при производстве по уголовному делу, связанному с применением принудительных мер медицинского характера, не может быть постановлен, поскольку в деле отсутствует обвиняемый.

Штраф при сложении с лишением свободы исполняется самостоятельно.

Приговором Нижнекамского городского суда РТ от 21 января 2011 года Г., ранее судимый к штрафу, осужден к лишению свободы по части 2 статьи 159 УК РФ к 1 году 6 месяцам. На основании части 5 статьи 69 УК РФ путем частичного присоединения наказания по приговору от 28 июля 2010 года окончательно назначено наказание в виде лишения свободы сроком на 3 года 3 месяца с отбыванием наказания в исправительной колонии общего режима.

Кассационным определением судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РТ от 15 марта 2011 года приговор отменен, уголовное дело направлено на новое судебное рассмотрение в тот же суд, в ином составе суда по следующим основаниям.

На основании части 2 статьи 71 УК РФ штраф при сложении с лишением свободы исполняется самостоятельно.

Как видно из материалов уголовного дела, Г. ранее судим 28 июля 2010 года по части 1 статьи 166, 70, 71 УК РФ к 2 годам 8 месяцам лишения свободы со штрафом в размере 10 000 рублей.

Вместе с тем суд, назначая наказание на основании части 5 статьи 69 УК РФ к вновь назначенному наказанию,

присоединил частично наказание по приговору от 28 июля 2010 года, назначив окончательно наказание в виде 3 лет 3 месяцев лишения свободы. При этом какого-либо суждения по поводу штрафа в размере 10 000 рублей по вышеуказанному приговору не привел и не принял решения.

Назначая наказание в виде исправительных работ в местах, определяемых соответствующими органами, суд ухудшил положение осужденной.

Приговором Альметьевского городского суда РТ от 19 ноября 2010 года Л., ранее судимая, осуждена по пункту «в» части 2 статьи 158 УК РФ к 1 году 6 месяцам исправительных работ с удержанием 10% заработка в доход государства с отбыванием в местах, определяемых органом местного самоуправления по согласованию с органом, исполняющим наказания в виде исправительных работ, но в районе места жительства осужденной.

На основании части 5 статьи 69 УК РФ по совокупности преступлений окончательно определено 2 года исправительных работ с удержанием 10% заработка в доход государства с отбыванием в местах, определяемых органом местного самоуправления по согласованию с органом, исполняющим наказания в виде исправительных работ, но в районе места жительства осужденной.

Кассационным определением судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РТ от 11 января 2011 года приговор суда отменен по следующим основаниям.

Согласно части 1 статьи 50 УК РФ исправительные работы назначаются осужденному, не имеющему основного места работы, и отбываются в местах, определяемых органом местного самоуправления по согласованию с органом, исполняющим наказания в виде исправительных работ, но в районе места жительства осужденного.

По настоящему делу суд признал установленным и указал в приговоре, что Л. имеет постоянное место работы. Однако наказание в виде исправительных работ назначил ей в местах, определяемых соответствующими органами.

Данное нарушение уголовного закона является существенным, влекущим безусловную отмену приговора, поскольку положение осужденной было ухудшено.

В соответствии со статьей 400 УПК РФ ходатайство о снятии судимости рассматривается в судебном заседании с обязательным участием лица, в отношении которого рассматривается данное ходатайство.

Постановлением Набережночелнинского городского суда РТ от 13 ноября 2010 года производство по материалу по ходатайству С. о снятии судимости по приговору Набережночелнинского городского суда от 18 ноября 2006 года прекращено.

Кассационным определением от 11 января 2011 года постановление Набережночелнинского городского суда Республики Татарстан от 13 ноября 2010 года в отношении С. отменено, материал направлен на новое рассмотрение в тот же суд в ином составе.

В соответствии со статьей 400 УПК РФ ходатайство о снятии судимости рассматривается в судебном заседании с обязательным участием лица, в отношении которого рассматривается данное ходатайство. В судебном заседании вправе участвовать прокурор, который извещается о поступившем ходатайстве. По результатам рассмотрения ходатайства судьей выносится постановление об удовлетворении либо об отказе в его удовлетворении.

Как следует из постановления, судом ходатайство осужденного о снятии судимости рассмотрено и принято решение по существу.

Однако в материале не имеется постановления о назначении судебного заседания, отсутствует и протокол судебного заседания.

Осужденный С. о дне рассмотрения не извещен. Вопрос о его участии не обсуждался.

Суд не установил обстоятельства, имеющие существенное значение для правильного разрешения вопроса об охране жилища осужденного.

Постановлением Арского районного суда РТ от 15 ноября 2010 года в

удовлетворении ходатайства осужденного В. приговором Арского районного суда РТ о принятии мер по охране жилища, расположенного по адресу: ул. Комсомольская, д. 8, кв. 2, г. Арск, РТ, отказано.

Кассационным определением судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РТ от 1 марта 2011 постановлением Арского районного суда РТ от 15 ноября 2010 года отменено, материал направлен на новое рассмотрение в тот же суд другому судье.

В соответствии с частью 2 статьи 313 УПК РФ при наличии у осужденного имущества или жилища, остающихся без присмотра, суд выносит определение или постановление о принятии мер по их охране.

Выводы суда о том, что В. является не единственным собственником квартиры, не могли служить основанием для отказа в удовлетворении ходатайства осужденного, поскольку по смыслу части 2 статьи 313 УПК РФ меры по охране жилища должны быть приняты при отсутствии родственников, которые проживали вместе с осужденным.

Судом не принято во внимание и то обстоятельство, что другие собственники жилья по указанному адресу не проживают, они лишь формально собственники.

Кроме того, осужденный обратился в суд с ходатайством по охране только его жилья.

Ссылка в постановлении суда на то, что в квартире осужденный проживал с бывшей супругой и сыном, основана на имеющейся в материалах уголовного дела бытовой характеристике, выданной заместителем главы муниципального образования г. Арска в 2009 году. При этом судом данное обстоятельство также не проверено.

Согласно приложенной к кассационной жалобе осужденного справке, выданной специалистом по кадрам Республиканского клинического онкологического диспансера, жена осужденного зарегистрирована и проживает по ул. Дзержинского, д. 18/19, кв. 54, г. Казани, РТ.

Постановление приговора незаконным составом суда в силу пункта 2 части 2 статьи 381 УПК РФ является основанием для отмены судебного решения.

Приговором Набережночелнинского городского суда Республики Татарстан от 9 августа 2010 года В., ранее не судимая, осуждена по ст. 146 ч. 2 УК РФ к штрафу в размере 25000 рублей в доход государства.

В кассационном порядке дело не рассматривалось.

Постановлением президиума Верховного суда Республики Татарстан от 16 марта 2011 года приговор Набережночелнинского городского суда Республики Татарстан от 9 августа 2010 года в отношении осужденной В. отменен, уголовное дело направлено на новое судебное рассмотрение со стадии назначения к слушанию.

Согласно требованию части 1 статьи 31 УПК РФ, уголовное дело о преступлении, предусмотренном частью 2 статьи 146 УК РФ, в совершении которого органом следствия В. предъявлено обвинение, подсудно мировому судье. Поэтому его рассмотрение по существу Набережночелнинским городским судом Республики Татарстан нарушило положения данного процессуального закона.

Постановление приговора незаконным составом суда в силу пункта 2 части 2 статьи 381 УПК РФ является основанием для отмены судебного решения.

Решение кассационной инстанции о прекращении уголовного дела ущемило право потерпевшего на справедливое судебное разбирательство на основе принципа состязательности и равноправия сторон.

Приговором Рыбно-Слободского районного суда Республики Татарстан от 27 февраля 2010 года С., не судимый, осужден к лишению свободы: по пункту «а» части 2 статьи 115 УК РФ – на 2 года, по пункту «г» части 2 статьи 161 УК РФ – на 3 года, по совокупности преступлений на основании части 3 статьи 69 УК РФ окончательно – на 5 лет с применением статьи 73 УК РФ условно с испытательным сроком на 4 года.

Кассационным определением судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Республики Татарстан от 13 апреля 2010 года приговор изменен, действия С. переквалифицированы: с пункта «г» части 2 статьи 161 УК РФ на часть 1 статьи 161 УК РФ,

по которой назначено наказание в виде лишения свободы сроком на 2 года, и с пункта «а» части 2 статьи 115 УК РФ на часть 1 статьи 115 УК РФ с прекращением производства по делу в этой части в связи с отсутствием заявления потерпевшего, исключено указание на назначение наказания с применением части 3 статьи 69 УК РФ и на передаче вещественных доказательств законному представителю потерпевшего, в остальной части приговор оставлен без изменения.

Постановлением президиума Верховного суда Республики Татарстан от 9 марта 2011 года кассационное определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Республики Татарстан от 13 апреля 2010 года в отношении С. отменено, уголовное дело направлено на новое кассационное рассмотрение в ином составе суда.

В соответствии со статьей 405 УПК РФ пересмотр в порядке надзора оправдательного приговора либо определения или постановления суда о прекращении уголовного дела допускается в срок, не превышающий одного года со дня вступления их в законную силу, если в ходе судебного разбирательства были допущены фундаментальные нарушения уголовно-процессуального закона, повлиявшие на законность приговора, определения или постановления суда.

Согласно части 2 статьи 318 УПК РФ в случае смерти потерпевшего уголовное дело возбуждается путем подачи заявления его близким родственником или в порядке, установленном частью третьей настоящей статьи.

Как видно из материалов уголовного дела, потерпевший Т. В., с которым С. поссорился и здоровью которого причинил легкий вред, впоследствии умер, в связи с чем его отец Т. С. подал заявление о привлечении С. к уголовной ответственности за причинение его сыну телесных повреждений.

Данное обстоятельство кассационной инстанцией не учтено.

Принятое кассационной инстанцией решение о прекращении уголовного дела ущемило право потерпевшего на справедливое судебное разбирательство на основе принципа состязательности и равноправия сторон, и эти нарушения повлияли на законность постановления суда.

Институт медиации в России: проблемы и перспективы

В.А. ЕГОРОВ,

доцент, декан юридического факультета Института экономики, управления и права (г. Казань), к.ю.н., директор Поволжского центра правового примирения (медиации)

Споры и конфликты между людьми и хозяйствующими субъектами – явление не только обыденное, но и закономерное. Их причина – конфликт интересов. Чем сложнее общественные отношения, тем больше споров. Человек – существо общественное, а благополучие социума немислимо без взаимовыгодного баланса отношений между его членами. Выбор способа разрешения конфликта напрямую зависит от уровня развития общества. Одним из способов разрешения конфликта является медиация.

Медиация – одна из технологий альтернативного (внесудебного) урегулирования споров (англ. *alternative dispute resolution, ADR*) с участием третьей нейтральной, беспристрастной, не заинтересованной в данном конфликте стороны – медиатора, который помогает сторонам выработать определенное соглашение по спору, при этом стороны полностью контролируют процесс принятия решения по урегулированию спора и условия его

разрешения. Она имеет определенные условия и правила ведения, очередность действий, стадий и основывается на следующих принципах: добровольности, конфиденциальности, взаимоуважения, равноправия сторон, нейтральности и беспристрастности медиатора и прозрачности процедуры.

По статистике, большинство мировых примирительных процедур (более 80% споров) с участием медиатора (посредника) разрешается заключением соглашения об урегулировании спора.

Использование института посредников для разрешения споров отмечается с древних времен, историки отмечают подобные случаи ещё в торговле финикийцев и Вавилоне. В Древней Греции существовала практика использования посредников (*proxenetas*), римское право, начиная с кодекса Юстиниана (530–533 н. э.), признавало посредничество. Римляне использовали различные термины для обозначения понятия «посредник» – *internuncius, medium, intercessor, philanthropus, interpolator, conciliator, interlocutor, interpres*, и, наконец, *mediator*.

Медиация в её современном понимании стала развиваться во второй половине XX столетия, прежде всего, в странах англо-саксонского права – США, Австралии, Великобритании, после чего начала

распространяться и в Европе. Первые попытки применения медиации, как правило, касались разрешения споров в сфере семейных отношений. Впоследствии медиация получила признание при разрешении широкого спектра конфликтов и споров, начиная от конфликтов в местных сообществах и заканчивая сложными многосторонними конфликтами в коммерческой и публичной сферах.

Медиацию в США начали развивать в 70-х годах XX столетия в нескольких крупных городах. Они оказались настолько успешными, что сотни других программ были проведены по всей стране в следующие два десятилетия, и в настоящее время практика медиации широко распространена по всей стране. Судебная практика ориентирована на то, чтобы большинство споров разрешалось добровольно до суда, а судья может прервать судебное заседание и посоветовать сторонам поработать с медиатором. Европейская Комиссия в апреле 2002 издала «Зеленую книгу», в которой опубликованы положения об альтернативных способах разрешения конфликтов в гражданском и торговом праве. В октябре 2004 был закреплен ряд конкретных статей и положений о медиации в гражданском и торговом праве Европейских стран. Этим была создана законодательная база внесудеб-

ного разбирательства конфликтов. Европейская комиссия рекомендует странам-членам Европейского Союза продвигать медиацию как способ разрешения конфликтов, альтернативный судебному процессу.

Медиация во многих европейских странах становится самостоятельной профессией. Европейский Этический кодекс медиаторов входит в обиход практиков, дает ориентиры профессионалам и обеспечивает уверенность клиентам в профессионализме предлагаемых услуг. В Англии и Франции, в Скандинавских странах, и странах Бенелюкса, в Австрии, Германии и Швейцарии медиация – признанная законом и обществом деятельность. В некоторых европейских странах она только начинает свое развитие. Получившие образование медиаторы появились уже во всех странах. Медиация присоединяется к традиционным в культуре и обществе стратегиям разрешения споров, обогащая их специфическими методами и техниками, позволяющим довести переговоры до разрешения конфликта и завершения в форме подписанных договоренностей. Медиация завоевала признание благодаря: специальному подходу к конфликту, где защищаются интересы каждого; признанию приоритетности ответственности и самоопределения каждого участника процесса; фокусировке на ресурсах и компетенциях (правах и обязанностях) и ориентировке на нахождение консенсуса (согласия). В мировой практике известны следующие виды медиации:

1. Медиация, ориентированная на решение проблем (*problem-solving or settlement-directed approach*). Основной особенностью этого подхода является сосредоточенность на интересах людей, а не на позициях: позиция – это исход конфликта, который сторона заявляет как наиболее предпочтительный; интересы – цель, которая должна быть удовлетворена или достигнута. В рамках данного подхода медиатор вначале предлагает сторонам изложить свои позиции, а уже потом помогает им признать,

что у сторон существуют общие интересы и потребности.

2. Трансформативная медиация (*transformative approach*). Данный подход позволяет участникам определить ход медиации, в то время как медиатор следует за ними (а не наоборот, когда участники следуют указаниям медиатора). В данном случае в центре внимания – общение сторон, предоставление им возможности по-новому взглянуть на происходящее и понять это сердцем, а не только разумом. Здесь ключевыми компонентами являются слышание и слушание, именно это помогает участникам конфликта пережить некую «трансформацию» и прийти к взаимопониманию, что, в свою очередь, способствует признанию ими потребностей друг друга и более чуткому отношению к таким потребностям.

3. Нарративная медиация (*narrative approach*). Этот подход основан на убеждении в том, что медиаторы и участники конфликта оказывают продолжительное влияние друг на друга в ходе диалога, то есть сам процесс выглядит как процесс, в ходе которого участники излагают свой взгляд на происходящее.

4. Экосистемная, или семейно-ориентированная медиация (*ecosystemic or family-focused approach*). Данный подход к медиации хорошо подходит для урегулирования семейных конфликтов потому, что основной задачей в ходе разрешения подобных конфликтов является помощь семьям в преодолении грядущих перемен и сохранении нормальных отношений с детьми. Этот подход также применим к межкультурным конфликтам и спорам между людьми разных поколений.

5. Медиация, основанная на понимании (*understanding-based approach*). Главная цель этого подхода заключается в разрешении спора посредством понимания, так как более глубокое понимание сторонами их собственных перспектив, приоритетов и интересов, как и перспектив, приоритетов и интересов всех других сторон, делает их способными совместными усилия-

ми преодолеть возникший между ними конфликт. В рамках данного подхода ключевое значение имеет ответственность сторон за те решения, которые они принимают. Такой подход предполагает, что именно сами участники, а не профессионалы, наиболее полно представляют себе суть спора и имеют наилучшие возможности найти решение.

6. Оценочная медиация (*evaluative approach*). Медиатор влияет на процесс медиации, оценивая происходящее, а при определенных обстоятельствах и оказывает влияние на результат диалога, при необходимости предлагая свои варианты разрешения конфликта.

7. Онлайн-медиация, т. е. медиация с помощью Интернет-технологий является одной из разновидностей медиации. Ее использование расширяет возможности медиаторов в спорах между лицами и организациями, которые удалены друг от друга или в силу иных причин (например, инвалидности) не могут принимать непосредственное участие в процедурах медиации, а также в ситуациях, где значимость спора не оправдывает стоимость личного присутствия медиатора.

Применение медиации в Российской Федерации регламентируется Федеральным законом №193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)».

Законом устанавливается внесудебная процедура урегулирования гражданско-правовых споров при участии нейтральных лиц (медиаторов) как альтернатива судебному или административному разбирательству. Определяется сфера применения – урегулирование гражданских, семейных и трудовых споров. При этом процедура медиации не может применяться в гражданских, трудовых, семейных отношениях, если результаты урегулирования спора могут затронуть интересы третьих лиц, не участвующих в процедуре медиации, или публичные интересы.

Устанавливаются требования к соглашению о проведении проце-

дуры медиации. Соглашение заключается в письменной форме и должно содержать сведения: о сторонах, предмете спора, медиаторе (медиаторах) или организации, осуществляющей оказание услуг по проведению процедуры медиации, порядке проведения процедуры медиации, условиях участия сторон в оплате расходов, связанных с проведением процедуры медиации, сроке проведения процедуры медиации (он не должен превышать 180 дней). При этом медиатор и стороны должны принимать все возможные меры к тому, чтобы указанная процедура была завершена в срок не более 60 дней.

Назначение медиатора производится по взаимному соглашению сторон, а услуги по проведению процедуры медиации могут оказываться как на платной, так и на бесплатной основе. В законе прописаны также процедуры медиации – внесудебная, досудебная и судебная, предусматривающая проведение процедуры медиации на любой стадии судебного разбирательства.

Процедура медиации представляет собой совокупность последовательно совершаемых юридически значимых действий в рамках следующих самостоятельных стадий.

Первая стадия – стадия возникновения процедуры медиации. Основанием возникновения процедуры медиации является письменное соглашение сторон. Условие о применении процедуры медиации может быть включено в качестве медиативной оговорки в основной договор. Наличие такого соглашения не является препятствием для обращения в суд или третейский суд. Если же в соглашении предусмотрена обязанность сторон не обращаться в суд или третейский суд до истечения срока медиации, то суд признает силу этого обязательства. Исключения составляют случаи, когда стороне, по ее мнению, необходимо защитить свои права.

Соглашение о проведении процедуры должно содержать сведения о предмете спора, о медиаторе, о порядке проведения медиации, об

условиях участия сторон в расходах, связанных с процедурой медиации, о сроках проведения процедуры медиации.

Вторая стадия – стадия реализации. Порядок проведения процедуры медиации определяется соглашением сторон о проведении процедуры. Это самостоятельное соглашение, которое может содержать в себе ссылки на правила проведения процедуры медиации, утвержденные соответствующей организацией, осуществляющей деятельность по обеспечению проведения медиации. В таких правилах обязательно должны быть указаны виды споров, подлежащих урегулированию с использованием данных правил; порядок выбора или назначения медиатора; порядок участия сторон в расходах; сведения о стандартах и правилах профессиональной деятельности медиаторов, установленные в данной организации; порядок проведения процедуры медиации, в т. ч. права и обязанности сторон.

Третья стадия – стадия прекращения процедуры медиации. Процедура медиации может быть прекращена путем:

1) заключения сторонами медиативного соглашения – со дня подписания такого соглашения. Медиативное соглашение, достигнутое сторонами в результате процедуры медиации, проведенной без передачи спора на рассмотрение суда или третейского суда, представляет собой гражданско-правовую сделку, направленную на установление, изменение или прекращение прав и обязанностей сторон. К такой сделке могут применяться правила гражданского законодательства об отступном, о новации, о прощении долга, о зачете встречного однородного требования, о возмещении вреда. Защита прав, нарушенных в результате неисполнения или ненадлежащего исполнения такого медиативного соглашения, осуществляется способами, предусмотренными гражданским законодательством.

2) медиативное соглашение, достигнутое сторонами в результате процедуры медиации, проведенной

после передачи спора на рассмотрение суда или третейского суда, может быть утверждено судом или третейским судом в качестве мирового соглашения.

3) Заключения соглашения о прекращении процедуры медиации.

Без достижения согласия по имеющемуся спору – со дня подписания такого соглашения.

4) направления сторонам письменного заявления медиатора о нецелесообразности дальнейшего проведения процедуры – в день направления заявления.

5) направления медиатору письменного заявления сторон об отказе от процедуры – со дня получения медиатором такого заявления.

6) истечения срока проведения процедуры медиации – со дня истечения срока.

В Законе установлены требования к медиаторам, деятельность которых может осуществляться как на профессиональной основе (лица, достигшие возраста 25 лет, имеющие высшее профессиональное образование и прошедшие курс обучения по программе подготовки медиаторов, утверждаемой в порядке, определяемом Правительством РФ), так и на непрофессиональной основе (лица, достигшие возраста 18 лет, обладающие полной дееспособностью и не имеющие судимости), а также особенности правового положения саморегулируемых организаций медиаторов и их основные функции.

Эффективность данного института за рубежом базируется на вере сторон в профессионализм и порядочность медиаторов и, что самое главное, на сознании того, что «худой мир лучше доброй ссоры».

Благодаря медиатору участники процесса, во-первых, экономят время, так как суды «пустяковыми» исками перегружены и за океаном. Во-вторых, экономят деньги, поскольку услуги медиатора подавляющему большинству спорщиков ничего не стоят (для медиатора посредничество – не заработок, а практика), нет нужды сторонам тратиться и на адвокатов, без посредничества которых государственные учреждения практи-

чески не работают, поскольку ни времени, ни желания на беседы с дилетантами у них нет.

Медиатор – независимое физическое лицо, которому участники спора доверили разрешение возникшего между ними конфликта (п.3 ст. 2 Закона). Как видим, на смену дорогостоящей мощи государства, чиновничьему аппарату приходит хрупкое доверие сторон к посреднику. Именно эта вера в порядочность и профессионализм человека мгновенно упрощает и удешевляет процедуру разрешения конфликта, трансформирует ее из судопроизводства в процедуру медиации, превращая сильное действие из явления публичного, осуществляемого от государства, в частное дело сторон.

Процедура урегулирования споров с участием посредника позволит удобно и быстро разрешать споры, гарантирует исполнение решений, принятых в ходе процедуры медиации, экономит судебные издержки.

Медиация – это процесс переговоров, в котором медиатор-посредник является организатором и управляет переговорами таким образом, чтобы стороны пришли к наиболее выгодному реалистичному и удовлетворяющему интересам обеих сторон соглашению, в результате выполнения которого стороны урегулируют конфликт между собой. Решение, достигнутое самими сторонами в ходе медиации, как правило, не требует принудительного исполнения, потому что стороны удовлетворены им и заинтересованы в его исполнении.

Поскольку медиация нацелена на принятие сторонами взаимовыгодного решения, то стороны могут прибегнуть к данной процедуре на любой стадии конфликта – как при возникновении предпосылок для спорной ситуации, так и на этапе судебного разбирательства.

Итак, процедура медиации – это новое для России социально-правовое явление. Принятие специального закона положило начало развитию альтернативных процедур разрешения споров, широко применяемых за рубежом. Для

России медиация пока остается экзотикой, поэтому и инфраструктура, необходимая для того, чтобы стороны чаще прибегали к медиации, не развита. Не хватает достаточного числа опытных и квалифицированных медиаторов. Кроме того, отсутствуют законодательные механизмы защиты уча-

стников процедуры медиации, в том числе защита от необходимости давать показания в суде по конфиденциальным вопросам, касающимся процедуры медиации, а также механизмы принудительного исполнения соглашений, заключенных в процессе или по результатам процедуры медиации.

1. ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» № 193-ФЗ от 27.07.2010 /Собрание законодательства Российской Федерации. – 2 августа. – 2010. – 31. – Ст.4163.
2. Правила проведения примирительной процедуры. АНО«Научно-методический центр медиации и права»// <http://pama-s.ucoz.ru>.
3. Бесемер, Христоф. Медиация: Посредничество в конфликтах / Перевод с нем. Н. В. Маловой – Калуга: Духовное познание, 2004. – 176 с.
4. Ватцке, Эд. «Вполне возможно, эта история не имеет к вам никакого отношения...»: истории, метафоры, крылатые выражения и афоризмы в медиации – М.: Межрегиональный центр управленческого и политического консультирования, 2009. – 144 с.
5. Ведение переговоров и разрешение конфликтов / Перевод с англ. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2006. – 226 с.
6. Герзон, Марк. Лидерство через конфликт: Как лидеры-посредники превращают разногласия в возможности / Пер. с англ. Павла Миронова. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2008. – 344 с.
7. Ломанн, Фридрих. Разрешение конфликтов с помощью НЛП: Техники улаживания конфликтов и ведения посреднических переговоров, консультирования пар и медиации методами Вирджинии Сатир, Джона Гриндера и Тиса Штала: Учебник и сборник упражнений. – СПб.: Издательство Вернера Регена, 2007. – С.200.
8. Медиация – искусство разрешать конфликты. Знакомство с теорией, методом и профессиональными технологиями / Составители: Г. Мета, Г. Похмелкина / Перевод с нем. Г. Похмелкиной. – М.: Издательство Verte, 2004. – 320 с.
9. Паркинсон, Лиза. Семейная медиация. – М.: Межрегиональный центр управленческого и политического консультирования, 2010. – 420 с.
10. Пель, Махтельд. Приглашение к медиации. Практическое руководство о том, как эффективно предложить разрешение конфликта посредством медиации. – М.: Межрегиональный центр управленческого и политического консультирования, 2009. – 400 с.
11. Саскайнд Лоуренс, Шамликашвили Цисана, Демчук Артур. Менеджмент трудных решений в XXI веке: Секреты построения консенсуса, или Как сделать так, чтобы довольны были все. – М.: Межрегиональный центр управленческого и политического консультирования, 2009. – 208 с.
12. Ann Arbor., Aureli, Filippo and Frans B. M. de Waal, eds.,2000. Natural Conflict Resolution. University of California Press, Berkeley, CA.
13. A New Kind of Criminal Justice. October 25, 2009 page 6 Parade.
14. Bercovitch, Jacob and Jackson, Richard. 2009. Conflict Resolution in the Twenty-first Century: Principles, Methods, and Approaches. University of Michigan Press.
15. Gary Born. «International Commercial Arbitration»: Kluwer,2009.
16. Хертель, Анита фон. Профессиональное разрешение конфликтов: Медиативная компетенция в Вашей жизни. – СПб.: Издательство Вернера Регена, 2007. – С. 272.
17. Хертель, Анита фон. P-p-p! Почему мы спорим друг с другом, и как мы можем извлекать из этого пользу. – СПб.: Издательство Вернера Регена, 2008. – С. 176.
22. Шамликашвили Цисана. Медиация как метод внесудебного разрешения споров. – М.: Межрегиональный центр управленческого и политического консультирования, 2006. – 86 с.

Рассмотрение гражданских дел в суде апелляционной инстанции в письменном порядке: изменения в ГПК

Р.В. ШАКИРЬЯНОВ,
судья Верховного суда
Республики Татарстан,
заслуженный юрист РФ, к.ю.н.

Использование судом развернутой судебной процедуры при разрешении всех без исключения споров, сочетание при этом устного и письменного начал не во всех случаях отвечает принципу процессуальной экономии, ускорению судопроизводства по делу.

В этой связи в цивилистической науке предлагаются различные формы оптимизации судопроизводства. Одним из перспективных форм оптимизации в этой области могло бы являться широкое внедрение в гражданское судопроизводство рассмотрения дел в письменном порядке.

Судопроизводство, как известно, может происходить в устном или письменном порядке.

По определению С.Н. Абрамова «процесс называется устным или письменным в зависимости от того, что служит основанием для постановления судебного решения: устные или письменные объяснения сторон, вернее, материалы устного или письменного

состязания сторон, устная или письменная разработка всего фактического материала, воспринимаемого судьями»¹.

Исследователи отмечают повышение роли письменности в гражданском судопроизводстве. Так, закон требует указать перечень письменных доказательств, прилагаемых к исковому заявлению. Решение суда выносится только в письменной форме, путем письменного оформления подаются апелляционная, кассационная жалобы и заявление о пересмотре по вновь открывшимся и новым обстоятельствам решений, определений суда, постановлений президиума суда надзорной инстанции, вступивших в законную силу.

В настоящее время на основании положений ст. 350 ГПК, п. 15 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О применении судами норм Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде кассационной инстанции», а с 1 января 2012 года в соответствии с ч. 5 ст. 327 ГПК РФ (изменения, внесенные в ГПК на основании Федерального закона от 9 декабря 2010 года № 353-ФЗ (далее Закон) в суде кассационной инстанции ведется протокол.

Это обстоятельство также будет способствовать повышению элемента письменности в суде второй инстанции, устранению нарушения соотношения принципов устности и письменности в судебном разбирательстве, соответствию этой стадии процесса гражданской процессуальной форме.

О движении гражданского дела в судах также можно узнать из письменных источников – из официальных сайтов соответствующих судов.

Представляется, что увеличение электронной доли гражданского оборота, все более широкое использование информационных технологий в гражданском процессе также приведет к положительному изменению соотношения письменного элемента в судопроизводстве. Так, использование электронных технологий в судопроизводстве, развитие электронного судопроизводства потребует параллельного сосуществования процессуальных документов в электронной форме с их письменным аналогом (бумажной формой подачи материалов)².

При рассмотрении указанной проблемы необходимо учесть и слова Е.В. Васьковского о том, что

письменное производство представляет большие удобства для тяжущихся. Вместо того, чтобы лично являться на заседания суда, находящегося иной раз далеко от их постоянного места жительства, или нанимать поверенных, которые выступали бы в суде вместо них, тяжущиеся могут ограничиться посылкой по почте письменных заявлений и объяснений. Благодаря этому они берегут как время, так и деньги³.

При этом, подчеркивая указанные преимущества письменной формы судопроизводства, предлагается расширить сферу его действия.

Подобная точка зрения не противоречит и правовой позиции Европейского суда по правам человека о том, что когда суд решает только вопросы права (при отсутствии спора о фактах), письменный процесс является более целесообразным, чем устный.

Так, применительно к исследуемой теме в постановлении ЕСПЧ Варела Ассалино против Португалии⁴ указывается, что характер дел, подлежащих разрешению, не требовал проведения публичного рассмотрения. Единственный спорный вопрос был связан с толкованием положений Гражданского кодекса. В случаях, когда разрешению подлежат только вопросы права, рассмотрение письменных заявлений является более целесообразным, чем прения сторон, и, возможно, рассмотрение дела на основе письменных доказательств является достаточным. В определенных случаях власти вправе принимать во внимание и соображения эффективности и экономии. В данном случае, когда фактические обстоятельства не являются предметом спора, а вопросы права не представляют сложности, то обстоятельство, что публичное разбирательство дела не проводилось, не является нарушением требования пункта 1 статьи 6 Конвенции о проведении публичного разбирательства дела.

Комитет министров Совета Европы в ряде случаев также отмечал возможность установления

правил о рассмотрении судами дел в порядке письменного производства.

Так, в Добавлении к Рекомендациям Комитета министров Совета Европы: «Относительно принципов гражданского судопроизводства, направленных на совершенствование судебной системы» N R (84)5 от 28 февраля 1984 г. содержатся предложения государствам — членам Совета Европы принять меры к упрощению и ускорению разбирательства гражданских дел в судах. С этой целью, в частности, предлагается использовать следующие меры: упрощенные методы начала разбирательства, проведение, в зависимости от обстоятельств, исключительно письменного или устного судопроизводства⁵.

В этой связи В. М. Жуйковым указывается на необходимость расширения возможности письменного процесса в судах второй инстанции без проведения устных судебных разбирательств и без извещения заинтересованных лиц в тех случаях, когда нет спора о фактических обстоятельствах дела, а решаются только вопросы права.

По мнению В. М. Жуйкова, проверка законности определений и решение вопросов, поставленных в частных жалобах, намного эффективнее именно по письменным материалам, поскольку в них изложены позиции суда и лица, подавшего частную жалобу, имеющие правовое значение, а проведение устных разбирательств, заслушивание объяснений заявителей ничем по сути эти материалы дополнить и в большей степени прояснить сложившуюся ситуацию не могут⁶.

М. А. Алиэскеров, поддерживая такую точку зрения, указывает, что при разрешении вопросов права, устная форма изложения, как правило, не повышает возможности сторон. В связи с этим, учитывая, что при рассмотрении частных жалоб на определения суда первой инстанции в основном решаются процессуальные вопросы права, а не факта, можно признать целесообразным использование в этих

случаях письменного производства⁷.

ГПК РФ не содержит термин «рассмотрение дела в письменном порядке», тем не менее, указанные выше доктринальные идеи законодателем в определенной степени были восприняты.

В настоящее время принят и с 1 января 2012 года вступит в действие Закон «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» на основании Федерального закона от 9 декабря 2010 года № 353-ФЗ, в котором в некоторых случаях предусмотрена возможность рассмотрения дел в письменном порядке.

Так, в статье 333 этого Закона рассматриваются вопросы о порядке подачи и рассмотрения частной жалобы, представления прокурора.

В этой связи в Законе указывается, что подача частной жалобы, представления прокурора и их рассмотрение судом происходят в порядке, предусмотренном настоящей главой, с изъятиями, предусмотренными частью второй статьи 333.

Важными для нашего исследования являются следующие положения принятого Закона.

Так, в части 2 ст. 333 Закона указывается о том, что частная жалоба, представление прокурора на определение суда первой инстанции, за исключением определений о приостановлении производства по делу, о прекращении производства по делу, об оставлении заявления без рассмотрения, рассматриваются без извещения лиц, участвующих в деле.

При этом суд второй инстанции, получив дело указанной выше категории из районного суда, принимает его к своему производству, проводит соответствующую подготовку, а после назначает дело на рассмотрение в суде второй инстанции. При этом суд, руководствуясь указанными положениями Закона, лиц, участвующих в деле,

не извещает и рассматривает дело в их отсутствии.

В апелляционной инстанции дела по указанным выше основаниям будут рассматриваться в письменном порядке.

При рассмотрении частных жалоб апелляционной инстанцией рассматриваются и разрешаются лишь отдельные процессуальные вопросы (вопросы права), являющиеся предметом обжалуемого определения, поэтому, как представляется, это обстоятельство послужило основанием установить для этой категории рассмотрение дел в письменном порядке.

Статистические данные свидетельствуют о том, что расширение возможности рассмотрения дел в письменном порядке имеет большую практическую значимость.

Так, в 2009 году в РФ число гражданских дел, поступивших на кассационное рассмотрение в суды областного звена, возросло на 18,7% и составило 473 тыс. (в 2008 году – 396,1 тыс.), что обусловлено ростом числа рассмотренных гражданских дел по первой инстанции в районных судах на 19,6%. При этом доля частных жалоб и представлений хотя и осталась на прежнем уровне, однако она представляет значительную долю в структуре рассмотренных дел и составляет 29,4%.

Следует заметить, что фактически по правилам рассмотрения дел в письменном порядке в отсутствии сторон по делу, суд первой инстанции действует при принятии исковых заявлений, при подготовке дел, при их назначении на судебное разбирательство, возникшие при этом вопросы разрешаются по письменным доказательствам. Так же обстоит дело и при выдаче судебных приказов (разрешение вопросов права), так приказное производство является достаточно схематичным, и в нем преобладают элементы письменности в процессе. Более того, для правильного определения особенностей приказного производства Г. Л. Осокиной используется термин «документарное производство»⁸.

Однако и при рассмотрении дела в письменном порядке должны быть соблюдены определенные правила, основополагающие принципы гражданского судопроизводства.

Они вкратце указаны и в ч. 2 ст. 321 ГПК Литовской Республики⁹. В этой статье указывается, что при рассмотрении дела в письменном порядке судебное заседание состоит из доклада о деле, апелляционной жалобы, возражения на апелляционную жалобу, также из высказывания мнений судей, голосования и принятия решения.

По нашему мнению, эти действия следует производить лишь при их необходимости, а эта необходимость может быть вызвана мнением судьи-докладчика. В этой связи М. А. Алискеров обоснованно указывает, что, учитывая возможность возникновения при рассмотрении частной жалобы необходимости выяснения судом в судебном заседании обстоятельств, имеющих значение для правильного разрешения дела, судье, в производстве которого находится дело, должно быть предоставлено право проведения по делу судебного заседания в общем порядке¹⁰.

В этой связи в ст. 647 ГПК Эстонской Республики указывается, что если суд в письменном производстве находит, что дело должно быть разрешено в судебном заседании, то он назначает судебное заседание¹¹.

Сюда же следует отнести и исследование письменных доказательств, принятых как судом первой инстанции при подготовке дела к рассмотрению в суде апелляционной инстанции, так и поступившие в суд второй инстанции с указанием об этом в протоколе суда второй инстанции.

Редакция части 2 ст. 333 Закона свидетельствует о том, что законодателем категория дел, подлежащих рассмотрению в письменном порядке, определено по видам судебных постановлений (решения и определения). Причем, в законе в письменном порядке, без извещения лиц, участвующих в деле, бу-

дут рассматриваться частная жалоба, представление прокурора на определение суда первой инстанции, за исключением, как указывалось, определений о приостановлении производства по делу, о прекращении производства по делу, об оставлении заявления без рассмотрения.

Тем самым законодателем воспринята точка зрения ученых процессуалистов о дифференциации дел для рассмотрения их в письменном порядке по видам судебных постановлений, а не в зависимости от субъективного разделения дел по их малозначительности, поскольку, как обоснованно указывается, само понятие малозначительности дела является субъективным¹².

Исходя и из тех позиций, которые установлены Федеральным законом от 9 декабря 2010 года № 353-ФЗ, можно определить, что рассмотрение дел в письменном порядке означает рассмотрение судом второй инстанции при отсутствии спора о фактах определенной законом категории дел без извещения лиц, участвующих в деле.

Между тем цивилистическая наука рассмотрение дел в письменном порядке определяет шире.

Так, Е. В. Васильковский, подчеркивая, что действующий УГС 1864 года придает одинаковое значение как устной, так и письменной форме состязания сторон, указывал, что апелляционное и кассационное производства могут быть чисто письменными, в случае неявки сторон, но могут основываться как на письменных актах, так и на устных прениях (ст. ст. 168, 770, 804 УГС)¹³.

Так, из доктринальных воззрений, из указанных выше положений, а также из действующих норм гражданских процессуальных кодексов некоторых европейских государств, например, ГПК Литовской и Эстонской Республик (ГПК этих стран при определенных обстоятельствах предусматривают рассмотрение апелляционных жалоб в письменном порядке), можно установить, что дела в письменном порядке подлежат рассмотрению при:

— отсутствию ходатайства от всех лиц, участвующих в деле, о рассмотрении дела при их участии (ГПК Эстонской Республики);

— неявки сторон, других лиц, участвующих в деле в судебное заседание, если они были надлежащим образом извещены;

— установлении законодателем категории дел, подлежащих рассмотрению в письменном порядке (ч. 2 ст. 333 Закона);

— наличии существенных нарушений основополагающих принципов судопроизводства (по терминологии ГПК Литовской Республики — при констатации наличия абсолютных оснований недействительности решения суда первой инстанции)¹⁴.

Представляется, что законодателью разрешение вопроса о переходе к рассмотрению дела по правилам производства в суде первой инстанции при наличии оснований, предусмотренных в п. п. 1, 3, 5-7 ч. 4 ст. 330 ГПК Закона (наличие существенных нарушений основополагающих принципов судопроизводства), также следовало предусмотреть в письменном порядке, т. е. без извещения лиц, участвующих в деле, а после рассмотрение дела по существу производить с участием сторон по делу.

Оценивая внесенные в ГПК РФ изменения положительно, хотелось бы заметить, что при внесении этих изменений в ГПК законодатель не в полной степени воспринял существующие в доктрине точки зрения. Так, в научной литературе указывалось на необходимость рассмотрения всех частных жалоб, представлений на решения судов первой инстанции единолично судьей, применения принципа разумного сочетания единоличного и коллегиального рассмотрения дел¹⁵. Подобное решение этой проблемы способствовало бы и дальнейшей оптимизации судопроизводства, соответствовало бы принципу процессуальной экономии. Так, по мнению А. В. Цихоцкого, единоличное начало в осуществлении правосудия по гражданским делам соответствует современному представле-

нию об организации судопроизводства и не является отступлением от демократических начал правосудия, поскольку в состязательном процессе только действиями сторон обеспечивается доказывание по делу¹⁶.

Необходимость обжалования определений судов первой инстанции в течение 15 дней, рассмотрение некоторых категорий дел по частным жалобам, представлениям без извещения лиц, участвующих в деле (ст. 333 Закона) в письменном порядке, выделяет эту категорию дел из общего порядка

рассмотрения дел к числу особых судебных процедур¹⁷.

Несомненно, внедрение письменного порядка рассмотрения дел является первым шагом законодателя по введению этого вида судебной процедуры в гражданское судопроизводство. Представляется, что полученный положительный опыт позволит расширить область применения такого порядка рассмотрения дел, что, в конечном счете, повлияет и на уменьшение напряженности в условиях все более возрастающей нагрузки на суды второй инстанции.

1 Абрамов С.Н. Гражданский процесс: Библиотека народного судьи. Кн. 5. М., 1950. С.17.

2 См. более подробно: Брановицкий К.Л. Информационные технологии в гражданском процессе Германии (сравнительно-правовой анализ): монография. — «Волтерс Клувер», 2010.

3 Васьяковский Е.В. Учебник гражданского процесса. М., 2003. С. 119.

4 Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2000. № 4. С. 23-24.

5 См.: Добавление к рекомендации Комитета министров относительно принципов гражданского судопроизводства, направленных на совершенствование судебной системы N R(84) 5 от 28 февраля 1984 г. // Российская юстиция. 1997. N 7. С. 6.

6 Жуйков В.М. Судебная реформа: проблемы доступа к правосудию. М., 2006. С. 163, 92.

7 Алиэскеров М.А. Коллегиальное и единоличное рассмотрение гражданских дел в судах второй инстанции // Арбитражный и гражданский процесс. 2008. № 9. С. 24.

8 Осокина Г.Л. Гражданский процесс. Особенная часть. М., 2007. С. 333.

9 См.: Проверка судебных постановлений в гражданском процессе стран ЕС и СНГ / Под ред. Е.А. Борисовой. М., 2007. С. 239.

10 Алиэскеров М.А. Коллегиальное и единоличное рассмотрение гражданских дел в судах второй инстанции // Арбитражный и гражданский процесс. 2008. №9. С. 24.

11 См.: Проверка судебных постановлений в гражданском процессе стран ЕС и СНГ / Под ред. Е.А. Борисовой. М., 2007. С. 267.

12 Боннер А.Т. Указ. соч. С. 139; Алиэскеров М.А. Коллегиальное и единоличное рассмотрение гражданских дел в судах второй инстанции // Арбитражный и гражданский процесс. 2008. № 9. С. 24.

13 Васьяковский Е.В. Учебник гражданского процесса. М., 2003. С. 119.

14 См.: Жуйков В.М. Судебная реформа: проблемы доступа к правосудию. М., 2006. С. 163; Алиэскеров М.А. Указ. соч. С. 26; Проверка судебных постановлений в гражданском процессе стран ЕС и СНГ / Под ред. Е.А. Борисовой. М., 2007. С. 239, 267.

15 Борисова Е.А. Проверка судебных актов по гражданским делам. М., 2006. С.95.

16 Цихоцкий А.В. Теоретические проблемы эффективности правосудия по гражданским делам. Новосибирск, 1997. С. 312, 313.

17 Сахнова Т.В. Курс гражданского процесса: теоретические начала и основные институты. М., 2008. С. 71 - 77; Алиэскеров М.А. Коллегиальное и единоличное рассмотрение гражданских дел в судах второй инстанции // Арбитражный и гражданский процесс. 2008. N 9. С. 24.

Судебная практика и совершенствование уголовного закона

З.И. ЧИТАЯ,

доцент, зав. кафедрой Казанского филиала Российской академии правосудия, к.ю.н.

Преобразования во всех сферах жизнедеятельности российского общества оказывают существенное влияние на развитие российской правовой системы в целом. Осуществляемый государством интенсивный процесс обновления законодательства, безусловно, затрагивает и вопросы совершенствования уголовного права. В связи с этим есть необходимость вернуться к вопросу по совершенствованию регулирования уголовно-правовых отношений и уголовного законодательства в целом, а также определения места и роли судебной практики и судебного прецедента в механизме регулирования уголовно-правовых отношений.

Как известно, источником уголовного права признается только закон. Однако подобное утверждение опровергается самой жизнью. Действующий Уголовный кодекс РФ характеризуется определенной степенью абстрактности правовых норм, наличием бланкетных и отсылочных норм, правовых предписаний, содержащих оценочные признаки, норм, которые предлагают несколько вариантов поведения, спецификой терминов и понятий. Кроме того, нормы права действуют не изолированно друг от друга, а в системе; только во взаимосвязи можно правильно их истолковать. В

связи с чем в правоприменительной деятельности при регулировании уголовно-правовых отношений существенную роль играет судебная практика. Пока суды не применили правовую норму, она носит декларативный характер, т. е. закон живет только тогда, когда он применяется. В связи с этим признание прецедентного характера решений высших судебных органов обусловлено конституционным предписанием единообразного применения Уголовного кодекса РФ и необходимостью для реализации его принципов: законности, равенства граждан перед законом, справедливости. Необходимость выполнения данной задачи и порождает появление в системе уголовно-правовых источников судебного толкования, обладающего общеобязательным характером для последующего применения. В современных условиях вопрос о законодательном признании актов толкования высших судебных органов источником российского уголовного права, безусловно, стоит на повестке дня.

Прежде всего, необходимо отметить, что вопрос о роли и месте судебного прецедента и судебной практики является дискуссионным и притом достаточно длительное время. Важно подчеркнуть, что теоретические аспекты проблемы судебной практики в уголовном праве всегда являлись объектом исследования в юридической науке. Основными вопросами научных исследований были и остаются вопросы о том, что представляет собой судебная практи-

ка, какое значение она имеет для регулирования общественных отношений, влияет ли она на качественную составляющую действующего уголовного законодательства. В связи с этим авторы, исследующие проблему судебной практики в уголовном праве, разделились, в основном, на два противоположных лагеря, в зависимости от признания или отрицания возможности использования судебного прецедента в регулировании уголовно-правовых отношений. Следует отметить, что еще в дореволюционный период идею о возможности и допустимости судебного прецедента в уголовном праве поддерживали А. Ф. Кони, Н. М. Коркунов, И. Я. Фойницкий, Е. Н. Трубецкой и др. В советской юридической науке исследованием данной проблемы занимались С. С. Алексеев, Я. М. Брайнин, А. А. Герцензон, Н. Д. Дурманов, С. Л. Зивс, М. С. Строгович, М. Д. Шаргородский и др. В современный период ряд авторов, в частности, А. Н. Комиссаров, Ю. М. Ткачевский, З. А. Незнамова, А. И. Чучаев и др. отрицают возможность существования в уголовном праве прецедента, другие — А. В. Наумов, В. В. Демидов, — признают его существование. В этом плане интересно позиция авторов (В. Н. Кудрявцев, В. И. Радченко, Б. В. Яценко и др.), которые, отрицая в числе источников уголовного права судебный прецедент, говорят об обязательности применения судами руководящих разъяснений и решений Пленума Верховного Суда РФ. В науке уголовного права и сейчас существует

точка зрения, согласно которой «уголовное законодательство полностью воплощено в Уголовный кодекс, то есть является единственным и исключительным источником российского уголовного права (...) уголовному праву неизвестны в качестве его источников ни обычаи, ни судебный прецедент...».¹

Данный вопрос является далеко не новым для российской правовой действительности. Он неоднократно ставился и обсуждался как на общетеоретическом уровне, применительно к источникам советского, а затем постсоветского российского права, так и на уровне отдельных отраслевых дисциплин.² Известно, например, что еще в 40-50-е г. г. XX века предпринимались попытки представления руководящих разъяснений Пленума Верховного Суда СССР в качестве источника уголовного права. Однако в силу целого ряда объективных и субъективных причин и, прежде всего, в силу причин «идеологического характера» судебный прецедент объявляли «чуть ли не персоной нон грата для советского уголовного права».³

Тем не менее в научной литературе констатировалось, что «изгоняемый из уголовного права «в дверь» судебный прецедент упрямо «лез в окно» и зачастую небезуспешно. Первое его «наиболее легальное возвращение» в уголовно-правовую доктрину выразилось в теоретическом обсуждении вопроса о юридической природе руководящих разъяснений Пленума Верховного Суда СССР».⁴

Официальная доктрина советского права исходила из аксиомы, согласно которой судебный прецедент не мог рассматриваться в качестве источника права, поскольку это ассоциировалось:

а) с разрушением соцзаконности, понимаемой лишь как строгое и неуклонное соблюдение законов и других законодательных актов;

б) с возможным судебным произволом в процессе одновременного выполнения правотворческих и правоприменительных функций;

в) с ослаблением правотворческой деятельности законодательных органов.⁵

В действительности же на практике, как утверждают некоторые исследова-

тели, «судебный прецедент и судебное правотворчество существовали, прикрывая свое бытие различными легальными формами».⁶

Это проявилось, по мнению авторов, в том, что пленумам Верховного Суда СССР и Верховных судов союзных республик было предоставлено право давать в пределах имеющихся у них компетенций руководящие разъяснения по вопросам правильного и единообразного применения законодательства, обязательные для всех нижестоящих судов. Опубликование решений данных судебных инстанций по конкретным гражданским и уголовным делам в юридической периодике позволяло, по мнению авторов, «заинтересованным лицам добиваться сходных решений в сходных случаях по всем аналогичным категориям дел, рассматривавшихся нижестоящими судами».⁷

В связи с этим следует согласиться с мнением заместителя председателя Верховного Суда РФ В. М. Жуйкова о том, что фактически судебная практика, выраженная в разъяснениях Пленума Верховного Суда СССР и Пленума Верховного Суда РСФСР, всегда «признавалась источником права, поскольку в судебных решениях допускались ссылки на нее как на правовую основу разрешения дела. Не будучи признанной официально, она тем не менее фактически всегда учитывалась нижестоящими судами в качестве ориентира в вопросах применения и толкования права, устранения пробелов в нем, применения аналогии закона или аналогии права».⁸

При этом отмечая возрастающую тенденцию, направленную на признание прецедента как источника российского права, многие авторы не без оснований указывают на то, что такое признание, несомненно, будет способствовать обогащению как теории источников, так и самого российского права.⁹ Кроме того, оно будет содействовать восполнению пробелов в праве, справедливо полагая, что нельзя требовать от законодателя, чтобы он «охватил в нормах законов все многообразие конкретных ситуаций, складывающихся в жизни».¹⁰ Их рассмотрением, как известно, занимаются суды, восполняя при этом пробелы в праве. К тому

же применительно к отдельным отраслям права признание прецедента, а еще шире – судебной практики в качестве источника права, безусловно, будет создавать благоприятные условия и предпосылки для их дальнейшего развития и совершенствования.

Известный дореволюционный правовед В. М. Хвостов, полагая, что право есть система норм, предназначенных для удовлетворения известным жизненным запросам, сделал вывод, что «...свое содержание право черпает прямо из жизни. Чем сложнее делается жизнь человеческого общества, тем сложнее и богаче содержанием становятся и регулирующие ее течение – юридические нормы».¹¹ Именно в связи с этим при правоприменении появляется дилемма: обязан ли судья всегда и при любых условиях быть только истолкователем и применителем закона, или же перед лицом конкретной жизненной ситуации ему должна быть представлена более самостоятельная и творческая роль.

Особенно остро этот вопрос приобретает свое практическое значение при ухудшении качества закона, когда он несовершенно и воспринимается как норма несправедливая или пробелы. Проблема качества закона является не новой для юридической науки, и обсуждалась еще в античной правовой мысли. В работах Платона отмечалось, что закон никогда не может с точностью и полно обнять превосходящее и справедливейшее, чтобы предписать всем наилучшее. «Все относящееся к законодательству, – замечает в другом месте Платон, – никоим образом и никогда не бывало правильно выработано до конца...».¹² Таким образом, еще в ранний период становления правовой мысли было сделано важное замечание, что невозможно регулировать общественные отношения только при помощи норм, издаваемых государством.

Кроме того, уголовный закон принимается для регулирования общественных отношений в будущем, а законодатель, который издает данный нормативный акт, в частности, Государственная Дума РФ, исходит

из существующих общественных отношений. Вследствие этого, нормы уголовного законодательства уже через определенное время могут не соответствовать постоянно развивающимся общественным отношениям, т. е. «устаревают». Тем самым уголовный закон представляет собой фиксацию состояния общественных отношений в определенное время, без учета перспективы. Не последнюю роль в принятии «сырых» нормативных актов и в «вынужденном» правотворчестве судов в России играет весьма слабая юридическая подготовка отечественных законодателей. При этом не подвергаем сомнению тот факт, что они являются высококвалифицированными специалистами в «своей» области, но этого мало, чтобы быть законодателем и принимать хорошие, качественные законы. Хорошее законодательство требует к себе профессионального, а не любительского отношения. Подтверждением данного тезиса может служить анализ тенденции развития отечественного уголовного законодательства. Так, на момент принятия УК РСФСР 1960г. в нем было 269 статей, из них 63 в Общей и 205 — в Особенной частях. За тридцать пять лет существования в УК РСФСР было внесено 628 изменений и дополнений, из них на Общую часть пришлось 25% и 75% — на Особенную. Из общего числа статей кодекса остались до конца без изменений всего 60 статей. При этом в Общей части не подверглись изменению только 17 статей и в Особенной — 43.¹³ Такая же тенденция прослеживается и в УК РФ 1996 года, в который уже внесены более 200 изменений и дополнений. Только 08.12.2003 г. ФЗ № 162 в Уголовный кодекс были внесены изменения и дополнения, которые в разной степени коснулись 161 статью Общей и Особенной частей. Кроме того, в последнее время гуманизация уголовного законодательства, объявленная Президентом РФ Д. А. Медведевым, набирает обороты. В частности, с 2010 года вступил в силу закон о либерализации уголовной ответственности за налоговые преступления, весной этого же года были приняты поправки о запрете заключать под стражу по целому ряду статей УК РФ. В октябре Президент РФ представил проект ФЗ «О внесении изме-

нений в Уголовный кодекс», в котором предлагает отказаться от нижних пределов санкции в виде лишения свободы по 68 составам преступлений. По мнению Президента РФ, это «достаточно радикальная мера, но она должна позволить суду при назначении наказания применять дифференцированный подход» и выносить более справедливое наказание. В связи с изложенным необходимо отметить, что, в принципе, нестабильность уголовно-правовых норм затрудняет правоприменительную практику, но в последнем случае наоборот — эти изменения только во благо.

Для «корректировки» созданного положения в области российского правотворчества, несомненно, требуется обновить и расширить правотворческие функции высших судебных инстанций и официального придания статусов источников права издаваемым ими актам. В частности, анализ юридической литературы, законодательства и судебной практики приводит к выводу, что постановления Пленума Верховного Суда РФ имеют общеобязательный характер для правоприменителя.

Наделение Верховного Суда РФ правом осуществлять надзор за деятельностью нижестоящих судов служит серьезной гарантией того, что суды не будут игнорировать устоявшиеся образцы правильного толкования закона, данные в соответствующих постановлениях Пленума Верховного Суда. Более того, анализ судебной практики показывает, что в мотивировочной части приговора, наряду с нормами материального права, нередко встречаются ссылки на постановления Пленума Верховного Суда РФ. Необходимо отметить, что арбитражное процессуальное законодательство РФ содержит норму, представляющую судам право ссылаться в своих решениях на постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ по вопросам судебной практики (ч. 4 ст. 170 АПК РФ). По мнению ряда авторов, такие нормы следует предусмотреть и в УПК РФ, закрепив их в ст. ст. 307, 307 УПК РФ.¹⁴ Такое предложение заслуживает поддержки.

Кроме того, решения судьи, игнорирующие сформулированные Пленумом разъяснения, могут быть от-

менены вышестоящим судом в связи с неправильным применением уголовного закона. Основанием для отмены может явиться нарушение судом единообразия в применении и толковании уголовно-правовых норм.

В качестве примера можно привести положение ст. 105 ч. 2 п. «д» УК РФ — убийство с особой жестокостью. Уголовный закон не устанавливает признаков «особой жестокости», они разъясняются в постановлении Пленума ВС РФ от 27.01.99 г. в ред. от 06.02.2007г. «О судебной практике по делам об убийствах», и эти разъяснения являются обязательными для применения следственными и судебными органами. Если нижестоящий суд при рассмотрении дела не примет во внимание толкование, данное Верховным Судом РФ, то приговор будет отменен. К этому необходимо добавить, что в предисловии к сборнику определений и постановлений Верховного Суда РФ указано, что «в определениях и постановлениях Верховного Суда РФ, как правило, раскрывается содержание отдельных составов преступления, дается судебное толкование норм уголовного и уголовно-процессуального закона. В связи с этим судебная практика высшей судебной инстанции имеет важное значение для правильного понимания и единообразного применения уголовного и уголовно-процессуального законов не только судьями, но и другими правоприменителями».¹⁵ М. де Сальвиа отмечает: «Как бы четко ни была сформулирована норма в любой системе права, включая уголовное право, неизбежен элемент судебного толкования. Всегда будет существовать необходимость разъяснения неясных моментов и в адаптации к изменяющимся обстоятельствам. Судебная практика как источник права способствует прогрессивному развитию уголовного права. Уяснение правил уголовной ответственности предполагает последовательное от дела к делу толкование их судебной практикой».¹⁶

Говоря о правовой природе постановлений Пленума Верховного Суда РФ, мы солидарны с теми авторами, которые относят ее к разновидности судебного прецедента по следующим основаниям:

1. Постановления Пленума Верховного Суда РФ являются результатом обобщения судебной практики по отдельным видам преступлений, базируются на данных судебной статистики, их основу составляют результаты изучения большого количества судебных дел, что повышает теоретическую и практическую значимость содержащихся в них выводов и разъяснений.

2. Субъектом создания судебного прецедента выступают высшие судебные органы, к которым относятся Пленум Верховного Суда РФ.

3. Постановления Пленума Верховного Суда РФ являются одним из видов судебных решений.

4. Они подлежат официальному опубликованию.

5. Постановления Пленума имеют общеобязательный характер.

6. Толкование уголовно-правовой нормы, данное Верховным Судом РФ при рассмотрении конкретного дела, обязательно при разрешении сходных дел в будущем нижестоящими судами для обеспечения единообразного понимания и применения имеющихся норм.

Закрепляя юридическую силу решений Конституционного Суда, Федеральный конституционный закон от 23 июля 1994 г. «О Конституционном Суде Российской Федерации», в частности, устанавливает, что:

а) решения Конституционного Суда окончательны, не подлежат обжалованию и вступают в силу немедленно после их провозглашения;

б) они действуют непосредственно и не требуют подтверждения другими органами и должностными лицами;

в) юридическая сила постановления Конституционного Суда о признании акта неконституционным «не может быть преодолена повторным принятием этого же акта»;

г) решения судов и иных органов, основанные на актах, признанных неконституционными, «не подлежат исполнению и должны быть пересмотрены в установленных федеральным законом случаях»;

д) «неисполнение, ненадлежащее исполнение либо воспрепятствование исполнению» решения Конституционного Суда РФ влечет ответственность, установленную федеральным законом¹⁷.

Данные и ряд других им подобных положений, содержащихся в конституционных и обычных федеральных законах, касающихся судебной системы России, составляют правовую основу не только правоприменительной, но и всей иной деятельности судов, включая правотворческую.¹⁸

Касаясь довольно распространенного среди авторов, выступающих против признания судебной практики в качестве источника российского права, тезиса о несовместимости судебного правотворчества с парламентским, о возможной подмене и дублировании первого вторым, следует сказать, что такого рода суждения и опасения не имеют под собой никакой реальной основы. Они порождены скорее, как представляется, эмоциональным, нежели рациональным настроем исследователей.

Дело в том, что правотворческая деятельность судов весьма существенно отличается от аналогичной деятельности российского парламента и уже в силу этого она не может ни подменять ее собой, ни тем более дублировать.

В отличие от парламентского правотворчества, особенность судебного правотворчества предопределяется тем, что:

1) «судебное правотворчество всегда есть побочный продукт акта правосудия»¹⁹;

2) оно «не самостоятелно» в том смысле, что «привязано» к основной функции судебной власти – осуществлению правосудия;

3) оно осуществляется в рамках закона и на основе закона, исходящего от высшей законодательной власти страны;

4) правотворчество Суда в значительной мере связано с толкованием (конкретизацией) права и восполнением пробелов в праве;

5) судебные правовоположения выработываются судьями, как справедливо отмечается в литературе, только на основе «имеющихся норм и правовых принципов, а не своей субъективной воли»²⁰;

6) эти «правовоположения» не должны противоречить существующим, и, в первую очередь, конституционным законам;

7) сами по себе они не могут изменить или отменить закон;

8) существуют определенные границы, или пределы судебного правотворчества, предусмотренные законом, которые, по мнению некоторых исследователей, представляют собой «стержень доктрины и практики прецедентного права, охватывающий сущность взаимоотношений и компетенцию судебной и законодательной властей, гарантии от узурпации прав последней»²¹.

Нормативный характер постановлений Конституционного Суда, как и любого иного нормативного акта, состоит в том, что они, во-первых, имеют общеобязательный характер, будучи рассчитанными на неопределенный круг лиц, а во-вторых, с неизбежностью предполагают многократность применения.

В качестве одного из многочисленных примеров, подтверждающих это, можно привести постановление Конституционного Суда РФ от 15 января 1998 г. по делу о проверке конституционности положений частей 1 и 3 ст. 8 Федерального закона от 15 августа 1996 г. «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» в связи с жалобой гражданина №²².

Суть вопроса состояла в том, что гражданин России N., имеющий постоянную прописку по месту жительства в Грузии (Тбилиси), но фактически в течение многих лет проживающий в Москве, в 1996 г. обратился в УВИР ГУВД Москвы с заявлением о выдаче ему загранпаспорта. Однако ему в этом было отказано за неимением жилого помещения, наличие которого позволяло бы ему получить в Москве регистрацию по месту жительства или по месту требования.

Межмуниципальный народный суд Москвы отказал N. в удовлетворении жалобы, сославшись на ст. 8 указанного Федерального закона. При этом суд указал, что в соответствии с данной статьей N. вправе обращаться за выдачей загранпаспорта только по месту жительства за пределами России, т. е. в Грузии.

Рассмотрев жалобу N., Конституционный Суд РФ в своем постановлении признал не соответствующими Конституции России положения ч. 1 ст. 8 Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» и ч. 3 ст. 8 этого же Закона, на основе которых гражданину N. было отказано в выдаче загранпаспорта.

При этом Суд рекомендовал «с учетом настоящего постановления впредь до урегулирования федеральным законодателем порядка оформления документов» во всех аналогичных случаях руководствоваться ч. 2 ст. 27 Конституции России, закрепляющей за российскими гражданами право свободного выезда за пределы России и беспрепятственного возвращения в Россию²³.

Нормативный характер данного постановления проявляется в том, что, будучи принятым по конкретному случаю (по жалобе N.), оно: а) имеет общий характер, распространяется на всех граждан России, которые могут оказаться в ситуации, аналогичной той, в которой оказался N (иными словами, данное постановление рассчитано на неопределенный круг лиц); б) рассчитано на многократность применения (по крайней мере, фактически до приведения в соответствие с Конституцией России оспаривавшихся положений Закона); в) имеет императивный обязывающий характер.

В качестве иллюстрации влияния решений Конституционного Суда РФ на совершенствование уголовного закона можно привести один из многочисленных примеров:

Определение Конституционного Суда РФ от 19.05.2009г. № 845-О-О

Суть обращения (жалобы) заявителя:

— заявитель оспаривает ч. 4 ст. 111 и п. «в» ч. 4 ст. 162 УК РФ в той мере, в которой они в случае наступления смерти потерпевшего при причинении ему тяжкого вреда здоровью в процессе разбоя допускают двойную квалификацию деяния, предъявление двух тождественных обвинений и назначение двух однородных наказаний за одно и то же деяние.

Правовая позиция Конституционного Суда РФ:

— умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего (ч. 4 ст. 111 УК РФ), и разбой, т. е. нападение с применением насилия в целях хищения чужого имущества, совершенный с причинением тяжкого вреда здоровью потерпевшего (п. «в» ч. 4 ст. 162 УК РФ) образуют самостоятельные составы преступлений, различающиеся по объекту уголовно-правовой охраны, характеру посягательства, направленности умысла и степени опасности.

Данные преступления имеют разные объекты (здоровье и жизнь в одном случае, собственность и здоровье — в другом), разные последствия (смерть и вред здоровью) с разным психическим отношением к этим последствиям (двойная форма вины в одном случае и умышленная форма вины — в другом).

Иными словами, ч. 4 ст. 111 УК РФ и п. «в» ч. 4 ст. 162 УК РФ содержат, в конечном счете, описание разных преступлений, которые хотя и имеют общий признак — причинение тяжкого вреда здоровью, не соотносятся между собой как часть и целое: наступление смерти потерпевшего не включено в признаки состава разбоя, совершенного с причинением тяжкого вреда здоровью потерпевшего.

К тому же часть ч. 4 ст. 111 УК РФ предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок от 8 до 15 лет со штрафом, а ч. 4 ст. 162 УК РФ — на срок от 5 до 15 лет. Следовательно, причинение тяжкого вреда здоровью потерпевшего, повлекшего его смерть (преступление против жизни), не может поглотить разбой (преступление против собственности), как и разбой не может поглотить причинение тяжкого вреда здоровью потерпевшего, повлекшего его смерть.

П. «в» ч. 4 ст. 162 и ч. 4 ст. 111 УК РФ не соотносятся между собой как общая и специальная норма, а потому действия виновных в разбойном нападении, в ходе которого потерпевшему причиняется тяжкий вред здоровью, повлекший его смерть, подлежат квалификации по совокупности преступлений.

Аналогичная правовая позиция отражена в Определении Конституционного Суда РФ от 19.05.2009г.

№846-О-О, в котором с учетом оспаривания другим заявителем статей 17, 24 и 27 УК РФ указано также следующее.

В случаях, когда лицом совершены деяния, охватываемые единым умыслом, но различающиеся по объекту посягательства, объективной и субъективной стороне, отношению к общественно опасным последствиям этого деяния и образующие тем самым преступления, предусмотренные различными статьями уголовного закона, соответствие наказания и иных мер уголовно-правового характера характеру и степени общественной опасности преступления достигается, в том числе, путем квалификации содеянного и назначения наказания по совокупности преступлений. Иное противоречило бы задачам и принципам УК РФ, целям уголовного наказания.

В соответствии со ст. 6 Закона о Конституционном Суде России его решения «обязательны на всей территории Российской Федерации для всех представительных, исполнительных и судебных органов государственной власти, органов местного самоуправления, предприятий, учреждений, организаций, должностных лиц, граждан и их объединений».

Говоря о значениях деятельности Европейского Суда по правам человека (ЕСПЧ) для совершенствования уголовного права России, необходимо отметить, что обязательность решений Европейского Суда по правам человека в российском уголовном праве заключается, во-первых, в том, что в соответствии со ст. 1 Конвенции, Российская Федерация взяла на себя обязательства по обеспечению прав и свобод каждому человеку, находящемуся под её юрисдикцией, во-вторых, в силу ст. 32 Конвенции в решениях Европейского Суда по правам человека содержится официальное толкование конвенционных норм, имеющих обязательное значение в уголовном праве.²⁴

На это обращает внимание и Пленум Верховного Суда Российской Федерации, в Постановлении которого отмечается: «В силу п. 1 ст. 46 Конвенции, решения Европейского Суда по правам человека, принятые окончательно, являются обязатель-

ными для всех органов государственной власти Российской Федерации, в том числе и для судов».²⁵

О влиянии решений Европейского Суда по правам человека на российское уголовное право говорит и тот факт, что государство, в отношении которого вынесено решение о нарушении им положений Конвенции, предпринимает меры по устранению таких нарушений, в том числе и путём внесения изменений в уголовное законодательство и правоприменительную практику. Примером этому является изменение уголовного законодательства Англией, Бельгией, Италией, Францией, Швейцарией и другими европейскими государствами в соответствии с решениями Европейского Суда по правам человека.

В соответствии со ст. 71 Конституции РФ в ведении Российской Федерации находится уголовное законодательство, что указывает на единообразное применение на всей территории России как Уголовного кодекса Российской Федерации, так и Конвенции как источника уголовного права. Следует заметить, что эта конституционная норма распространяется и на решения Европейского Суда по правам человека, в которых содержится официальное толкование норм Конвенции и Протоколов к ней. Осуществляя толкование конвенционных норм, Европейский Суд по правам человека раскрывает содержание прав и свобод человека, закреплённых в Конвенции и Протоколах к ней, а Уголовный кодекс Российской Федерации обеспечивает уголовно-правовую защиту прав и свобод человека, определяя признаки преступления, посягающего на права и свободы человека и гражданина. Решения Европейского Суда по правам человека носят обязательный характер для субъектов, применяющих Конвенцию в российском уголовном праве. Одним из проявлений влияния решений Европейского Суда по правам человека на российское уголовное право выступает признание решений Суда источником уголовного права. Как известно, итоговое решение Европейского Суда по правам человека, принятое по конкретному делу, содержит значительное количество фактической, аргументационной информации. Однако,

ориентиром для правоприменителей, как правило, служит не полный текст решения Европейского Суда по правам человека, а его «правовая позиция», которая является правовым выводом решения. Создаваемая Европейским Судом по правам человека норма толкования и формулируемая в ней правовая позиция даёт правильное и точное понимание Конвенции, и способствуют уяснению содержания оценочных признаков, содержащихся в нормах Уголовного кодекса России. Решения Европейского Суда по правам человека имеют материально-правовое значение

при применении Уголовного кодекса РФ. Материально-правовой характер решений суда заключается в обязанности российского правоприменителя неукоснительно их соблюдать при квалификации преступлений и выборе меры уголовно-правового воздействия.

Изложенное выше позволяет сделать вывод о том, что официальное признание (легализация) судебного прецедента в качестве источника уголовного права приведет к стабильности судебной практики и единообразному применению уголовного закона.

1 Ветров Н.И., Ляпунов Ю.И. Уголовное право. Общая часть.- М., 1999г.- с.69.

2 См.: Вильнянский С.И. Значение судебной практики в гражданском праве. // Ученые записки ВШЮН. – М., 1947. Вып. IX. С. 244-245; Судебная практика в советской правовой системе. – М., 1995. С.24-26; Нечаев С.Л. Источники права. – М., 1981. С.176-183.

3 Наумов А. Судебный прецедент как источник уголовного права. // Российская юстиция. 1994. №1. С.8.

4 Там же. С.8.

5 Социалистическое право. М., 1973. С.325.

6 Мартынич Е., Колоколова Э. Прецедентное право: от советской идеологии к международной практике. // Российская юстиция. 1994, №12. С.20.

7 Мартынич Е., Колоколова Э. Указ. Работа. С.21.

8 Жуйков В.М. К вопросу о судебной практике как источнике права. // Судебная практика как источник права. М. С.16.

9 Гранат Н.Л. Источники права. // Юрист. 1998. №9. С.9.

10 Адилкариев Х. Судебная практика как источник нормотворчества. // Советская юстиция, 1991. №4. С.14-15.

11 Хвостов В.М. Происхождение права. // Хронанюк В.П. Теория государства и права. Хрестоматия. Учебное пособие. – М., Интерстиль, 1998. С.465.

12 Платон. Собр.соч. в 4-х т. Т.1. – М., 1990. С.390-392.

13 Трахов А. Стабильность уголовного закона и судебная практика // Законность. 2002. №5. с.2.

14 Савельева О.А. Постановления Пленума Верховного Суда РФ: роль в уголовном судопроизводстве. // Мировой судья. -2006. №2 с. 27-32.

15 Основания отмены и изменения судебных решений по уголовным делам / Сборник определений и постановлений. М. Изд-во «Норма», 2008. с.3.

16 М.де Сильвия. Прецеденты Европейского Суда по правам человека.- СПб., 2004.-С.515.

17 СЗ РФ 1994 г. №13 ст. 1447.

18 См. Жуйков В.М. Указ соч. с 18-20

19 Борак А. Судейское усмотрение. М. - 1999. с. 121

20 Ершов Е. Восполнение судом пробелов в трудовом законодательстве. // Российская юстиция. 1993 г. № 24 с.19.

21 Мартынич Е., Колоколова Э. Указ соч. с. 22.

22 См. Вестник Конституционного Суда РФ. 1998. №2 с. 19-25.

23 См. Вестник Конституционного Суда РФ. 1998. №2 с.25.

24 Волосюк П.В. Значение решений Европейского Суда по правам человека для Уголовного закона России.//Вестник Российской правовой академии МЮ РФ. 2006. №5.

25 Постановление Верховного Суда РФ №5 от 10 октября 2003г. « О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации. //Бюллетень Верховного Суда РФ.- 2003.-№ 12- с.6.

Правовое регулирование реабилитации в уголовном судопроизводстве Российской Федерации

Р.Г. БИКМИЕВ,

помощник судьи Вахитовского районного суда г. Казани, аспирант кафедры уголовного процесса и криминалистики Казанского (Приволжского) федерального университета

В уголовном судопроизводстве Российской Федерации не исключены ошибки органов дознания, предварительного следствия, прокурора и суда. Правоотношения, связанные с реализацией права на реабилитацию, регулируются различными нормативно-правовыми актами. Огромное влияние на развитие данного правового института оказали нормы международного права, к ним, в частности, относятся Всеобщая декларация прав человека 1948г. (ст. 8)¹; Декларация принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотреблений властью 1985г.²; Конвенция Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека 1995г. (ст.5)³. Так, в соответствии с ч.5 ст.5 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г.⁴, ратифицированной Государственной Думой РФ 20 февраля 1998 г., «каждый, кто стал жертвой ареста

или задержания, произведенных в нарушение положений данной статьи, имеет право на компенсацию, обладающую искомой силой». Аналогичная норма права содержится в ч.5 ст. 9 и ч.6 ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966г.⁵, в ч.1 ст.14 Конвенции против пыток и других жестоких и бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания 1984г.⁶, в ст. 85 Римского статута Международного уголовного суда 1998г.⁷ В перечисленных нормативных документах речь ведется о реализации права на реабилитацию гражданина в соответствии с законодательством государства, гражданином которого он является.

Вышеуказанные принципы международного права нашли отражение и в статье 53 Конституции Российской Федерации, которая гласит — каждый имеет право на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц. В уголовном судопроизводстве Российской Федерации основные принципы реализации права на реабили-

литацию содержат следующие нормативно-правовые акты: 1) ч. 4 ст. 11 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, согласно которой вред, причиненный лицу в результате нарушения его прав и свобод судом, а также должностными лицами, осуществляющими уголовное преследование, подлежит возмещению по основаниям и в порядке, которые установлены УПК РФ, то есть главой 18 (ст. ст. 133—139) УПК РФ; 2) Указ Президиума Верховного Совета СССР от 18 мая 1981 года «О возмещении ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями государственных и общественных организаций, а также должностных лиц при исполнении ими служебных обязанностей».⁸ В гражданском судопроизводстве такие правоотношения регулируются ст. ст. 151, 1064, 1070, 1099-1101 Гражданского кодекса Российской Федерации. При этом Гражданско-процессуальный кодекс РФ устанавливает порядок искового производства при разрешении гражданско-правовых вопросов, возникающих в рамках возникновения права на реабилитацию.

Современное российское законодательство в сфере реабилита-

ции, на наш взгляд, находится на стадии развития, в связи с чем возможны некоторые спорные ситуации в судебной практике. Рассмотрим подробнее некоторые из них в рамках указанного нами института реабилитации.

На практике, при признании права на реабилитацию, встречаются случаи, когда наказание осужденным лицам было снижено либо в связи с принятием закона, смягчающего наказание, либо в связи с внесением в приговор изменений кассационной или надзорной инстанцией, в результате чего вновь назначенное наказание оказалось меньше, чем реально отбытое. В данном случае право на реабилитацию не признается. Однако у указанных лиц возникает право на обращение в суд с иском о компенсации морального вреда в силу ст. 1070 ГК РФ в порядке гражданского судопроизводства. Например, в Абазинский районный суд Республики Хакасия в 2009 году с подобным иском обратился гражданин П., исковые требования которого судом были удовлетворены частично и в пользу истца с Министерства финансов РФ в порядке компенсации морального вреда, причиненного в результате незаконного осуждения, было взыскано 30000 рублей⁹.

В силу ч.1 ст. 133 УПК РФ, право на реабилитацию включает в себя право на возмещение имущественного вреда, устранение последствий морального вреда и восстановление в трудовых, пенсионных, жилищных и иных правах. Полное возмещение вреда, согласно гражданскому законодательству (ст. 1082 ГК РФ), состоит в том, что лицо, ответственное за причинение вреда, обязано возместить вред в натуре (предоставить вещь того же рода и качества, исправить поврежденную вещь и т.п.) или полностью возместить причиненные убытки. Вред, причиненный гражданину в результате уголовного преследования, возмещается государством в полном

объеме, независимо от вины органа дознания, дознавателя, следователя, прокурора и суда.

На практике, при признании судом права на реабилитацию, ранее возникал следующий спорный вопрос — признавать ли право на реабилитацию лицу, в отношении которого было частично прекращено уголовное преследование по реабилитирующим основаниям, или оправданному по приговору суда по одному из эпизодов предъявленного обвинения. Ранее судебная практика исходила из того, что право на реабилитацию, включающее в себя право на возмещение имущественного вреда, устранение последствий морального вреда и восстановление в трудовых, пенсионных, жилищных и иных правах, имеют лишь лица, полностью оправданные по предъявленному им обвинению и не осужденные по другому обвинению.¹⁰ В настоящее время судебная практика по данному вопросу изменилась. Анализ норм уголовно-процессуального законодательства позволяет сделать вывод о том, что УПК РФ не содержит запрета на возмещение вреда лицу, оправданному по части обвинения, по той лишь причине, что одновременно это лицо было признано виновным в совершении других преступлений.

Конституционный Суд Российской Федерации в своих решениях данный вопрос разъяснил и указал, что статья 133 УПК РФ не содержит положений, исключающих возможность возмещения вреда лицу, в отношении которого было вынесено постановление (определение) о прекращении уголовного преследования по реабилитирующему основанию, по той лишь причине, что это лицо было признано виновным в совершении преступления либо уголовное преследование в отношении него было прекращено по основанию, не указанному в п.2 и 3 ч.2 ст.133 УПК РФ¹¹.

Согласно правовой позиции Конституционного Суда РФ в та-

ких ситуациях суд, исходя из обстоятельств конкретного уголовного дела и руководствуясь принципами справедливости и приоритета прав и свобод человека и гражданина, может принять решение о возмещении данному лицу вреда, если таковой был причинен в результате уголовного преследования по обвинению, не нашедшему подтверждения в ходе судебного разбирательства. Таким образом, можно сделать вывод о том, что признание права на реабилитацию на сегодняшний день может быть не только полной, но и частичной.

Исходя из смысла ч.3 ст. 133 УПК РФ право на возмещение вреда в том порядке, который установлен главой 18 УПК РФ, имеет любое лицо, незаконно подвергнутое мерам процессуального принуждения в ходе производства по уголовному делу. К числу таких мер процессуального принуждения относятся: задержание подозреваемого, меры пресечения, иные меры процессуального принуждения (обязательство о явке, привод, временное отстранение от должности, наложение ареста на имущество, денежное взыскание).

Существенно сужает указанный в ст. 133 УПК РФ перечень оснований для возмещения вреда, причиненного незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда, установленная ч.1 ст. 1070 ГК РФ ответственность за вред, причиненный в результате незаконного применения в качестве меры пресечения заключения под стражу и подписки о невыезде и надлежащем поведении.

В этой связи мы согласны с мнением Н. И. Капинуса, который считает целесообразным привести ст. 1070 ГК РФ в соответствие с положениями ст. 133 УПК РФ, так как УПК РФ предусмотрено право на возмещение вреда любому

лицу, незаконно подвергнутому любой мере пресечения. По его мнению, избрание иных мер пресечения, кроме подписки о невыезде и надлежащем поведении и заключении под стражу, также влечет существенное ограничение прав и свобод подозреваемых и обвиняемых в совершении преступления¹².

К примеру, Абазинским районным судом Республики Хакасия в 2009 году рассмотрено всего одно дело о возмещении вреда лицу, подвергнутому незаконному избранию меры пресечения в виде заключения под стражу и содержащегося там 8 месяцев 27 дней. Данный гражданин обратился с исковыми требованиями к Министерству финансов РФ о взыскании компенсации морального вреда, причиненного в результате незаконного привлечения к уголовной ответственности и незаконного применения меры пресечения; данный иск был удовлетворен частично, в пользу истца взыскано 40 000 рублей¹³.

Законодательство Российской Федерации предусматривает под возмещением имущественного вреда реабилитируемому лицу возмещение различных расходов, причиненных ему в период уголовного преследования. В свою очередь, возмещение имущественного вреда включает возмещение заработной платы, пенсии, пособия, других средств, которых он лишился в результате уголовного преследования, возврата конфискованного или обращенного в доход государства на основании приговора или решения суда его имущества, выплат штрафов и процессуальных издержек, взысканных с него во исполнение приговора суда, возврата сумм, выплаченных им за оказание юридической помощи, возмещения иных расходов (ч.1 ст. 135 УПК РФ, ч. 2 ст. 15, ст. 1083 ГК РФ).

В соответствии со ст. 135 УПК РФ, в течение сроков исковой давности, установленных ГК РФ, со

дня получения копии документов, указанных в ч.1 ст. 134 УПК РФ, и извещения о порядке возмещения вреда, реабилитированный вправе обратиться с требованием о возмещении имущественного вреда в суд, постановивший приговор, вынесший постановление, определение о прекращении уголовного дела и (или) уголовного преследования, либо в суд по месту жительства реабилитированного, либо в суд по месту нахождения органа, вынесшего постановление о прекращении уголовного дела и (или) уголовного преследования либо об отмене или изменении незаконных или необоснованных решений. Если уголовное дело прекращено или приговор изменен вышестоящим судом, то требование о возмещении вреда направляется в суд, постановивший приговор. Требование о возмещении имущественного вреда может быть заявлено законным представителем реабилитированного. Не позднее одного месяца со дня поступления требования о возмещении имущественного вреда судья определяет его размер и выносит постановление о производстве выплат в возмещение этого вреда. Указанные выплаты производятся с учетом уровня инфляции.

Данная редакция ч.2 ст. 135 УПК РФ введена Федеральным законом от 01.07.2010 № 144-ФЗ, однако на сегодняшний день единая практика возмещения имущественного вреда отсутствует, так как статья 135 УПК РФ не уточняет, должен ли быть в гражданском или уголовном судопроизводстве рассмотрен вопрос, связанный с возмещением имущественного вреда реабилитированному, за исключением процессуальных издержек, которые рассматриваются в уголовном судопроизводстве.

В связи с чем предлагаем внести изменения в ч.2 ст. 135 УПК РФ, изложив ее в следующей редакции «В течение сроков исковой давности, установленных Гражданским кодексом Российской

Федерации, со дня получения копии документов, указанных в части первой статьи 134 настоящего Кодекса, и извещения о порядке возмещения вреда реабилитированный вправе обратиться с требованием о возмещении имущественного вреда в суд, постановивший приговор, вынесший постановление, определение о прекращении уголовного дела и (или) уголовного преследования, либо в суд по месту жительства реабилитированного, либо в суд по месту нахождения органа, вынесшего постановление о прекращении уголовного дела и (или) уголовного преследования либо об отмене или изменении незаконных или необоснованных решений в порядке гражданского судопроизводства за исключением процессуальных издержек. Если уголовное дело прекращено или приговор изменен вышестоящим судом, то требование о возмещении вреда направляется в суд, постановивший приговор».

В соответствии со ст. 151 ГК РФ, под моральным вредом понимаются физические и нравственные страдания, причиненные действиями, посягающими на личные нематериальные блага, принадлежащие гражданину, а в случаях, специально предусмотренных законом, — и нарушающими имущественные права гражданина.

На основании ст. 136 УПК РФ прокурор от имени государства приносит официальное извинение реабилитированному за причиненный ему вред.

В то же время закон не указывает, какой именно прокурор должен от имени государства принести извинение. Так, например, К. Б. Калиновский и А. В. Смирнов предлагают: «поскольку постановление судьи должно быть конкретным и не порождать неясностей при его исполнении, указание в постановлении судьи, на какого прокурора он возложил исполнение такой обязанности (с учетом мнения ре-

абилитированного), не противоречит закону».¹⁴

Иски о компенсации причиненного морального вреда предъявляются в порядке гражданского судопроизводства. Если сведения о временном отстранении реабилитированного от должности были опубликованы в печати, распространены по радио, телевидению или в иных средствах массовой информации, то по требованию реабилитированного, а в случае его смерти — его близких родственников или родственников, либо по письменному указанию суда, прокурора, руководителя следственного органа, следователя, дознавателя, соответствующие средства массовой информации обязаны в течение 30 суток сделать сообщение о реабилитации. По требованию реабилитированного, а в случае его смерти — по требованию его родственников, — суд, прокурор, следователь, дознаватель обязаны в срок не позднее 14 суток направить письменные сообщения о принятых решениях, оправдывающих гражданина, по месту его работы, учебы или месту жительства. В силу ст. 137 УПК РФ, постановление судьи о производстве выплат, возврате имущества может быть обжаловано в порядке, установленном главами 43-45 УПК РФ.

Отметим, что в силу ст. 138 УПК РФ, восстановление трудовых, пенсионных, жилищных и иных прав реабилитированного производится в порядке, установленном ст. 399 УПК РФ, для разрешения вопросов, связанных с исполнением приговора. Если требование о возмещении вреда судом не удовлетворено или реабилитированный не согласен с принятым судебным решением, то он вправе обратиться в суд в порядке гражданского судопроизводства. Реабилитированным, которые были лишены на основании судебного решения специальных, воинских и почетных званий, классных чинов, а также государственных наград, восстанавливаются соответствующие

звания, классные чины и возвращаются государственные награды.

Необходимо отметить, что в соответствии с п.6 Положения о порядке возмещения ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда, утвержденного указом Президиума Верховного Совета СССР от 18 мая 1981 года¹⁵, период, в течение которого гражданин не работал в связи с отстранением от должности, засчитывается в общий трудовой стаж и в стаж работы по специальности. Это время включается также в непрерывный стаж, если перерыв между днем вступления в законную силу оправдательного приговора либо вынесения постановления (определения) о прекращении уголовного дела по нереабилити-

рующим основаниям и днем поступления на работу не превышает трех месяцев.

На наш взгляд, приговор, определение или постановление суда, вынесенные по основаниям, предусмотренным ч.2 ст. 133 УПК РФ, обязательно должны содержать указание на право гражданина на реабилитацию, это исключит неясность в процессе его исполнения, а также возможный судебный отказ в принятии заявления о возмещении ущерба в соответствии со ст. 133 УПК РФ, либо искового заявления о возмещении ущерба в порядке ст. 1070 ГК РФ.

Учитывая изложенное, принимая во внимание социальную значимость реабилитации в уголовном судопроизводстве Российской Федерации, представляется необходимым дальнейшее изучение, а также развитие этого правового института.

1 Международное публичное право: Сборник документов. Т.1 М. 1996. С.460-464

2 Декларация принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотреблений властью. 1985г.// СПС Консультант Плюс.

3 Сборник законодательства РФ. 1999. №13 Ст. 1489

4 Собрание законодательства РФ. 2001. №2. ст.163.

5 Вестник Верховного Совета СССР. 1976. №17. Ст.291.

6 Вестник Верховного Совета СССР. 1987. №45. Ст.747.

7 Собрание законодательства РФ. 2000. №37. Ст.3710.

8 ВВС. 1981. №21. ст.741

9 www.abazinsky.hak.sudrf.ru

10 Бюллетень Верховного Суда РФ. 2005г. № 1. стр. 22

11 Определения от 16 февраля 2006 года № 19-О, от 20 июня 2006 года № 270-О, от 18 июля 2006 года № 279-О и от 19 февраля 2009 года № 109-О-О // СПС Консультант плюс

12 Капинус Н.И. Возмещение (компенсация) вреда, причиненного незаконным применением меры пресечения к обвиняемому или подозреваемому в совершении преступления // Законы России: опыт, анализ, практика. 2008 №6

¹³ www.abazinsky.hak.sudrf.ru.

14 Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (Смирнов А.В., Калиновский К.Б.) // под. Общ. ред. Смирнова А.В.// «Проспект», 2009.

15 ВВС. 1981. №21. ст.741

Понятие института международно-правовой ответственности в международном праве

А.Р. ХОДЖИЕВ,

ассистент кафедры международного
и европейского права Казанского
(Приволжского) федерального
университета

В свете развития современного международного права отражается объективная закономерность развития международных отношений нашей эпохи, основным содержанием которой является тенденция перехода к более цивилизованному международному общению. Обстоятельства международной жизни, которые «протекают» во времени, оказывают своеобразное влияние на развитие и формирование права, характерное этому времени.

Как указывал В. А. Мазов: «ставшее правом мира, мирного сосуществования и антиколониальным правом, современное международное право не должно ограничиваться фиксацией в правовой форме того, что уже достигнуто политическим путем. Оно призвано играть активную роль с тем, чтобы в свою очередь способствовать решению глобальных политических проблем».¹

В свою очередь решение проблем подобного рода требует повышения уровня управляемости

международной системы. Осознание этой задачи постепенно находит отражение в политическом мышлении. Ее значение подчеркивается в актах как международных организаций, так и государств. Однако практическое решение задачи повышения уровня управляемости международной системы происходит медленно, явно отставая от требований текущего момента. Такое положение уже сегодня отрицательно сказывается на жизни сотен миллионов людей в развивающихся странах, а в будущем оно скажется и на остальных государствах.

Одним из необходимых инструментов решения указанной задачи и является международное право. Рост роли международного права как на межгосударственном, так и на национальном уровне становится все более ощутимым. Однако это вовсе не означает, будто международное право полностью отвечает требованиям современности.

Непосредственно с функционированием международного права, с укреплением международного мира и безопасности связана проблема ответственности в международном праве. Именно такое восприятие этой проблемы характерно для отечественной науки меж-

дународного права.² В западной доктрине международного права исследование международно-правовой ответственности проводилось по двум направлениям. Одни учёные под влиянием цивилистических концепций, сконцентрировав свои усилия на исследовании ответственности государств за ущерб, причиненный иностранцам, сформировали репарационную концепцию ответственности, а другими авторами больше учитывались прогрессивные изменения в области международно-правовой ответственности.³

Здесь следует справедливо отметить мнение Ю. М. Колосова, который говорит: «вопросы международной ответственности одинаково важны в сфере как публично-правовых, так и частно-правовых отношений. Более того, ответственность в этих двух разделах международного права имеет много общего и тесно взаимосвязана, что отчётливо проявляется в процессе анализа вопросов ответственности по различным отраслям международного права».⁴

Вопрос о содержании международно-правовой ответственности имеет достаточно большое практическое значение. Точное определение места и роли ответственности

в механизме правового регулирования тех или иных общественных отношений позволяет говорить о том, какой тип правового регулирования избран за основу при оказании правового воздействия на поведение и сознание субъектов правоотношений, каков вектор направления правовой политики государства и многое другое.⁵

Международно-правовая ответственность – один из старейших институтов международного права, сложившийся на базе обычно-правовых норм.⁶ Как в древнейшие времена, так и на сегодняшний день, одним из способов обеспечения порядка в международных отношениях является использование института ответственности. Международно-правовая ответственность является частью «живого» механизма действия международного права, и ее история представляет собой существенный пласт развития этого права. Исследование этого аспекта проливает свет на развитие важных качеств международного права, включая его юридическую природу. Как сказал И. И. Лукашук: «К сожалению, в мировой литературе нелегко найти исследования, посвященные историческому развитию международной ответственности. Причина в значительной мере видится в том, что обычно исходят из того, что ответственность возникает одновременно с международным правом и настолько тесно с ним связана, что не имеет собственной истории».⁷

На сегодняшний день существует множество мнений относительно международно-правовой ответственности, и поэтому в международно-правовой литературе можно встретить различные определения понятия международно-правовой ответственности.

Л. В. Савельева международно-правовую ответственность определяет как юридическую обязанность субъекта международного права ликвидировать вред, причиненный им другому субъекту или субъектам международного права в результате нарушения междуна-

родно-правовой нормы, или обязанность возместить материальный ущерб, причиненный в результате действий, не составляющих нарушения международно-правовой нормы, если такое возмещение предусматривается специальным международным договором.⁸

По мнению П. М. Куриса, международно-правовую ответственность можно определить как обязательство правонарушителя претерпевать принуждение в виде определенных ограничений материального и нематериального характера и права потерпевшего государства, других государств или международных организаций применять эти ограничения с целью обеспечения соблюдения норм международного права. Всё это должно происходить в рамках реализации международных охранительных правоотношений, порожденных нарушением международно-правовой нормы.⁹

По мнению Г. В. Игнатенко и О. И. Тиунова, международная ответственность является необходимым юридическим средством обеспечения соблюдения норм международного права и восстановления нарушенных прав и отношений.¹⁰

Необходимо обратить внимание на то, что исследуя природу института международно-правовой ответственности, авторы обращают внимание на отдельные его аспекты. Как справедливо отмечает В. А. Вадапалас, международно-правовая ответственность – это не просто обязанность устранить вред и восстановить нарушенный международный правопорядок, но и реализация этой обязанности, действительное возмещение вреда, а также реализация прав потерпевших субъектов международного права.¹¹

По мнению известного австрийского юриста А. Фердросса, отрицание принципа международно-правовой ответственности привело бы к «гибели» международного права,¹² потому что с отказом от ответственности за невыполнение обязательств отпало бы также само

обязательство соблюдать его нормы, считает В. А. Мазов. Он же предлагает определять международно-правовую ответственность как совокупность правовых отношений, возникающих в современном международном праве в связи с правонарушением, совершенным любым субъектом международного права, или в связи с ущербом, причиненным другим субъектам международного общения в результате правомерной деятельности. Как утверждает учёный, в первом случае такие правоотношения могут сложиться непосредственно между правонарушителем и пострадавшим, а в другом – могут затрагивать права и интересы всего международного сообщества.¹³

Говоря о значении международной ответственности, Ю. М. Колозов утверждает, что она представляет собой принцип, который лежит в основе взаимного стремления избежать причинения вреда друг другу, даже если причинение вреда не связано с нарушением норм права. В особенности это важно именно для международных отношений, где в отличие от внутригосударственных отношений, отсутствует специальный аппарат принуждения, который бы обеспечивал неотвратимость наступления ответственности и возмещение ущерба потерпевшей стороне. Таким образом, международную ответственность учёный определяет как особый институт международных отношений, включающий в себя обязанность ликвидировать причиненный вред, если только вина не лежит на потерпевшей стороне, а также право потерпевшего на удовлетворение своих нарушенных интересов за счет интересов стороны – причинителя вреда, вплоть до применения к ней санкций в соответствующих случаях.¹⁴

Проблемам ответственности серьёзное внимание уделял видный учёный юрист-международник И. И. Лукашук, определивший институт международно-правовой ответственности как отрасль меж-

дународного права, принципы и нормы которой определяют для субъектов международного права юридические последствия международно-противоправных деяний, а также причинения ущерба в результате деятельности, не запрещённой международным правом. В представленном определении нашло отражение существование двух подотраслей права международной ответственности. Изначально это ответственность за противоправные действия, и уже после ответственность за ущерб, являющийся результатом деятельности, не запрещённой международным правом.¹⁵

Также среди известных отечественных учёных вопрос об ответственности в международном праве исследовал Д. Б. Левин, который понимал под международно-правовой ответственностью коллективную ответственность политических организмов за противоправное поведение своих органов, должностных лиц и даже находящихся под их властью частных лиц. Она не может носить характера личной ответственности, имманентно присущего ответственности уголовной. Особенность международно-правовой ответственности заключается в том, что это есть политическая ответственность, воплощающая в себе политические отношения государств, хотя ее последствиями могут быть как международные санкции и политическое удовлетворение, так и возмещение материального ущерба.¹⁶

Преимущественно в международно-правовой доктрине преобладает понимание международной ответственности как ответственности государства, являющегося первичным субъектом международного права, которая возникает в связи с совершением международного правонарушения. Так, например, принятые Генеральной Ассамблеей ООН статьи об ответственности в основном посвящены ответственности государств перед государствами. Вместе с тем общая часть статей распространяется и на ответственность государств перед

иными субъектами международного права. Касаясь возможности иных субъектов ссылаться на ответственность государства, специальный докладчик Комиссии Дж. Кроуфорд подтвердил, что открытое понятие ответственности, изложенное в части первой, обеспечивает такую возможность.¹⁷

Являясь основными субъектами международного права, политико-правовая природа государства определяет характерные черты международного права, включая право ответственности. Субъектом права международной ответственности может быть государство и в процессе образования, прежде всего в случае вооружённой борьбы народа за реализацию принципа права на самоопределение. В статьях об ответственности государств есть положение, согласно которому «поведение движения, повстанческого или иного, которому удается создать новое государство на части территории уже существующего государства или на какой-либо территории под его управлением, рассматривается как деяние этого нового государства по международному праву»¹⁸.

В общесоциальном смысле международно-правовая ответственность государства определяется его принадлежностью к международному сообществу. Будучи полноправным членом международного сообщества, оно не может не нести ответственности за свои действия. Так, в доктрине международного права неоднократно высказывалось мнение, согласно которому ответственность в международном праве имеет тот же источник, что и иные виды социальной ответственности, а именно моральный долг перед обществом.¹⁹ Членство в международном сообществе означает принятие норм этого сообщества. Именно на этом согласии соблюдать нормы сообщества основана международная ответственность.²⁰

Ввиду того что международно-правовая ответственность государства охватывает всю систему международно-правовых отношений, специальные аспекты этой ответ-

ственности чрезвычайно разнообразны, начиная с ответственности за нарушение мира и важнейших международных договоров и заканчивая ответственностью за причинение ущерба на территории другого государства²¹.

В отношениях складывающихся в международном сообществе различают два вида ответственности: политическую ответственность, иначе определяемую как нематериальную международно-правовую ответственность и материальную ответственность, в зависимости от характера причиненного ущерба.

Что касается нематериального ущерба, то он выражается в отрицательных последствиях противоправного поведения субъекта для международного правопорядка, а возможно, и для защищаемых международным правом нематериальных интересов других субъектов международного сообщества. В доктрине старого международного права довольно часто нематериальную ответственность называли моральной, и, надо сказать, такая позиция была подвергнута обоснованной критике. На смену ей пришла довольно устойчивая традиция считать этот вид ответственности политической²².

Что же касается материального ущерба, то противоправное поведение может привести к реальному материальному ущербу для других субъектов международного права, иногда называемому положительным ущербом, а также упущенной выгоде, то есть потерям пострадавших государств и международных организаций, которых не было бы, если бы не имело место быть противоправное поведение государства-правонарушителя.

В реальных взаимоотношениях эти виды международно-правовой ответственности настолько тесно взаимосвязаны, что порой между ними трудно провести четкую грань. В практике встречаются случаи, когда причинение материального ущерба вызывает и политическую ответственность, и наоборот, за причинение ущерба в по-

литическом плане наступает также ответственность материальная. Тем не менее разделять международно-правовую ответственность на виды практически является оправданным, так как это позволяет более точно определить как объем ответственности, так и ее формы. В свою очередь, под формой международно-правовой ответственности понимается способ, посредством которого осуществляются неблагоприятные для правонарушителя последствия совершенного им международного правонарушения. В каждом конкретном случае форма ответственности определяется обстоятельствами конкретного правонарушения. В каждом из двух видов международной ответственности выделяют наиболее типичные формы, в рамках политической ответственности – это ресторация и сатисфакция, а в рамках материальной – репарация и реституция.

В условиях современного развития международных отношений и международного права огромна роль всеобщей потребности в строгом соблюдении принципа добросовестного выполнения возложенных на себя обязательств и в повышении роли правовых средств его охраны. В связи с этим формирование права международной ответственности, как особой отрасли международного публичного права, является важным знаменателем, который, в свою очередь, подтверждает прогрессивное развитие современного международного права. Выражая свою глубокую солидарность, мы всецело соглашаемся с мнением И. И. Лукашука, что от успешного развития этого процесса зависят уровень международного правопорядка, степень обеспеченности общих и национальных интересов государств в условиях глобализации.

При решении вопроса о международно-правовой ответственности, помимо характера и объема причиненного международному сообществу или отдельному его субъекту ущерба, должны приниматься в расчет и другие факторы. К их числу относится, прежде все-

го, определение степени вины. В данном случае речь идет о том, что более тяжелый режим международно-правовой ответственности будет устанавливаться тогда, когда ущерб явился следствием обдуманной и целенаправленной

политики и противоправного умысла, что имеет место при большинстве международных преступлений по сравнению с ситуациями, когда, например, правонарушитель допускает преступную небрежность.

1 См.: Мазов В.А. Ответственность в международном праве. – М.: Юрид. лит. 1979. – С. 3.

2 См.: Вадапалас В.А. Гл. 6. Ответственность в международном праве. – Курс международного права. В 7 т. Т.3 Основные институты международного права. – М.: Наука, 1990. – С. 189.

3 Anzillotti D. Teoria generale della responsibility della stato nel diritto internazionale. Firenze, 1902; Borchard E. The diplomatic protection of citizens abroad. N. Y., 1915; De Visser Ch. La responsibilite des Etats. Leyden, 1924; Eagleton C. The responsibility of state in international law N. Y., 1928 и другие. См. также по: Вадапалас В.А. Глава 6. Ответственность в международном праве. – Курс международного права. В 7 т. Т.3 Основные институты международного права. – М.: Наука, 1990. – С. 189.

4 См.: Колосов Ю.М. Ответственность в международном праве. – М.: Юрид. лит. 1975. – С. 3.

5 См.: Краснов А.В. Проблемы юридической ответственности. / Под ред. Фаткудинова З.М., Аметьяновой З.А. – Казань. Изд. «Таглитат» Института экономики, управления и права, 2003. – С. 6.

6 См.: Международное право: учебник/отв. ред. Вылегжанин А.Н. – М.: Высшее образование, Юрайт-Издат, 2009. – С. 503.

7 См.: Лукашук И.И. Право международной ответственности. – М.: Волтерс Клувер, 2004. – С. 23.

8 См.: Колосов Ю.М., Савельева Л.В. Гл. 16. «Ответственность в международном праве». Международное право: учебник/отв. ред. Вылегжанина А.Н. – М.: Высшее образование, Юрайт-Издат, 2009. – С. 503.

9 См.: Курис П.М. Указ. соч. – С. 96.

10 См.: Международное право / под ред. Игнатенко Г.В., Тиунова О.И. – М.: 1999. – С. 131.

11 Вадапалас В.А. Глава 6. Ответственность в международном праве. – Курс международного права. В 7 т. Т.3 Основные институты международного права. – М.: Наука, 1990. – С. 202-203.

12 См.: Фердросс А. Международное право. М., 1960. – С. 353.

13 См.: Мазов В.А. Ответственность в международном праве. – М.: Юрид. лит. 1979. – С. 4-10.

14 См.: Колосов Ю.М. Ответственность в международном праве. – М.: Юрид. лит. 1975. – С. 21.

15 См.: Лукашук И.И. «Право международной ответственности». Российский ежегодник международного права. 2003. – С. 271-272.

16 См.: Левин Д.Б. Ответственность государств в современном международном праве. М., «Международные отношения». 1966. – С. 37.

17 См.: Док. ООН A/CN.4/SR/2616. От 12 Мая 2000. – С. 7.

18 См.: Лукашук И.И. Концепция права международной ответственности. // Государство и право. ? 4. 2003. – С. 84-85.

19 См.: Hall W. International Law. Oxford, 1924. P. 50; Moore J. History and Digest of the International Arbitration in which the United States has been a Party. Wash., 1898. P. 2952.

20 См.: Fauchilk P. Traite de droit international public. T. I. Paris, 1923. P. 514; Strupp K. Volkerrechtliche Delikte. Stuttgart, 1920. S. 61.

21 См.: Левин Д.Б. Указ. соч. – С. 85.

22 См.: Решетов Ю.А. Указ. соч. – С. 145-146.

Исследование основ мусульманского права в работе Шайх-Аттара Иманаева

«Мусульманский гражданский юридический строй как продукт общественности» (1926 г.)

А.Г. НУРИЕВ,

старший преподаватель кафедры экологического, трудового права и гражданского процесса Казанского (Приволжского) государственного университета, к.ю.н.

20-е годы XX столетия характеризовались неопределенностью правового и политического будущего молодого советского государства. Упразднение «старорежимных» учреждений привело к образованию вакуума во всех сферах общественной жизни. Потенциал религии был признан исчерпанным, а сама религия была объявлена «опиумом для народа».

В это беспокойное время перемен появляется монография Шайх-Аттара Иманаева¹ «Мусульманский гражданский юридический строй как продукт общественности»², напечатанная на основании решения коллоквиума факультета общественных наук при Казанском университете от 2 апреля 1921 г. №9 и 27 мая 1921 года №84.

Главной основной задачей и предметом исследования научного труда Шайх-Аттар Иманаева было проведение теоретического различия между наукой вообще, и наукой мусульманского частного права с одной стороны, и религией, как областью, не имеющей научного характера, с другой, и констатирование факта, что частное мусульманское право является продуктом общественности.

Поэтому автор посвятил свой труд доказательству способности мусуль-

манского права к дальнейшему развитию наравне с развитием правосознания Европейских народов.

Ш.-А. Иманаев при характеристике шариата отмечает, что в него, помимо религиозных вопросов, включаются и вопросы естественных и гуманитарных наук. Поэтому термин «мусульманский» имеет различный смысл – религиозный характер лишь в области религии, во всех остальных случаях он не несет религиозного смысла, например: «мусульманский гражданский юридический строй», «мусульманское гражданское юридическое отношение».

Автор обращает внимание на то, что в области мусульманского права все еще идет полнейшее смешение науки и религии, хотя этого смешения не имеется в самом мусульманском юридическом строе. Научную ценность труды по мусульманскому праву могут иметь лишь тогда, заключает автор, когда они удовлетворяют все требования научного объективного метода.

Подход, предложенный Ш.-А. Иманаевым, в определении роли и места мусульманского права является для своего времени новаторским. Фактически Ш.-А. Иманаев предлагает произвести четкое разделение между религией и наукой, что само по себе является верным для обозначения определенных правовых категорий мусульманского права с точки зрения различных мировоззренческих установок (религиозных и научных).

Структурно работа состоит из одной главы – Научная теория («Иль-

ми назариот»), раскрытой в рамках четырех параграфов:

- §1. Подражание – «таклид», ученые степени – ижтиход;
- §2. О целях и задачах наук вообще и науки права «ильму хокук»;
- §3. Формальные свойства научности труда;
- §4. О признаках научности по существу.

Раскрывая первый параграф «Подражание – «таклид», ученые степени – ижтиход», Ш.-А. Иманаев начинает с характеристики общественных гуманитарных наук. Сами общественные гуманитарные науки, как отмечает автор, во-первых, имеют объектом своего исследования человека, который во многих отношениях для науки является загадкой. Во-вторых, в гуманитарных науках нет естественного корректора (аналог опыта в естественных науках), здесь творчество и проверка выпадают на долю тех же лиц (игла с двойным уклоном – арабская поговорка «научная деятельность – взял иголку, выкопал ею колодец, достал воды»). В-третьих, человечество не вполне верно будет освещать единообразие явлений.

Наука, по убеждению автора, разрабатывается при помощи «ижтихода» – старания. Подвизающийся в области науки называется термином «мужтахид», «факых». Этот термин обозначает законоведа как в религиозном, так и в светском значении. В начальный период научного развития религиозный элемент всегда превалирует над остальным.

Следует обратить внимание, что при написании работы Ш.-А. Иманаев использовал термины, заимствованные с арабского языка (арабизмы были присущи татарскому языку начала XX века), и придавал им русскую транскрипцию. В силу того что транскрипция не была общепризнанной, существуют расхождения в написании некоторых терминов мусульманского права, например, в сравнении с трудами профессора Мирзы Казем-бека. В частности, Ш.-А. Иманаев использует понятие «ижтиход» и «мужтахид», в то время как профессор Мирза Казем-бек применяет понятие «иджтихад» и «муджтахид»³.

Шариат, как понятие родовое, разветвляется, по мнению автора, на виды и разновидности, совокупность же всех этих разветвлений составляет «ильму фикх», т. е. науку права, рассматривающую: 1) практическое отношение мусульманина и Аллаха; 2) практическое отношение мусульманина к мусульманину. Автор в своем исследовании отмечает, что будет рассматривать ту часть науки, которая рассматривает взаимодействие мусульман по имуществу – «муамалат». Куда включаются двусторонние договоры, односторонние обещания, наказание, семейное право, наследственное право. «Фикх», таким образом, объединяет собой с одной стороны как явление права религиозного, так и светского, с другой стороны – как сферу частную, так и публичную. Таким образом, Ш.-А. Иманаев предмет своего исследования ограничивает имущественными отношениями, подпадающими под регулирующее воздействие норм гражданского права.

Данный подход к понятию шариата превалирует и в современной российской науке. Так, современный исследователь мусульманского права Л. Р. Сюкияйнен отмечает, что «шариат весьма разнообразный, неоднозначный феномен, своего рода пункт встречи религии, нравственности и права»⁴.

В первые времена ислама, по мнению автора, понятие о теории было тесно и неразрывно связано с понятием об ученой степени «ижтиход», понятие которого обуславливается наличием самостоятельного высшего познания и чрезмерного при-

лежания. Всякое лицо, претендующее на самостоятельность в освещении какого-либо вопроса должно было быть «мужтахидом». Лицо же, не имеющее права на самостоятельность в решении шариатских вопросов, носило название подражателя «мукаллид», а само подражание называлось «таклид».

Анализируя мусульманское право, автор приходит к выводу, что оно находится в постоянном развитии, так как: 1) на свете не существует ничего вечного; 2) что ни одно явление не получается вдруг в законченном виде, а каждое явление зарождается, возникает, развивается и, наконец, прекращает свое существование в процессе исторического движения. Кроме того, гуманитарные явления отличаются от естественных тем, что бытие каждого общественного явления обуславливается наличием индивидуальной воли.

Ш.-А. Иманаев подвергает критике утверждение, что мусульманское право не меняется, оно есть мертвая догма и, приняв определенную, законченную форму, застыло в отведенных рамках. В действительности, отмечает автор, мусульманское право носит в себе все зародыши к дальнейшему эволюционному развитию в соответствии с естественными и социальными условиями жизни. Каждый мусульманин по своей воле и инициативе может подвизаться в области разработки научных теорий для науки мусульманского гражданского права. Выдвигая на разрешенные вопросы, сама жизнь не ждет и идет вперед более ускоренным в сравнении с наукой темпом.

При характеристике второго параграфа «О целях и задачах наук вообще и науки права «ильму хокук», Ш.-А. Иманаев определяет, что у всех народов изначально бывает одно право – право религиозное. Впоследствии же частное право совершенно отделяется от религии. Кроме того, религия и право основываются на двух взаимно исключающих явлениях. Так религия не терпит принуждения, в то время как право построено на принуждении.

Автор опровергает утверждение, что у мусульман лишь два источника, именно Коран и Сунна, с которыми законы должны соотноситься. Поэтому, по мнению автора, не-

обходимо быть осведомленным в вопросах общего правоведения прежде, чем приступать к разрешению важных вопросов, от того или иного теоретического освещения которых зависит прогресс Восточных многомиллионных народов. Ш.-А. Иманаев указывает на возможность и необходимость использования достижения европейской правовой мысли при исследовании явлений мусульманского права. Автор призывает освещать явления мусульманского права согласно научному объективному методу.

Как показал опыт развития мусульманских стран XX века, европейское право оказало существенное влияние для развития этих государств. В частности, в ряде мусульманских стран в настоящее время применение мусульманского права ограничено лишь вопросами личного статуса, в остальных же сферах заимствован опыт европейских стран⁵.

Очень важная мысль, высказанная Ш.-А. Иманаевым, о том, что «татарско-тюркско-арабская» наука юриспруденции существует. Она существует не на словах и не в виде лишь «юриспруденции», а на деле, хотя следует констатировать факт, что в некоторых частях она устарела ввиду ненаучного обращения с ней. Мусульманское право меняется, оно есть продукт человеческой жизни – общечеловеческой.

В параграфе третьем «Формальные свойства научности труда» автор выделяет три свойства научности:

- ▶ определенность предмета исследования;
- ▶ метод исследования;
- ▶ критическое отношение к исследуемому вопросу.

Ш. – А. Иманаев особое внимание уделяет объектам научного исследования. Объектом научного исследования, по мнению автора, могут быть лишь те или иные явления той или иной эпохи, а не наоборот, т. е. принципы, создаваемые мыслителями-специалистами в той или иной научной области, должны соответствовать фактам действительности, а отдельные теоретические мысли могут и должны быть исследованы лишь или

в целях критики, или же в целях установления состояния науки в ту или иную эпоху. Автор признает недопустимым безусловное слепое подражание – «сукур таклид», повторение кстати и некстати заученных наизусть и унаследованных от предшественников выражений, смысл которых должен быть изменен без сомнения в сторону более точного понимания духа мусульманского мира, и права, изменяющего согласно процессам исторического движения. Теоретическое учение о признаках научности в применении к мусульманскому праву имеет громадное практическое и решающее значение для мусульманского мира.

Автор особо отмечает, что порядок, в котором излагаются мусульманские институты права, не сходится с общепринятой в западно-европейской юриспруденции системой и сокрушается относительно того, что современные докладчики по шариатским вопросам довольствуются лишь одним пересказом того, что было составлено писателями и вместо явлений действительной естественной правовой жизни они описывают устаревшие, субъективные воззрения этих писателей, толкающих народ в давнопшедшее средневековье.

Как отмечает автор, таким путем искусственно создается: (1) тенденция подчинения светской науки теологии, религии; а также (2) противный учению Пророка новый, не существовавший до сего времени «исламский мир», состоящий из каких-то воображаемых граждан, слепо подчиненных религии и лишенных свободы мысли и воли.

Подобное, основанное на слепом доверии к теоретическому мнению, игнорирование реальных явлений и данных из истории науки и научных выводов приводит на Востоке к преклонению не перед теорией уже только, а к угождению какому-нибудь конкретному лицу, что приводит к приношению в жертву общественных интересов. Этот социальный фактор умаляет достоинство законов страны. Значение законодательных принципов тогда сводится к нулю, и права граждан зависят совсем не от утвержденных законов и объективных принципов.

Указанный важный тезис автора можно было отчетливо отследить на примере событий начала 2011 года, происходивших в некоторых странах арабского мира, в результате которых умаление значения социальных факторов привело к смене правительства ряда стран.

Кроме того, Ш.-А. Иманаев, трудившийся в эпоху больших перемен в институциональной сфере молодого советского государства, предполагал, что использование отдельных институтов мусульманского права необходимо в трудах учрежденных комиссий, намеревающихся внести дополнения и изменения в Гражданский кодекс РСФСР в целях приспособления последнего к особенностям быта преимущественно мусульманских автономных областей.

В заключительном параграфе «О признаках научности по существу», автор делает вывод, что наука нам драгоценна потому, что из нее мы черпаем полезные сведения для улучшения нашей жизни. Если так, то степень совершенства должна находиться в зависимости от степени полезности тех сведений, которые предоставляются в целях улучшения условий жизни.

Завершая свой труд, Ш.-А. Иманаев делает вывод, что до сих пор мы не имеем специалистов в области мусульманского гражданского права, отсюда и мнения о том, что будто мусульманская юриспруденция неподвижна и замкнута раз и навсегда в данной форме.

Работа Ш.-А. Иманаева, направленная на объективное изложение начал мусульманского права без стереотипности в рассуждениях, явилась новым толчком в переосмыслении места и роли религии в мусульманском праве. Автор понимал жизненную необходимость использования и заимствования отдельных институтов европейского права для развития мусульманского права. К сожалению, работа автора осталась не услышанной современниками, и построение основанного на позитивистских идеях государства завершилось крахом. Как бы то ни было, автор в своей работе впервые в России сделал попытку анализа теоретических основ науки мусульманского частного права.

Вместе с тем интерес российского общества и государства к странам мусульманского мира не утрачен, о чем свидетельствует подписанный 21 декабря 2009 года в Каире меморандум между Российской Федерацией и Лигой арабских государств об учреждении Российско-Арабского форума сотрудничества. Соответственно, вызовом современности и потребностям современного общества в исследовании мусульманского права должна отвечать российская юридическая наука.

¹ Иманаев Шайх-Аттар Хасанович окончил Казанский университет, где получил два высших образования: историко-филологическое (восточное языковедение) и юридическое. Первые печатные труды посвящены филологии: «Опыт научной грамматики турецко-татарского языка» (1910) и «Этимология и синтаксис татарского языка» (1910) и признаются в настоящее время ведущими филологами. Был редактором и издателем первого юридического журнала «Хокук ва хаят» (Право и жизнь) / [Электронный ресурс] // Сайт журнала Гасырлар авазы (Эхо веков) - http://www.protas.ru/magazine/go/anonymous/main/?path=mg:/numbers/2002_1_2/04/04_6/ Режим доступа: свободный. Проверено: 06.04.2011 г.

2 См.: Шайх-Аттар Иманаев Мусульманский гражданский юридический строй как продукт общественности / Иманаев Ш.-А. – Казань: Гаждур, 1926 г. – 25 с.

3 Мирза Александр Казем-бек «Мюхтесерюль-вигкаеть или сокращенный курс вигкаеть; курс мусульманского законоведения по школе ханефидов» / Мирза Александр Казем-бек – Казань: Типография Казанского императорского университета, 1845. – 92 с.

4 См.: Сюкияйнен Л.Р. Шариат и мусульманско-правовая культура / Л.Р. Сюкияйнен – М.: ИГиП РАН, 1997. – С. 17.

5 См.: Нуриев А.Г. Конституционно-правовые гарантии реализации права на судебную защиту в странах Арабского Востока // Эволюция российского права: сборник докладов – Екатеринбург: Научно-исследовательский центр УрГЮА, С. 199

Мусульманские суды и судьи Волжской Болгарии (X-XIII вв.)

А.Р. МУХАМАДЕЕВ,
кандидат исторических наук

Принятие в начале X века ислама булгарами на государственном уровне означало и становление новой государственности, религиозной и правовой системы, мировоззрения в целом. В основе болгарского законодательства и суда этого периода лежала правовая система, которая существовала в начальный период становления ислама, а затем развитая и дополненная во времена Омеядов и Аббасидов. Но это вовсе не означает, что болгарская правовая система является точной копией таковых, и не претерпела никаких изменений. Как один из основных отличий можно назвать то обстоятельство, что болгарский правитель принял систему обрядов не шафиитского (багдадского), а ханафитского (среднеазиатского) толка. Окончательная победа ханафитского толка, уже успешно применявшегося к тому моменту волжскими булгарами, была обусловлена не столько религиозными соображениями и географическими факторами, а политическими тенденциями, желанием сохранить установившиеся торговые и культурные связи со Средней Азией.

Последователи ханафитской школы в правотворчестве и судопроизводстве руководствовались тем, что главное внимание следовало уделять смыслу, а не букве установлений, учитывая при этом местные условия. Таким образом, учение Абу-Ханифы и его последователей давало возможность относительно свободного действия в решении правовых вопросов в зависимости от конкретной обстановки. Отмеченная Ибн Фадланом осведомленность повелителя болгар в правилах вынесения заключений фикха, а также практика совмещения вечерней и ночной молитв в летнее время (что требовало соответствующей фетвы) позволило специалистам сделать вывод не только об основательном знакомстве болгар с мусульманской правовой традицией, но и попытках конкретных ее разработок с учетом местных условий и особенностей¹.

В целом распространение ханафитской школы сыграло в средневековых тюркских государствах и праве особо важную роль. В государстве сельджукидов (XI – XIV вв.), например, со времен Тугрулбея большинство кадиев выбиралось из числа ханафитов. Как естественный результат этого, ханафитская школа доминировала в юриди-

ческой практике того времени. Однако прямых указаний судам действовать в рамках школы ханафитов не давалось. Такое же положение дел сохранялось и в первый период существования Османской империи. Тогда в бератах о назначении кадиев также не содержалось открытого указания действовать в рамках ханафитского права. Впрочем, в период, о котором идет речь, кадиями и так назначались в основном правоведы, принадлежавшие к школе ханафитов, и в подобных предписаниях, возможно, не было особой необходимости².

Имея в виду то, что до конца X века во всем мусульманском мире судьи пользовались значительной свободой в выборе решения по вопросам, не регламентированным Кораном, сунной, индивидуальными или единогласными решениями сподвижников Пророка, и «в решении одних дел применяли выводы одного толка, а при рассмотрении других прибегали к нормам, предлагавшимся сторонниками другой школы права», Р.М. Мухаметшин делает вывод, что к началу X века процесс становления государственности и религиозно-правовой системы Волжской Болгарии не закон-

чился одним лишь фактом массового и официального принятия ислама. Ханафитский мазхаб с относительным терпением к инакомыслию и широким использованием местного обычного права, сложившегося у разных народов в доисламский период, возможно, не способствовал ускорению завершения этого процесса. В данном случае, говорит ученый, имея в виду болгарскую исламизацию как действительность, нельзя не согласиться с мнением Г. Э. фон Грюнебаума о том, что «в известном смысле закон следует рассматривать скорее как символ мусульманской идентификации и силу, связывающую всех мусульман, чем как практическое орудие повседневной юридической практики»³.

Освоение булгарами ханафитской школы означает и применение ими норм права именно этого направления ислама. Предположения о том, какие источники мусульманского права, кроме Корана и сунны, могли применять кадии и законоведы Волжской Болгарии мы можем строить исходя из авторитетных источников, на которые опирался именитый татарский богослов Г. Утыз-Имяни (1754 – 1834 гг.). Известно, что этот ученый не только продолжал пользоваться источниками времен существования Волжской Болгарии, но и был ярким приверженцем старых традиций местной мусульманско-правовой мысли. Эти источники можно разделить на три группы. Первая группа – это источники, относящиеся к VII – VIII векам, к ним, в частности, относят известную книгу «ал-Мабсут», автором которого является Абу Юсуф Якуб ибн Ибрагим ал-Кады ал-Канафи, один из учеников Абу Ханифы (ум. в 798г.). Вторая группа – источники, относящиеся к X – XII векам, среди которых «ан-Навазил фи ал-Фуруъ» в авторстве известного среднеазиатского факиха Абу ал-Ляйс Наср ибн Мухаммад ибн Ибрагим ас-Самарканди аль-Ханафи (ум. в 968г.), «ал-Мухит», автором которой является Мухаммад ибн Ахмад ибн Аби Сахл ас-Сархаси ал-Ханафи (ум. в 1046г.), «ал-Хидая», автор которого – другой среднеазиатский богослов Бур-

хан ад-Дин ибн Аби Баقر ал-Маргинани ал-Ханафи (ум. в 1196г.). В третью группу входят многочисленные трактаты XIII – XV веков, которые вне рамок нашего исследования, но также относились к ханафитскому толку. В целом же известно, что Г. Утыз-Имяни отдавал предпочтение либо фетвам Абу Ханифы, либо его учеников Абу Юсуфа и Мухаммада, но никогда не выходил за рамки их фетв, тем самым способствуя сохранению традиционных устоев татарско-мусульманского общества⁴.

Указанное позволяет нам сделать вывод, что правоведы и кадии Волжской Болгарии были знакомы с первыми двумя группами этих мусульманских источников права и успешно применяли их на практике. Это можно объяснить как хронологическими рамками их появления и тем, что они являются источниками непосредственно ханафитского толка ислама, официально принятого булгарами, так и тем, что эти источники со временем превратились в традиционные нормы мусульманской общественно-правовой мысли и продолжали применяться среди татар Поволжья спустя много столетий.

Были ли среди волжских болгар свои авторитетные знатоки мусульманского права, влиявшие на становление и развитие в стране исламской правовой мысли и способные решить спорные религиозно-правовые вопросы, в том числе судебные? Несомненно, были. Некоторых из них исследователи называли и по именам. Несмотря на сомнительность их источниковой базы мы приведем сведения этих авторов. И. Березин, в частности, писал: «Из улемов (признанные и авторитетные знатоки теологии и религиозного права) учеников последователей известны Абдул-Ляйф Бен Абдулла и великий из мюджтегидов Нух ибн Мюрим, сочинитель «Опоры судей и пользы юрисконсультов», могила которого находится в Булгаре. Знаменитый имам Хагер Задэ из Булгара похоронен в Хорезме; и еще один знаменитый Иса Бен Ахмед Бен Мухаммед Бен Абу-бекр, болгарский казначей, похоронен в Булгаре. На кладбище болгарском похоронены

и другие мюджтегиды принципов и выводов из принципов. Не было числа умершим во время пелеринажа духовным лицам и законникам бухарским и хорезмским, пришедшим из земли Кашгара, среди которых был и Абдурахман Джами... Пришедший в Булгар учитель Хасам-эд-дин Бен Ибрагим сочинил книгу принципов (богословия) по названиям «Утверждение Хюсамова, и о выводах принципов «Железный камень»⁵.

М. Худяков, ссылаясь на Шарифеддина бин Хисаметдина, также сообщает имена средневековых «суфийских наместников» Среднего Поволжья, повлиявших на религиозно-правовую жизнь. В частности, Бейраша, сына Ибраша, непосредственного ученика Ахмеда Ясави; Иш-Мухаммеда сына Тугк-Мухаммеда, ученика Бейраша; Идриса, сына Зуль-Мухаммеда и др⁶.

Несмотря на то, что в Волжской Болгарии ислам был принят официально, нельзя отрицать возможность того, что определенная часть общества продолжала придерживаться языческих мировоззрений и обычаев. Это касалось не только зависимых финно-угорских аборигенов, но и некоторых групп самих болгар. О том, как решались среди них и связанные с ними судебные тяжбы и другие спорные вопросы, у нас сведений практически нет. Скорее всего, одним из источников права для общинных судов продолжали оставаться нормы обычного права. Сведения ал-Гарнати, побывавшего в Булгарии в XI веке, о суде над колдуньями у предков мордвы⁷ все же позволяют предположить, что среди языческого населения правосудие и через столетие после исламизации продолжалось вершиться по обычному праву предков.

По-своему уникальной является судебная система Хазарии, в сферу влияния которой входила Волжская Болгария. В целом система сюзеренитета-вассалитета между хазарским государством и булгарами дает возможность привлечения источников, касающихся публичного права Хазарии, в освещении общественно-правовых взаимоотношений Волжской Болгарии. Согласно

сведениям ал-Масуди, в Хазарском каганате действовали «семь судей, двое из них для мусульман, двое для Хазар, которые судят по закону Тауры (Тора, Пятикнижие), двое для тамошних христиан, которые судят по закону Инджиля (Евангелия), один же из них для Славян, Русов и других язычников, он судит по закону язычества, то есть по закону разума. Когда же случается великая тяжба, о которой они (судьи) понятия не имеют, то они собираются к мусульманским судьям, доносят об этом и покоряются решению, необходимому по закону ислама»⁸.

Сведения из источников и изучение истории распространения мусульманского права среди татар дали основания Г. Губайдуллину предположить, что хазарское правительство, «несмотря на принадлежность членов его к иудейской религии, предпочитали арабское право, и кассационным судом был суд из двух кадиев, производящих судопроизводство по шариату»⁹.

Однако на этот счет имеется более раннее и, на наш взгляд, более правильное мнение. А. Я. Гаркави в своих разъяснениях к тексту источника говорит, что предпочтение, отданное ал-Масуди мусульманским кадиям, если не общее убеждение автора в превосходстве исламских законов над прочими, то по всей вероятности один отдельно взятый случай, возведенный им в общее правило. К тому же, Ибн Фадлан откровенно свидетельствует, что трудные решения тяжбы были представляемы не мусульманским кадиям, а хазарскому кагану¹⁰.

По мнению П. Голубовского в Хазарском каганате другие судьи обращались к мусульманским судьям потому, что они, очевидно, были государственными судьями¹¹. Учитывая, что примерно в это время (сообщение ал-Масуди) хазарское государство находилось на стадии развала, а вскоре каган вынужден будет обратиться за помощью к мусульманам и сам принять ислам, совсем отвергать эту версию, на наш взгляд, нецелесообразно.

Конечно, даже авторитет мусульманских судей в хазарском государстве не мог дать им права быть вы-

сходящей инстанцией по отношению к другим равным им судам. Тем более что иудейский, христианский и языческие суды рассматривали дела совсем по другим, своим законам и понятиям, у каждого из них были свои особенности судопроцесса. Несомненно, ал-Масуди был глубоко убежден в превосходстве мусульманского права над другими, как с точки зрения правильности законов, так и справедливости. Не исключено, что другие судьи могли обратиться к более грамотным мусульманским кадиям, с целью узнать их точку зрения по тому или иному трудноразрешимому вопросу; поинтересоваться об отношении к такому со стороны исламского законодательства; или узнать личное мнение по существу дела. О наличии в Хазарском каганате семи судей разного порядка судопроизводства также упоминают Ибн Хаукаль, Ибн Фадлан, ал-Мукаддаси, ал-Бекри.

Кроме того, Ибн Фадлан говорит, что у хазарского кагана был огромный город на Волге, состоящий из двух сторон, в одной части города жили мусульмане, на другой – каган и его приближенные. «Над мусульманами начальствует муж из числа приближенных отроков царя, который назывался хаз (кази). Он мусульманин, и судебная власть над мусульманами, живущими в стране хазар и временно приезжающими к ним по торговым делам, предоставлена этому отроку-мусульманину, так что никто не рассматривает их дел и не производит суда между ними, кроме него. У мусульман в этом городе есть соборная мечеть, в которой они совершают молитву и присутствуют в ней в дни пятниц. При ней есть высокий минарет и несколько муэзинов»¹².

Наличие судей предполагает наличие и каких-то органов принуждения, исполнения судебных решений, правоохранительных органов. По мнению Плетневой, возможно, полицейские функции в случае Хазарского государства выполняли наемные гвардейцы кагана из мусульман, называемые ларшиями¹³.

Основной обязанностью кадиев была работа в качестве судьи. В бе-

ратах Османского государства, которыми кадий назначался на свой пост, ему предписывалось «... следовать шариату Пророка, руководствуясь священными указаниями и запретами». Кадий исполнял свои обязанности в пределах границ территории и в рамках срока, на который он назначался. Решения, принятые кадием вне назначенной ему территории и за пределами сроков исполнения должности, считались недействительными.

На сегодняшний день из источников мы можем назвать имена конкретных болгарских судей-кадиев, оставивших свой след в истории Волжской Болгарии. Например, болгарского кади Якуба ибн Нугмана аль-Булгари (XII век), который создал «Историю Болгарии». К сожалению, на сегодняшний день не обнаружено ни единого экземпляра этой книги. Ш. Марджани еще в XIX веке сетовал, что, несмотря на данные по всей Европе объявления, ее поиски не дали положительных результатов (кстати, в это время еще не были обнаружены и записки ибн Фадлана с отчетом о путешествии на Волгу). Следующий ученый – Абу ал-Аля Хамид ибн Идрис ал-Кадии ал-Булгари (XII век, был жив в 1106 году), кроме других титулов носил звания «борец с бидга»*, «факих»¹⁴. Судья по сочинению ибн Дауда ас-Саксини, ученика «бывшего кадием Булгара» Хамида ал-Булгари, этот «кади Булгара придерживался тарриката Ахмада Ясави»¹⁵. Также известно имя шейха имама кази Гимадулдина Абу Бакра Мухаммади ибн ал-Хасана ибн Мансура ан-Насафи¹⁶. В «Тарихи-и Бейхак» Бейхаки есть сообщение, что в 1041/1042 (433г. х.) «...человек из болгар – один из больших людей того народа – со свитой из пятидесяти человек, направляясь посетить хадж», посетил Багдад. Известно, что болгарского аристократа сопровождал человек по имени Йа'ла ибн Исхак ал-Хорезми, по прозвищу «Судья», который вел переговоры в халифском

Диване (государственной канцелярии)¹⁷.

Из сообщения ал-Гарнати об указанном болгарском кадии, переписавшем «Историю Булгара», «который был из учеников Абу-л-Масали Джувейни», И. Л. Измайлов сделал выводы о существовании «в стране болгар института судей – городских кади, входивших в высшую элиту общества и участвовавших в дипломатических контактах»¹⁸. Насколько здесь правомерно говорить об институте городских судей трудно сказать, тем более что предлагаемая автором ссылка не дает дополнительной информации о других судьях, кроме полулегендарного бухарского правоведа-факиха, «хорошо знавшего медицину». Если мы говорим о судах как о системе, скорее всего, речь должна идти в целом об институте мусульманских судей, которые по своему общественному положению, статусу, знанием закона и моральным качествам выделялись от общей массы. Вхождение отдельных городских кадиев в высшую элиту, участие их в международных контактах, безусловно, говорит об их высоком авторитете в обществе, но уводит несколько в иную плоскость. Тем более что кадии, кроме непосредственного осуществления правосудия, выполняли множество функций, входящих в круг обязанностей чиновников и нотариусов.

Судя по общим тенденциям и принципам развития общественно-правовых взаимоотношений в средневековых странах, их правители наделялись и верховной судебной властью. Более конкретные случаи проявления высшей судебной власти правителя в тюркских исламских государствах мы можем наблюдать на примере государства Караханидов и Османской империи. Правители Караханидского государства широко пользовались не только своим правом управлять народом, но и правом законодательным, судить, поощрять верных и карать провинившихся подданных. Это отчетливо видно в произведении XI века «Кутадгу билиг». Хан (элик) мог миловать или покарать, символом чего в произведении

являются находящиеся с двух сторон трона правителя две чаши: с «услადой» и ядом, в руке он держал нож. Чаша с усладой предназначена для тех, кто нашел здесь правосудие, а с отравой для тех, кто оказался неправым. Элик говорит о себе, что он символ справедливости и закона, его власть крепка, суд справедливый. Правитель одинаково судит бека и раба, чужого или своего, родню и пришельца, все они перед законом равны, ни для кого из них он не прибавит или смягчит вину. Основа власти в ее справедливости, там, где от правителя «дан справедливый закон, порочный в темнице страдать осужден». Здесь же элик сообщает собеседнику, претенденту на ханскую службу Айтолды, о своем праве казнить неверного подданного: «служи мне во благо – себя упасешь»¹⁹.

В тексте «Кутадгу билиг» неоднократно встречаются слова «закон» и «справедливость», которые практически везде являются тождественными понятиями. Правитель олицетворяет закон и справедливость. Хан владеет искусством сверять свою волю с государственными делами, применять свою власть ровно столько, сколько необходимо для пользы дела. Элик настолько справедлив, что сам определяет не только вину, но разделяет виновных по категориям, «карая дурных» и «отправляя на покой» негодных. В то же время любой правитель должен быть в курсе событий в его стране, он силен грамотными и верными помощниками, подданными, знания и навыки которых позволяют править и поддерживать законность в государстве. Хану необходимо быть осторожным и придерживаться шариата. Вместе с тем закон, который он дал народу, выше его личной власти и величия²⁰.

В идеале правитель средневекового мусульманского тюркского государства – законодатель и верховный судья, он управляет и судит по закону, несмотря на происхождение, социальное и материальное положение, родственные отношения подданных, каждый член общества имеет право на справедливый суд и отношение к себе. Правитель должен

придерживаться основ шариата и применять его по отношению к другим людям.

На примере Османской империи мы можем наблюдать более конкретные способы решения судебно-правовых споров и проявления высшей судебной власти правителя. В случаях, когда подчиняться той или иной фетве повелевал султан, у кадиев не было другого выхода, как выполнить волю правителя. В архиве султанского дворца Топкапы в Стамбуле хранится фетва, которая гласит: «Настоящая фетва выдана для обязательного исполнения высочайшим повелением...». Этот образец фетвы, обязательный к исполнению велением султана, показывает, что иногда и сам султан запрашивал необходимую ему фетву, которая также являлась обязательной к исполнению. У шейхулисламов были возможности прямо направлять подобные фетвы султану без посредства великого везира, и тем самым обеспечивать нужное решение кадия в суде²¹. С одной стороны это свидетельствует о высшей судебной власти султана, а с другой – показывает непосредственное влияние шейхулисламов на религиозно-правовую жизнь государства, судебную практику.

В исторической литературе отмечается, что к началу X века в руках болгарского предводителя, кроме военной, была сосредоточена высшая судебная и гражданская власть. Согласно тюркским традициям, глава государства или народа являлся также первосвященником (в ранних государственных образованиях это просматривается в сакрализации правящего рода). Вместе с тем мусульманизация общества существенно не повлияла на эту роль болгарского правителя. Согласно сообщениям Ибн Фадлана, царь Алмуш выступает как высшая религиозная и судебная инстанция в государстве²².

Кроме сведений Ибн Фадлана об Алмуше, в рамках верховной власти которого предполагается и высшая судебная власть, образ мудрого и справедливого болгарского правителя, конкретно наделенного правом

последней судебной инстанции, мы видим в «Сказании о Юсуфе». В произведении говорится, что он «избранных и простых судит справедливо, никому не доставляет обид и страданий». Власть Юсуфа казнить или миловать отображена и в другом отрывке, когда он сначала грозился покарать и казнить своих непутевых братьев, но затем, после мольбы о пощаде ради многострадального отца, сменил гнев на милость²³.

О высшей судебной власти правителя в средневековых тюрко-татарских государствах Среднего Поволжья свидетельствуют примеры из устного народного творчества казанских татар. В частности, у Н. Исанбета записана следующая поговорка: «Хөкем – көрөк, аны тоткан казый. Ханга кемне күмәргә кирәк – шуна кабер казый», что по смыслу можно перевести как «Правосудие – лопа-та, она в руках кадия. Кто хану неугоден – ему копают могилу»²⁴.

Материалы по истории Волжской Болгарии, в частности русские летописи и труды, написанные на их основе, позволяют нам увидеть зачатки такого явления как международный суд. Несмотря на множество военных столкновений и конфликтов, большая часть истории взаимоотношений Волжской Болгарии и русских княжеств проходила в мирном сосуществовании, взаимопомощи, выгодных торговых сделках. Мирные договоры между булгарами и русскими княжествами предполагали и разрешение возникающих спорных вопросов на основе обычаев и традиций обеих сторон. Особо показателен в этом отношении один из последних перед монгольским нашествием мирных договоров между Владимирским княжеством и Волжской Болгарией 1229 года. Подробности этого договора приводит В. Н. Татищев, как рядом с русской границы на острове Коренев собрались русские и болгарские послы и стали договариваться. Как пишет историк, решили «купцам ездить в обе стороны с товары не возбранно и пошлину платить по уставу каждого града безобидно; (бродникам) рыболовам ездить с обе стороны до межи; и иметь любовь и

мир, пленников всех освободить; а буде будет разпря, судить, съехався судиам от обоих на меже»²⁵.

Обоюдное желание нормализовать экономические и политические отношения двух государств вполне понятно. Исследователи, основываясь на русские летописи, говорят не только о взаимовыгодной торговле, но и о многочисленных колониях русских в Волжской Болгарии и болгар на русской территории. В частности, в городах Владимирско-Суздальской земли проживало множество болгар, которые обеспечивались даже ссудами²⁶.

Однако факт сотрудничества и возникновения тех или иных спорных ситуаций еще не говорит о наличии совместного суда, способного и предназначенного выносить решения, обязательные для исполнения обеими сторонами. На каких же основаниях собирались устроить суд люди князя Юрия Всеволодовича и представители от болгар в 1229 году? Ответ на этот вопрос находится в тех же русских летописях. После предыдущих военных конфликтов, в 1220 году великий князь Юрий принял мир от болгарских послов, «управившаяся по прежнему миру, яко же было при отце его Всеволоде и при деде его Георгии Володимеричи, и посла съ ними мужи свои водити въ роту князей ихъ и земли ихъ по ихъ закону»²⁷. Каждая из сторон принесла присягу в соответствии со своими обычаями и верой. Как писал Н. М. Карамзин об этом факте, опираясь на русские источники, «послы наши ездили к ним в землю, где народ утвердил сей мир, клятвою по закону магометанскому»²⁸.

Здесь налицо возложение на стороны конкретных условий и взаимных обязательств в рамках мирных договоров, выполнение которых гарантировало обоюдные клятвы и присяги. Отступление от клятв или их нарушение считалось преступлением, рассматривалось на совместном суде и строго каралось. Возможно, пункты этого и предыдущих мирных договоров, а также общие принципы добрососедства и стали поводом для организации некоего прообраза международного суда над

подданными этих государств на границе Руси и Волжской Болгарии.

Соприкосновения двух культур, согласование двух общественно-правовых систем мы видим и в сообщениях ал-Гарнати. Так, арабский путешественник сообщает об уголовном преследовании за имущественные преступления у славян. Если кто-либо из них наносил ущерб невольнице другого, или его сыну, или его скоту, или нарушал законность каким-либо другим образом, то с нарушителя брали определенную сумму штрафа. Если у нарушителя не было денег, то как плату за преступление продавали его жену, сыновей и дочерей. При отсутствии семьи и детей виновного продавали самого. Он оставался рабом у потерпевшего, пока не расплачивался с потерпевшим, или кто-либо не расплачивался за него. В противном случае должник мог прослужить хозяину столько времени, пока тот не умрет. За подобную службу нарушителю не полагалось никакой платы. Такие строгие законы действовали и во взаимоотношениях славян с иноземцами и иноверцами. «А страна их надежная, – говорил ал-Гарнати. – Когда мусульманин имеет дело с кем-нибудь из них, и славянин обанкротился, то продает он и детей своих и дом свой и отдает этому купцу долг»²⁹. Учитывая, что ближайшим мусульманским народом, постоянно проживающим рядом со славянами, были волжские болгары, с большей вероятностью можно сказать, что в данном случае идет речь о деловых и торговых взаимоотношениях, происходивших именно между этими соседскими народами.

Обобщая сказанное, мы можем сделать следующие выводы. Принятие ислама волжскими булгарами обусловило изменения как в общественно-правовых взаимоотношениях в общем, так и непосредственно в судебной системе. Отныне правосудие вершили не знатоки древнего тюркского права и обычаев, а специалисты по фикху. В болгарском обществе появились кади, основным предназначением кото-

рых было осуществление среди населения правосудия. Мусульманская правовая система принесла волжским болгарам новые принципы разрешения судебных-спорных вопросов и упорядочила судебно-правовые взаимоотношения в государстве. Следующим важным обстоятельством можно назвать

то, что в этот период появились зачатки международного суда между Русью и Волжской Болгарией. Вместе с тем внутри общин и у других народов Волжской Болгарии оставалась возможность разрешать споры на основе обычного тюркского права. Высшей судебной властью оставался сам хан.

- 1 История мусульманской мысли в Волго-Уральском регионе. – Казань: РИУ, 2010. – С. 63.
- 2 История Османского государства, общества и цивилизации: в 2т. / под ред. Э.Ихсаноглу; Исслед. центр исламской истории, искусства и культуры; пер. В.Б. Феоновой под ред. М.С. Мейера. – Т.1. – М.: Восточная литература, 2006. – С. 347.
- 3 Мухаметшин Р.М. Ислам в татарской общественной мысли начала XX века. – Казань: Иман, 2000. – С. 19-20.
- 4 Адыгамов Р.К. Габдрахим Уты-Имяни. – Казань: Издательство «Фэн» Академии наук Республики Татарстан, 2005. – С. 96-97.
- 5 Березин И. Булгар на Волге // Ученые записки КГУ. Книга III. – Казань: Типография Казанского университета, 1852. – С. 153-155.
- 6 Худяков М. Г. Очерки по истории Казанского ханства. – М.: ИИНСАН, 1991. – С. 198.
- 7 Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную Европу и Центральную Европу (1131 – 1151). – М.: Главная редакция восточной литературы, 1971. – С. 37.
- 8 Гаркави А.Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и Хазарском царстве. – С.-Петербург: Типография академии наук, 1874. – С. 129-130.
- 9 Губайдуллин Г. История распространения арабского права среди приволжских татар / Мухамедеев А.Р. Шариатская комиссия при Народном комиссариате юстиции ТАССР. – Казань: Изд-во ДУМ РТ, 2009. – С. 86.
- 10 Гаркави А.Я. Сказания мусульманских писателей... – С.152.
- 11 Голубовский П. Болгары и хазары / «Киевская старина». Т. 22. - Киев, 1888. – С. 64.
- 12 Ковалевский А.П. Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921-922 гг. – Харьков: Изд-во ХГУ, 1956. – С. 147
- 13 Плетнева С.А. Хазары. – М.: Изд-во «Наука», 1976. – С. 58.
- 14 Марджани Ш. Извлечение вестей о состоянии Казани и Булгара. Часть 1. – Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2005. – С. 101-102.
- 15 Измайлов И. Распространение и функционирование ислама в Волжской Болгарии // Ислам и мусульманская культура в Среднем Поволжье: история и современность. Очерки. – Казань: Изд-во «Фэн», 2006. – С. 45.
- 16 Марджани Ш. Извлечение вестей... – С. 101-103.
- 17 Измайлов И.Л. Великий волжский путь и распространение ислама в Поволжье // Великий волжский путь: история формирования и культурное наследие. Материалы III-го этапа Международной научно-практической конференции «Великий волжский путь». Часть II. Казань: ИИ АН РТ, 2004. – С. 36.
- 18 Измайлов И.Л. Распространение и функционирование ислама в Волжской Булгарии... – С.42; Измайлов И.Л. Ислам и мусульманская культура в Волжской Булгарии / История татар... Т. II... – С. 555.
- 19 Юсуф Баласагунский. Благодатное знание. – М.: «Наука», 1983. – С. 86-95.
- 20 Юсуф Баласагунский. Благодатное знание... – С. 59-62.
- 21 История Османского государства... – С. 352.
- 22 История татар... Т. II... – С. 144.
- 23 Кул Гали. Сказание о Юсуфе. – Казань: Татарское книжное издательство, 1985. – С. 137.
- 24 Нэкий Исәнбэт. Т. III. Татар халык мәкалләре... – 373 б.
- 25 Татищев В.Н. История Российская. – Т.3. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1964. – С. 225.
- 26 Фахрутдинов Р. Г. Очерки по истории Волжской Булгарии. – М.: «Наука», 1984. – С. 91.
- 27 Русские летописи. Воскресенская летопись. Подготовлена Цепковым А.И. по изданию: ПСРЛ, т.7, СПб, 1856. – Рязань: «РИНФО». – С. 176.
- 28 Карамзин Н.В. История государства Российского. Книга 1. – Ростов н/Д: Изд-во «Феникс», 1994. – С. 448.
- 29 Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную Европу... – С.36-37.

ПРИНОСИМ ИЗВИНЕНИЯ ЗА ДОПУЩЕННУЮ НЕТОЧНОСТЬ

В материале «В Татарстане избран новый состав судейского сообщества» (опубликован в журнале «Правосудие в Татарстане», №1 за 2011г., стр. 38), содержится неполная информация о новом составе Совета судей Республики Татарстан. В материале отсутствуют данные о нескольких членах Совета судей РТ: заместителе председателя Конституционного суда РТ Сахиевой Раисе Абдулловне и председателе Казанского гарнизонного военного суда Сафонове Эдуарде Евгеньевиче. Приносим свои извинения за допущенную ошибку и публикуем полный список членов Совета судей РТ.

СОСТАВ СОВЕТА СУДЕЙ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН

Шарифуллин Рамиль Анварович, председатель Совета судей РТ, первый заместитель председателя Верховного Суда РТ

Латыпов Наиль Анверович, заместитель председателя Совета судей РТ, первый заместитель председателя Арбитражного суда РТ

Ковальчук Александр Николаевич, заместитель председателя Совета судей РТ, председатель Зеленодольского городского суда РТ

Сафонов Эдуард Евгеньевич, член Совета судей РТ, председатель Казанского гарнизонного военного суда

Сахиева Раиса Абдулловна, член Совета судей РТ, заместитель председателя Конституционного суда РТ

Гафаров Роман Фагимович, член Совета судей РТ, судья Верховного суда РТ

Никулина Ирина Геннадьевна, член Совета судей РТ, судья Арбитражного суда РТ

Газдинов Мехмади Тазиевич, член Совета судей РТ, председатель Альметьевского городского суда РТ

Гараев Магнави Тимершович, член Совета судей РТ, председатель Советского районного суда г. Казани

Мусин Фанис Сахибутдинович, член Совета судей РТ, председатель Вахитовского районного суда г. Казани

Хамитов Радик Накимович, член Совета судей РТ, председатель Набережночелнинского городского суда РТ

Шамгунов Ильдар Габдрахманович, член Совета судей РТ, председатель Авиастроительного районного суда г. Казани

Гафурова Гульнара Александровна, член Совета судей РТ, мировой судья судебного участка № 7 Ново-Савиновского района г. Казани

Мельникова Ольга Васильевна, член Совета судей РТ, мировой судья судебного участка № 3 Советского района г. Казани

Музипова Чулпан Исмагиловна, член Совета судей РТ, мировой судья судебного участка № 3 г. Набережные Челны

Пьяный за рулем – угроза жизни людей и причинения имущественного ущерба

Статистика смертности и инвалидности от полученных в дорожно-транспортных происшествиях травм свидетельствует, что за год по стране на дорогах погибает население небольшого города. За каждым дорожно-транспортным происшествием стоят конкретные люди с их планами на будущее, которым не суждено осуществиться. Все потому, что водитель сел за руль в нетрезвом состоянии, или понадеялся на «авось» при проезде перекрестка на красный сигнал светофора, или пошел на обгон, не убедившись в безопасности такого маневра. Данные нарушения отнесены к категории неосторожных, но ведь это не избавляет от боли утраты близкого человека или полученных травм.

Проанализировав статистические данные, законодатель внес изменения в законодательство об административных правонарушениях и уголовных преступлениях, связанных с нарушением Правил дорожного движения. Наряду с нормами административного и уголовного законодательства действуют нормы гражданского права, применение которых способно предотвратить рост нарушений Правил дорожного движения. Речь идет о возможности прекращения действия права водителей на управление транспортными средствами. Об эффективности применения такой меры свидетельствует практика Азнакаевского городского суда по рассмотрению дел данной категории.

В 2010 году Азнакаевский городской прокурор РТ обратился в суд с заявлениями о прекращении действия права управления транспортными средствами лицами, состоящими на учете у врача-нарколога с диагнозами «синдром зависимости от алкоголя» и «синдром зависимости от наркотических средств». Основанием для обращения послужило то, что ответчики имели право на управление транспортными средствами различных категорий и вместе с тем состояли на учете у врача-нарколога с перечисленными диагнозами, которые являются медицинским противопоказанием для управления транспортными средствами.

Всего судом в 2010 году рассмотрено 30 дел данной категории, по 24 делам вынесены решения, в том числе по 21 делу – об удовлетворении заявления прокурора, по 3 делам в удовлетворении заявления отказано. По 6 делам производство по делу прекращено в связи с отказом прокурора от заявления, из них по одному делу – в связи со смертью ответчика. Из двадцати четырех дел восемь рассмотрены в отсутствие ответчиков в порядке заочного производства, по ним вынесены заочные решения об удовлетворении заявления прокурора. По одному делу ответчик Р. в суд не явился после проведения в отношении него амбулаторного судебно-наркологического исследования, по результатам которого у него выявлены противопоказания к управлению транспортными средствами.

По делам, по которым в удовлетворении заявления прокурору судом было отказано либо производство по делу прекращено в связи с отказом прокурора от заявления, установлено, что ответчики на момент рассмотрения дела не имели противопоказаний к управлению транспортными средствами, или истек срок действия права управления транспортными средствами. Так, по делу в отношении ответчика Ш. прокурором суду было представлено медицинское заключение, которым выставленный ему диагноз «синдром зависимости от алкоголя» не подтверждается, поэтому медицинских противопоказаний к управлению транспортными средствами у него не имеется. Аналогичное заключение представил суду ответчик М., производство по делу судом было прекращено в связи с отказом прокурора от заявления. В случае с ответчиком И. на момент обращения прокурора с данным заявлением истек срок действия водительского удостоверения, выданного 1 февраля 2000 года.

Постановлением Правительства Российской Федерации «О реализации Закона РФ «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» утвержден Перечень медицинских противопоказаний для осуществления деятельности, связанной с источником повышенной опасности. Для водителей транспортных средств уста-

новлены противопоказания при алкоголизме, наркомании и токсикомании.

Ограничение прав и свобод человека и гражданина возможно только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты здоровья, прав и законных интересов других лиц, интересов общества и государства. Закрепленные Конституцией Российской Федерации права и свободы человека и гражданина не должны нарушать права и свободы других лиц.

При разрешении данных дел судом в отношении ответчиков назначались амбулаторные судебно-наркологические исследования, поскольку Федеральным законом «О безопасности дорожного движения» установлено, что ухудшение здоровья водителя, препятствующее безопасному управлению транспортными средствами, подтвержденное медицинским заключением, является основанием прекращения действия права на управление транспортными средствами. По одному делу ответчик Г. от его прохождения уклонился.

Для более полного и объективного рассмотрения дел судом также в стадии подготовки дела к слушанию направлены запросы в ОГИБДД Азнакаевского ОВД о наличии у ответчиков зарегистрированных на праве собственности транспортных средств и сведений

о привлечении их к административной ответственности за нарушение Правил дорожного движения.

После постановки на учет с приведенными выше диагнозами больной должен прийти на прием к врачу-наркологу для определения наличия или отсутствия у него ремиссии (улучшения) в лечении заболевания, выполнять все медицинские назначения. В первый год – ежемесячно, во второй год – раз в два месяца, в третий год – раз в три месяца. В случае если гражданин в течение года не употреблял спиртные напитки, добросовестно исполнял все указания врача, то по истечении этого срока он может быть направлен на медицинскую комиссию, которая определяет, имеется ли у больного ремиссия, и насколько она устойчива. По результатам медицинского обследования выдается заключение о снятии больного с учета или его продлении, даются рекомендации о необходимости получения больным амбулаторного или стационарного лечения.

Так, ответчик И. после получения заявления прокурора обратился к врачу-наркологу Азнакаевской ЦРБ. По его направлению прошел полное медицинское освидетельствование, по результатам которого у него установлена устойчивая ремиссия, которая позволила снять его с диспансерного учета. При этом комиссией врачей было при-

нято во внимание, что больной И. в течение года систематически являлся на прием к врачу, выполнял все его указания, что способствовало улучшению состояния его здоровья. За прошедший год ответчик к административной ответственности за нарушение Правил дорожного движения не привлекался. С учетом приведенных доказательств в удовлетворении заявления прокурору отказано.

Из представленных суду медицинских заключений в отношении остальных ответчиков следует, что ремиссии у больных отсутствуют, к управлению транспортными средствами они не годны. По этим делам судом приняты решения об удовлетворении заявления прокурора. Суд прекратил действие права ответчиков на управление транспортными средствами до снятия с диспансерного учета в наркологическом кабинете муниципального бюджетного учреждения здравоохранения «Азнакаевская ЦРБ» и обязал возвратить водительское удостоверение в МРЭО ГИБДД г. Бугульмы.

По всем делам судебные постановления участниками процесса обжалованы не были и вступили в законную силу.

*Т.И. Гильфанова,
судья Азнакаевского
городского суда РТ*

Приватизация садовых и дачных земельных участков

Отношения по созданию и деятельности дачно-строительных кооперативов и садоводческих товариществ регулировались действовавшим ранее земельным кодексом РСФСР и другими нормативными актами. Дачно-строительным кооперативам земельные участки под строительство дач предоставлялись из

земель населенных пунктов, государственного запаса и из находящихся за пределами зеленой зоны городов земель государственного лесного фонда. Для коллективного садоводства земельные участки выделялись предприятиям, учреждениям, при которых организовывались садоводческие товарищества, из земель го-

сударственного земельного фонда, при необходимости — из земель колхозов, совхозов и других сельскохозяйственных предприятий.

Из выделенных дачно-строительным кооперативам и предприятиям на праве постоянного (бессрочного) пользования земель за членами дачно-строительных коо-

перативов и садовых товариществ земельные участки закреплялись самими кооперативами и предприятиями во вторичное пользование без ограничения определенным сроком. Фактически членам дачно-строительных кооперативов и садоводческих товариществ земельные участки выделялись на праве постоянного (бессрочного) пользования, хотя нормативно это не было прямо предусмотрено.

Создание, деятельность и ликвидация дачно-строительных кооперативов и садоводческих товариществ регулировались «Примерным Уставом дачно-строительного кооператива», утвержденным Постановлением Совета Министров РСФСР от 24 сентября 1958 года №1125 и «Типовым Уставом садоводческого товарищества», утвержденным Постановлением Совета Министров РСФСР от 31 марта 1988 года, утратившими силу в связи с принятием Закона СССР «О кооперации в СССР».

Примерный Устав дачно-строительного кооператива не допускал саму возможность членства в кооперативе без закрепления за гражданином конкретной дачи и земельного участка. Порядок приватизации дачных и садовых участков регламентировался отдельными актами субъектов Российской Федерации.

В настоящее время отношения, возникающие в связи с ведением гражданами садоводства, огородничества и дачного хозяйства, регулируются Федеральным законом от 15.04.1998г. №66-ФЗ «О садоводческих, огороднических и дачных некоммерческих объединениях граждан».

Положения данного закона являются нормами прямого действия и применяются по отношению ко всем садоводческим, огородническим и дачным некоммерческим объединениям, как создаваемым на территории Российской Федерации, так и к ранее созданным садоводческим, огородническим и дачным товариществам и садоводческим, огородническим и дачным кооперативам.

Новый закон объединил дачно-строительные кооперативы и садоводческие товарищества, предусмотрев для них три организационно-правовые формы: некоммерческое товарищество, потребительский кооператив и некоммерческое партнерство. Различия между ними заключаются в порядке формирования имущества общего пользования и условиях ответственности членов объединения и самого объединения как юридического лица по обязательствам друг друга. Право выбора формы объединения зависит от усмотрения самих граждан-владельцев садовых участков.

Также новым законом закреплены основанные понятия. Так, согласно ст.1 закона садовый земельный участок — это земельный участок, предоставленный гражданину или приобретенный им для выращивания плодовых, ягодных, овощных, бахчевых или иных сельскохозяйственных культур и картофеля, а также для отдыха (с правом возведения жилого строения без права регистрации проживания в нем и хозяйственных строений и сооружений);

— огородный земельный участок — земельный участок, предоставленный гражданину или приобретенный им для выращивания ягодных, овощных, бахчевых или иных сельскохозяйственных культур и картофеля (с правом или без права возведения некапитального жилого строения и хозяйственных строений и сооружений в зависимости от разрешенного использования земельного участка, определенного при зонировании территории);

— дачный земельный участок — земельный участок, предоставленный гражданину или приобретенный им в целях отдыха (с правом возведения жилого строения без права регистрации проживания в нем или жилого дома с правом регистрации проживания в нем и хозяйственных строений и сооружений, а также с правом выращивания плодовых, ягодных, овощных, бахчевых или иных сельско-

хозяйственных культур и картофеля);

— садоводческое, огородническое или дачное некоммерческое объединение граждан (садоводческое, огородническое или дачное некоммерческое товарищество, садоводческий, огороднический или дачный потребительский кооператив, садоводческое, огородническое или дачное некоммерческое партнерство) — некоммерческая организация, учрежденная гражданами на добровольных началах для содействия ее членам в решении общих социально-хозяйственных задач ведения садоводства, огородничества и дачного хозяйства (далее — садоводческое, огородническое или дачное некоммерческое объединение).

Новый закон в ст. 28 закрепил право граждан на приватизацию своих садовых или дачных земельных участков.

Согласно данной статье предоставление в собственность земельных участков садоводам, огородникам, дачникам и их садоводческим, огородническим и дачным некоммерческим объединениям, получившим такие земельные участки из земель, находящихся в государственной или муниципальной собственности, осуществляется без проведения торгов за плату или бесплатно в случаях, установленных федеральными законами, законами субъектов Российской Федерации.

Граждане, обладающие садовыми, огородными или дачными земельными участками на праве пожизненного наследуемого владения или постоянного (бессрочного) пользования, вправе зарегистрировать права собственности на такие земельные участки в соответствии со статьей 25.2 Федерального закона от 21 июля 1997 года №122-ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним». Принятие решений о предоставлении указанным гражданам в собствен-

ность таких земельных участков в этом случае не требуется.

В случае если земельный участок, составляющий территорию садоводческого, огороднического или дачного некоммерческого объединения, предоставлен данному некоммерческому объединению либо иной организации, при которой до вступления в силу настоящего закона уже было создано (организовано) некоммерческое объединение, гражданин, являющийся членом данного некоммерческого объединения, имеет право бесплатно приобрести в собственность земельный участок, предоставленный ему в соответствии с проектом организации и застройки территории некоммерческого объединения либо другим устанавливающим распределение земельных участков в данном объединении документом.

В этом случае предоставление земельного (садового, дачного) участка в собственность гражданина осуществляется исполнительным органом государственной власти или органом местного самоуправления, на основании заявления гражданина – пользователя участка или на основании заявления его представителя.

К заявлению прилагаются следующие документы: описание местоположения земельного (садового, дачного) участка, подготовленное самим гражданином; заключение правления данного некоммерческого объединения, подтверждающее соответствие описания местоположения земельного участка местоположению земельного участка, фактически используемого гражданином.

Исполнительный орган государственной власти или орган местного самоуправления (исполком муниципального района), обладающие правом предоставления земельного участка, в двухнедельный срок с даты получения заявления и необходимых документов обязаны принять решение о предоставлении в собственность такого земельного участка либо об отказе в его предоставлении.

Основанием для отказа в предоставлении гражданину в собственность земельного (садового, дачного) участка является установленный федеральным законом запрет на предоставление земельного участка в частную собственность.

Данный запрет предусмотрен ст.25 Земельного кодекса РФ, согласно которой не могут быть предоставлены в частную собственность земельные участки, изъятые из оборота, и земельные участки, отнесенные к землям, ограниченным в обороте.

Из оборота изъяты земельные участки, занятые находящимися в федеральной собственности объектами: государственными природными заповедниками и национальными парками; зданиями, строениями и сооружениями, в которых размещены для постоянной деятельности Вооруженные силы Российской Федерации, другие войска, воинские формирования и органы и др.

Ограничиваются в обороте находящиеся в государственной или муниципальной собственности земельные участки: в пределах особо охраняемых природных территорий; из состава земель лесного фонда; участки, предоставленные для обеспечения обороны и безопасности, оборонной промышленности; участки, предоставленные для нужд связи; участки, расположенные в границах земель, зарезервированных для государственных или муниципальных нужд и других случаях.

В случае отказа в предоставлении гражданину — члену садоводческого товарищества в собственность находящегося в его пользовании земельного (садового) участка по иным основаниям, данный гражданин в силу ст.28 вышеуказанного закона вправе оспорить решение органа в суде.

Необходимо указать, что в силу закона, права у несобственников земельных участков (например, дачников, садоводов и огородников, которые не приватизировали свои участки), по сравнению с собственниками, намного меньше.

Гражданин, не приватизировавший свой дачный, садовый или огородный земельный участок, не может ни в какой форме распоряжаться им: продавать, передавать в аренду, дарить, завещать и т.д.

Как показывает сложившаяся судебная практика, граждане Азнакаевского района и города Азнакаево все активнее реализовывают предусмотренные действующим законодательством права на приватизацию находящихся в их пользовании садовых, дачных земельных участков.

В 2010 году в Азнакаевский городской суд обратились 4 гражданина с исками к исполнительному комитету Азнакаевского муниципального района Республики Татарстан, Палате имущественных и земельных отношений Азнакаевского муниципального района Республики Татарстан о признании незаконным отказ в приватизации земельных участков, расположенных в садоводческом товариществе «Дружба» г. Азнакаево и признании за ними права собственности на садовые участки. По трем гражданским делам требования граждан признаны обоснованными, в удовлетворении одного заявления о признании права собственности на садовый участок, расположенный в массиве садового товарищества «Дружба» г. Азнакаево, отказано, в связи с тем, что оспариваемый участок расположен в границах земельного участка, зарезервированного для муниципальных нужд согласно постановлению исполкома №75 от 24.04.2009 года. Действующим земельным законодательством введен запрет на предоставление в собственность граждан и юридических лиц земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности, зарезервированных для государственных или муниципальных нужд.

*И.Н. Сабитов,
судья Азнакаевского
городского суда РТ*

**ПРЕДСЕДАТЕЛЬ
МЕНДЕЛЕЕВСКОГО РАЙОННОГО
СУДА РТ В СОСТАВЕ ДЕЛЕГАЦИИ
ТАТАРСТАНСКИХ СУДЕЙ
ПОСЕТИЛ США**

10-дневная поездка в Джексонвилл (штат Флорида) (с 24 марта по 2 апреля 2011 г.) проходила в рамках международной программы «Открытый мир». Как известно, эта программа финансируется Библиотекой конгресса США и имеет целью укрепление взаимопонимания и сотрудничества между Российской Федерацией и Соединенными Штатами.

В состав делегации вошли председатель Менделеевского районного суда Ирек Набиев, судьи Верховного суда Республики Татарстан Рашит Файзуллин, Наиль Хаертдинов, заместитель председателя Вахитовского районного суда г. Казани Наиля Рахматуллина и председатель Лениногорского городского суда РТ Эрик Шайдуллин.

Делегаты побывали в Вашингтоне, где состоялся семинар, на котором татарстанские и американские судьи обменялись мнениями о судебных системах двух стран. Для более детального знакомства со структурой судебной системы Штатов и особенностями американского правосудия члены делегации судей посетили город Джексонвилл штата Флорида. Именно во время второй части программы делегаты получили основной объем информации о независимом правосудии, работе судов присяжных, об административном управлении, судебной этике, правосудии по делам несовершеннолетних, правозащитной деятельности, законотворчестве, взаимоотношениях между судебными органами и СМИ, а также системе профессиональной подготовки судей и других специалистов-правоведов, стали очевидцами того, как судоустойство и судопроизводство Штатов способствует реализации основных принципов правосудия и эффективной защиты прав и свобод граждан. Делегаты получили возможность воочию увидеть, как работают американские судьи, секретари, администраторы суда, посетили

Школу права, частную юридическую фирму, Федеральный суд, офис клерков Джексонвилльского округа, ведомство служебных приставов, службу условно-досрочного освобождения, реальные процессы, ознакомились с некоторыми процессуальными особенностями судебных заседаний, с системой работы Большого жюри и прокуратуры.

(Из Интернет-сайта Менделеевского районного суда РТ)

**В ВАХИТОВСКОМ РАЙОННОМ
СУДЕ ВПЕРВЫЕ В ТАТАРСТАНЕ
ПРИМЕНИЛИ МОБИЛЬНЫЙ
КОМПЛЕКС ЗАЩИТЫ
СВИДЕТЕЛЯ**

В конце апреля в Вахитовском районном суде г. Казани впервые в Республике Татарстан в ходе рассмотрения уголовного дела был применен мобильный комплекс защиты свидетеля, который позволяет скрыть личность свидетеля от обвиняемых и их возможных сообщников.

Мобильный комплекс защиты свидетеля состоит из двух систем: одна устанавливается в помещении, где находится свидетель, а вторая — в зале судебного заседания. В зал судебного заседания передается только речь свидетеля. Голос изменяется до неузнаваемости, распознать его, даже с помощью спецпрограмм, невозможно. Напротив председательствующего по делу судьи устанавливается нетбук и микрофон, с помощью нетбука судья может видеть свидетеля. Кроме судьи, свидетеля никто не видит, сам свидетель может видеть зал судебного заседания с помощью веб-камеры, в том числе и подсудимого. Напротив защитника, государственного обвинителя также устанавливаются микрофоны.

(Пресс-служба суда)

УЧАЩИЕСЯ ПОСЕТИЛИ СУД

19 мая 2011 года Атинский районный суд РТ принимал юных гостей — учащихся 9А класса Большеатнинской средней общеобразовательной школы.

Судья Гузалия Мухаметзянова ознакомила их с коллективом районного и мирового судов, с порядком работы суда, с веде-

нием делопроизводства в суде, а также рассказала о ГАС «Правосудие», системе «Консультант Плюс». Также состоялась встреча с председателем суда Мухамедом Сафаргалиевым.

Для гостей провели экскурсию по зданию суда. По ходу экскурсии на вопросы любознательных учащихся отвечали судья Гузалия Мухаметзянова, администратор суда Марсель Файзрахманов, помощник судьи Алия Хакимова.

(Из Интернет-сайта Атинского районного суда РТ)

**В БУГУЛЬМЕ ПРОШЕЛ
СЕМИНАР-СОВЕЩАНИЕ
СУДЕЙ РЕСПУБЛИКИ**

Совещание открыл заместитель председателя Верховного суда Республики Татарстан Марат Хайруллин.

С докладом на тему «Рассмотрение судами республики дел о компенсации морального вреда» выступила судья Верховного суда Республики Татарстан Лилия Хамзина, с докладом на тему «Практика рассмотрения гражданских дел судами Республики Татарстан, связанных с вопросах государственной регистрации актов гражданского состояния» — судья Верховного суда Республики Татарстан Луиза Сибгатуллина.

Доклад судьи Верховного суда республики Романа Гафарова был посвящен практике назначения и производства судебных экспертиз по гражданским делам, а судьи Рафаиля Шакирьянова — вопросам, возникающим в практике районных судов при разрешении споров, вытекающих из кредитных правоотношений.

С докладом на тему «Отдельные вопросы практики применения норм «Жилищного кодекса Российской Федерации» и Федерального закона «Об исполнительном производстве» выступил судья Верховного Суда Республики Татарстан Радик Гилманов, с докладом на тему «Вопросы практики рассмотрения дел об административных правонарушениях» выступил судья Верховного суда Республики Татарстан Ирек Мавлявиев.

(Из Интернет-сайта Бугульминского городского суда)

Поздравляем Вас с юбилеем!

- **6 апреля 1961 г.** — **Гараева Рузалия Саматовна**, судья Советского районного суда г. Казани — **50**
- **15 апреля 1961 г.** — **Набиев Риф Ахтамович**, судья Нижнекамского городского суда РТ — **50**
- **24 апреля 1961 г.** — **Халикова Гузаль Габделхаковна**, мировая судья в отставке судебного участка №10 Набережночелнинского района и г. Набережные Челны РТ — **50**
- **25 апреля 1961 г.** — **Ковальчук Александр Николаевич**, председатель Зеленодольского городского суда РТ — **50**
- **29 апреля 1956 г.** — **Гараев Амирхан Шайхайдарович**, председатель Актанышского районного суда РТ — **55**
- **1 мая 1961 г.** — **Токарчук Ляля Маликовна**, мировая судья в отставке судебного участка №9 Советского района г. Казани — **50**
- **12 мая 1956 г.** — **Гильманова Нафиса Минехановна**, судья в отставке Аксубаевского районного суда РТ — **55**
- **18 мая 1961 г.** — **Шигабиева Алсу Васильевна**, судья Елабужского городского суда РТ — **50**
- **24 мая 1946 г.** — **Вафина Гульсум Абдулловна**, судья в отставке Чистопольского городского суда РТ — **65**
- **2 июня 1956 г.** — **Гатауллин Ринат Фатхуллович**, судья Кукморского районного суда РТ — **55**